КАК ПРИРУЧИТЬ ДРАКОНА 4.

ЕВГЕНИЙ КАПБА

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Третья четверть - самая длинная в году. Позади - рождественские каникулы, впереди - губернский этап предметных олимпиад. Можно сосредоточиться на работе, уделить время реставрации поместья и исследованию его тайн, помочь новому главе города налаживать в нем жизнь... Да? Нет! Слишком уж заметным стал Георгий Пепеляев, и слишком серьезные силы обратили на него внимание

- Как приручить дракона — 4
  - Глава 1
  - Глава 2
  - Глава 3
  - Глава 4
  - Глава 5
  - Глава 6
  - Глава 7
  - Глава 8
  - Глава 9
  - Глава 10
  - Глава 11
  - Глава 12
  - Глава 13
  - Глава 14
  - Глава 15
  - Глава 16
  - Глава 17
  - Глава 18
  - Глава 19
  - Глава 20
  - Глава 21
  - Глава 22
  - Nota bene

Как приручить дракона — 4

Глава 1
Конфлюэнция

В истории про графа Монте-Кристо мне больше всего нравится часть, где Эдмон Дантес сидит в замке Иф. Я даже пару раз перечитывал именно ее, только эти несколько глав, не углубляясь дальше в историю изощренной мести. Казалось бы — человек оказался в ужасных обстоятельствах, он заключен в тюрьме, предан друзьями, разлучен с любимой, потерял счет времени, находится на грани сумасшествия… Что тут вообще может понравиться? Ответ для меня всегда был очевидным: у Эдмона нашелся аббат Фариа, который помог ему употребить время заключения с максимальной пользой.

По сути, из простого, пусть и перспективного, моряка Фариа вылепил графа. Аббат обучил Дантеса куче полезных вещей: иностранным языкам, наукам, этикету, умению мыслить стратегически, а еще — упорству и целеустремленности… Пока они занимались тяжелым, изнурительным физическим трудом, копали дьявольски длинный подземный ход долгими-долгими месяцами, то не забывали и об интеллектуальном развитии. Извлечь максимум даже из самой страшной ситуации — вот чему меня научил Монте-Кристо! По большому счету, эта часть — не баллада о мести. Это — педагогическая поэма. Иногда, во время тяжкой болезни, я вспоминал замок Иф и этих двух несломленных узников и… И шел вести уроки, несмотря на адские боли, и брал в библиотеке очередные исторические монографии давно забытых ученых, и принимался за гимнастику, хотя сильнее всего хотелось просто лечь и страдать. У аббата Фариа было сокровище кардинала Спада, у меня — всегда были дети. Когда есть ради чего держаться — не потерять облик человеческий в самых диких условиях гораздо легче.

Но теперь, когда я сам оказался в ситуации, похожей на книжную, почему-то никакого желания заняться саморазвитием не возникало. Может быть, времени еще мало прошло? Вот отсидел бы годик — глядишь, и йогой бы занялся или отжиматься бы стал две тысячи раз… А я-то тут — всего ничего. Может — сутки. Может — чуть больше.

Да и аббат Фариа из-под земли вылезать не торопился. Потому как никакой земли тут в наличии не имелось: каменные стены, сырые и холодные, каменные же пол и потолок — все это у кого угодно отобьет охоту делать подкопы… Кроме сырого камня тут имелась кровать из неприятного на ощупь пластика,

поролоновый матрас, пластиковое же ведро, в которое предполагалось испражняться, пластиковый рукомойник для гигиенических процедур. Попить можно было тоже оттуда — из рукомойника. Для этого на его крышке оставили одноразовый пластиковый стаканчик. Больше ни на что тут места не хватило бы, даже если очень сильно постараться и захотеть. Каморка три на два метра — особенно не разгуляешься, ни в прямом, ни в переносном смысле.

Помимо воды в рукомойнике тут горел свет, и это я решил считать жирным плюсом. Свет исходил из небольшого стеклянного многогранника на потолке и имел явно магическое происхождение. Неяркое голубое свечение позволяло прицельно мочиться в ведро и не спотыкаться о кровать, когда я возвращался от рукомойника или от двери. Зачем я ходил к двери? Ну, так исключительно для того, чтобы понять, когда ко мне заявится кто-то из тюремщиков. Зачем мне тюремщик? Чтобы вытрясти из гада всю душу, однако!

Это ведь только в кино всё сложно. Долгие расследования там, таинственные тайны… С наркодилерами в Вышемире все получилось очень просто: берешь за жабры крайнее звено цепочки, выуживаешь из него наводку на шишку чуток повыше рангом, добираешься до него, тоже хватаешь за жабры — и идешь до самого верха, пока не добираешься до главного рептилоида.

Один раз получилось — почему не должно было получиться снова? Я мечтал сожрать мерзавца, который упек меня сюда. А еще — я мечтал сожрать того чинушу, который росчерком пера заставил Гутцайт отправить меня на курсы повышения квалификации в Минск. Это ведь безумие: отрывать педагога от учебного процесса перед губернским этапом олимпиад и посылать в столицу слушать лекции людей, которые от школьного образования далеки более, чем полностью!

Честно говоря, мне теперь казалось, что в этом имелся злой умысел. Кто-то специально выдернул меня из Вышемира, где я чувствовал себя как рыба в воде… Выдернул — и украл. Кто-то довольно могущественный и уверенный в своих силах. Нужно быть очень, очень уверенным в себе, чтобы меня украсть. В конце концов — полгорода уже знало, что я работаю с Сыскным приказом, служил в Поисковом и в свободное время бью тех, кто обижает детей. Историю с «Рассветом» и подпольными боями раздули до небес, ко мне даже телевидение в гости приезжало. Передача «Земское утро», рубрика «Живет такой парень».

А тут решил от общаги, где нас, педагогов, разместили, с ветерком до Жданович добраться, вызвал такси, сел в машину — и вуаля. Однако, приехали! Полная темнота, а потом — каменный

мешок, кровать, ведро, рукомойник. Зачем ехал в Ждановичи? Так там Машевские проживают — Броник и Мечик, родственнички мои по материнской линии… Интересные дядьки, они на дуэль мою приезжали смотреть в усадьбу Волк-Ланевских. Вряд ли эти двое меня подставили, по крайней мере — я не мог в это поверить. Мы ведь один раз успели встретиться в Минске, пока я был на курсах, пили кофе, знакомились. Они мне понравились, если честно. Мы обсуждали очень интересный проект, совместный, который предполагалось развернуть в моем домене в Горыни. Их вложения, моя территория и прикрытие.

Зачем им меня красть, я и так к сотрудничеству открыт? Тем более — с родичами. Их у меня тут настоящий дефицит, так что целых два веселых-энергичных дядьки — это просто находка. Для них я тоже был находкой: юридика — это значит экстерриториальность, а для бизнеса сие — как варенье для мух.

Так кто меня все-таки украл? Да кто угодно! Я перешел дорогу куче сильных мира сего за эти полгода, а где проживаю и чем занимаюсь — не скрывал. В общем-то, надежда как раз и была на то, что враги проявят себя сами, подставятся, а мы с драконом их сотрем в порошок. Вот они и проявились!

Лежа на кровати, я пялился в потолок, на магический светильник. Кое о чем он мне говорил. Например — о том, что магия тут в ходу, никаких запретов на нее нет, и уважают ее тут гораздо больше, чем электричество. Источник света вполне мог считаться массовым изделием, попросту — мануфактурным артефактом. Уж штамповку от штучной работы я отличу! Встав в полный рост, я присмотрелся к светильнику и разглядел даже циферки на одной из граней, которые обозначали номер и серию, и сокровенную надпись: «Sdelano v Rossii». Скорее всего — я находился на территории большой Родины…

Только от этого намного легче мне не стало: родина у нас — действительно БОЛЬШАЯ! Но — магия однозначно означает или сервитут, или — юридику. Почему не опричнину? Каменная кладка — явно старинная или — стилизованная под старинную, средневековую. Кроме как в юридике, домене какого-нибудь из аристократических родов, таким никто по доброй воле заниматься не станет, то есть с вероятностью процентов в девяносто — меня выкрали аристократы. Включаем бритву Оккама — зачем плодить лишние сущности? — и получаем еще одну отсечку: это магнаты из Великого Княжества. А вот какие — вопрос уже гораздо более интересный. Грешить на Радзивиллов я бы сходу не стал: с ними у нас установилось шаткое перемирие после явления на свет Божий Николая Христофора Черного…

За дверью вдруг раздался шум шагов, и я мигом спрыгнул с

кровати и замер у входа, готовясь ухватить вошедшего за любую доступную часть тела. Ан нет! В нижней части двери открылась заслонка, и на пол поставили миску.

— Кушать подано, садитесь жрать пожалуйста, гы-гы-гы! — грубым голосом проговорил некто, и заслонка задернулась.

— Василий, чтоб тебя, Алибабаевич! — покачал головой я, явно услышав фразу из одного культового советского фильма. — Мне теперь уже и в тюрьме попаданцы мерещатся, однако!

Отказываться от еды? С чего бы? Отравят? Я вас умоляю! Переварю и стрихнин, нынче я дракон, его отравить сложно… Подняв с пола посуду, я обнаружил, что она — одноразовая, пластмассовая. И ложка — такая же.

— Аббат Фариа бы не одобрил, точно. Где мой котелок с металлической ручкой, или хотя бы глиняная тарелка, из которой можно набить черепков и ковырять стены? — я постучал ногой в дверь. — Однако, требую черепки! Кровь кровавому богу, черепки трону из черепков!

Сколько я тут находился? Как долго я был без сознания? Как вообще меня вырубили? Нет, теоретически — пока я в человеческом обличье и фактически являюсь нулевкой, мне можно просто дать по башке, да. Но очнуться-то я должен был быстро? Чем-то серьезным меня приложили, точно…

Вдруг створка отодвинулась, и некто спросил:

— Че ты там сказал про черепки?

— Черепки трону из черепков, вот что! — пояснил я. — В мрачной тьме далекого будущего есть только война!

— Так, ять… За Омниссию пояснишь? — это совершенно точно был попаданец. «Вархаммер» — слишком специфическая тема, чтобы существовать тут, на Тверди.

Его голос был растерянным, он явно не ожидал встретить тут земляка и поэтому пытался проверить меня на знание вещей, совершенно точно не известных местным. Подобные нам тут не были такой уж большой редкостью, как я понял, и сильные мира сего относились к появлению гостей из другого мира (или — миров?) довольно спокойно, находя им применение. Но вот так, вживую, встретить кого-то, кто знает про Кхорна и Адептус Механикус — это было очень необычно.

— *Нет в плоти истинности, только измена.*

Нет в плоти силы, только слабость, — охотно процитировал я. — Привет, брат-землянин. Открой дверь, а?

— Я-а-ать, ну как так-то, а? — грубый голос явно расстроился. — Ты — второй из наших, кого я встречаю, и первый, кто шарит за Омниссию. Обидно, слушай. Первого с дыбы сняли, второй вот — в одиночке сидит. Ты, брат, пойми меня

правильно — у меня и ключа нет, чтобы к тебе зайти. Я так, еду развожу… Ну, хочешь — я тебе хлебушка еще накину?

— Принеси чайку, во имя Бога-Императора, а? — попросил я. — И я не убью тебя, когда отсюда выберусь. И хлебушка тоже накинь, я против не буду.

— Ого, какие заявочки! А чего ты такой уверенный, что выберешься? — поинтересовался он. — Вроде на архимага ты не похож, да и для былинного богатыря статями не вышел…

— Потому что твой вельможный-ясновельможный хозяин мог похитить меня только по одной-единственной причине. Если бы хотел убить — то убил бы сразу, это ежу понятно. Значит, он хочет получить от меня нечто уникальное. А для этого я нужен ему живой, здоровый и лояльный, — конечно, я имел в виду инициации, что же еще? Но неизвестному любителю Вархаммера этого знать было не нужно. — Так что он точно меня отсюда выпустит, точно захочет поговорить вживую, и вот тут-то я и развернусь. Так что принеси мне чайку, брат-землянин, не будь жмотом.

Почему я был таким откровенным? Почему угрожал, что всех убью? Ну, а как должен себя вести человек, которого украли? Молча ждать своего часа? Так поступила бы хладнокровная тварь, да. Но, думаю, такое поведение было бы гораздо более настораживающим, чем мои угрозы.

Да и вообще — все местные с ума сходили по магическим инициациям. Магия тут — дороже денег. Все мечтают выиграть счастливый билет, а если сами слишком взрослые и уже потеряли надежду — так чтоб хоть дети… Меня страшно задолбали в Вышемире: оба почтовых ящика — и железный в подъезде, и электронный в сети — были завалены супер-дупер-жупел заманчивыми предложениями от суперд-дупер-жупел важных и богатых шишек. Они мечтали, чтобы я сделал так, чтобы их дети инициировались. А как иначе? У меня уже четыре инициации, за две четверти! Ладно — пять, считать Кузевича и Легенькую за одну — несправедливо. В любом случае — по мнению похитителей я однозначно что-то знаю!

Ничего я не знаю.

И ни один не хотел по примеру Холода отдавать своих отпрысков в шестую вышемирскую школу. Учиться с этим быдлом? Фи, моветон! Возьмите любые деньги, живите у меня во дворце гувернером, можете даже горничных сношать и с балкона мочиться, но гарантируйте, что мое чадо станет магом. Однако, шли они вальсом вдоль забора вместе со своими предложениями… Так что сомнений по поводу причин моего здесь нахождения у меня не было.

— Не убьешь, значит? — переспросил разносчик еды. — Ладно. Тоже неплохо. Я через полчасика приду, сделаю вид, что уборку делаю. Чаю тебе принесу, потреплемся за Омниссию…

Далась ему эта Омниссия! Несуществующий культ в выдуманном мрачном мире, который исповедуют марсианские техножрецы! Почему Омниссия, а не незамутненная вера в Бога-Императора или поклонение Тзинчу, например? Я прислушался: вот в чем секрет! Этот тип был киборгом — более логичного объяснения металлическому лязгу и легкому шипению я не мог найти. Аугментация не новая — вряд ли из Формации… Там-то на апгрейды денег не жалеют. Так что культ Бога-Машины ему все-таки вполне подходит.

Но — наличие тут земляка, пусть и сбрендившего — чистая удача! Кто ж мог подумать, что моя оговорка в стиле «Вархаммера» принесет такую неожиданную выгоду? Теперь сидеть и ждать было немного веселее. Киборг, конечно, не аббат Фариа, а омниссия — не уроки иностранных языков, но, как говорил один одиозный политический деятель, имеем то, что имеем!

* * *

В миске оказалась вполне сносная еда: картошка, морковка, капуста и шматочки комбижира. Местный вертухай не обманул: принес чаю в пластиковом стаканчике, крепкого, настоящего, и хороший кусок белого хлеба, и пообещал наведаться в конце смены, потрепаться. Миску я опустошил быстро, даже вымазал хлебом, а вот чай постарался растянуть на подольше. Сидел на кровати, прихлебывал, руки грел о стаканчик.

Аббат Фариа всё не появлялся, таинственные организаторы похищения — тоже. Меня стали одолевать мрачные мысли. О чем стал бы переживать нормальный человек, которого похитили и держат в каменном мешке? Наверное, о жизни, здоровье, горькой судьбе своей. Я же не был ни нормальным, ни человеком в полном смысле этого слова, и волновался о детях. После того, как Яшу, Кузевича и Легенькую перевели в Мозырский магический колледж, мне пришлось срочно искать им замену. С географией было покончено, это понятно. Развалилась географическая команда. Мои амбиции по поводу губернской олимпиады разбились о реальность: какая геология, какой университет, если ребята — потенциальные маги? Ладно, Яшка Носов — шаман, но сути это не меняет… Вечная учительская проблема: ты вкладываешь в них всю душу, а они вырастают и уходят. Вроде и

радостно за ребят — для этого и работаю — а вроде и очень грустно…

Но у меня был Кузьменок! Он внезапно хорошо показал себя на обществоведении, взял четвертое место, и у него имелись шансы войти в уездную команду. А еще — Белов, по истории, он вообще молодец — третье место! И Светикова, та самая внучка Холода. Хорошая девочка, эрудиции и абстрактного мышления ей, может, и не достает, но трудолюбия и ответственности — на десятерых хватит. И вообще — даже если на губернию не пройдем, то у нас конкурсы научных работ впереди…

— ПРИ-ДУ-РОК! — сказал дракон.

— Однако! — сказал я, удивленный и обрадованный одновременно. — Явился. Стоило в тюрягу загреметь, и он — тут как тут. А до этого месяцами ни видно, ни слышно…

— ОН? Я — ЭТО ТЫ, БОЛЬНОЙ ТЫ УБЛЮДОК. ТЫ ПРОСТО ВЫЗДОРОВЕЛ, У ТЕБЯ РАЗДВОЕНИЕ… РАСТРОЕНИЕ ЛИЧНОСТИ РАССОСАЛОСЬ, ПРОИЗОШЛА ЭТА, КАК ЕЕ… КОНФЛЮЭНЦИЯ! А ТЕПЕРЬ ТЫ ПОПАЛ В СТРЕССОВУЮ СИТУАЦИЮ И ВУАЛЯ! ПОДСОЗНАТЕЛЬНО АКТИВИРОВАЛ СВОЙ ИЗЛЮБЛЕННЫЙ МЕХАНИЗМ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ЗАЩИТЫ. КАК ВИШНЕВЕЦКУЮ ТРАХАТЬ — ТАК ЭТО САМ, А КАК БОШКИ ОТКУСЫВАТЬ — ТАК ПОДАТЬ СЮДА ЛЯПКИНА-ТЯПКИНА, СИРЕЧЬ — ПЕПЛА! — начал брюзжать по своему обыкновения дракон.

Я ничего не ответил, просто — допил в два глотка чай, поставил миску и стаканчик на крышку рукомойника и улегся на поролоновый матрац. А потом закрыл глаза, выдохнул и — пуф! — оказался в Чертогах Разума. Раз уж активировать механизмы психологической защиты — почему бы не делать это до конца?

— Однако, здравствуйте, — я помахал рукой дракону и Гоше.

На сей раз все это выглядело как ротонда посреди зеленой лужайки, границы которой терялись в небытии. Гоша — гладко выбритый, худой, в вечной «оливе» — сидел на лавочке, прислонившись спиной к одной из колонн, Пепел — зеленый, в цвет этой самой «оливы», большой и страшно красивый, в позе удава из мультика — расположился тут же, под крышей ротонды, подпирал кончиком хвоста подбородок и пялился на меня своими янтарными глазищами.

— Даже не думай, — сказал Гоша. — Как только ты начнешь превращение — на тебя начнет действовать магия. Не смей выбивать двери и устраивать там Варфоломеевскую ночь. Это не метод! У тебя нет фактов для анализа! Ты не знаешь, где находишься, кто твой враг и вообще…

— … И ВООБЩЕ, ЕСЛИ ПРЕВРАЩЕНИЕ БУДЕТ ПОЛНЫМ, И МЫ НЕ ОГРАНИЧИМСЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ИПОСТАСЬЮ, ПУСТЬ И

В МАКСИМАЛЬНОМ ЕЕ ВАРИАНТЕ — ИМАГО, ТО НАМ ПЛЕВАТЬ БУДЕТ НА МАГИЮ. ОТКРЫВАЕТ, ЗНАЧИТ, ЭТА ПСИНА ДВЕРЬ — А ТАМ ДРАКОН! ТО-ТО ОН ОБРАДУЕТСЯ! А ВООБЩЕ — МОЖНО НАФИГАЧИТЬ ОГНЯ В ОТВЕРСТИЕ! — предложил дракон.

— Себе в отверстие огня нафигач, — предложил Гоша. — Деятель. Вон к чему твои выбрики привели: сидим теперь все втроем в одной камере! Топорно работаешь, ящерица!

— Что-то вы развоевались, — примирительно поднял открытые ладони я. — Предлагаю компромисс. Действовать будем аккуратно, но жестко.

Интересно: тут я выглядел как настоящий щеголь, в том самом костюме за две тысячи. Забавные выверты подсознания!

— То есть, ты продолжаешь подставляться? — скривился Гоша. — Ловля на живца? Будешь сидеть и ждать в камере? А как же дети? Яся? Поместье? Рикович? Надо бежать — и быстро. Используй этого любителя омниссии, он уже на крючке! У тебя есть что ему предложить. В конце концов — он с твоей планеты!

— Рикович? Вот уж о ком я волнуюсь меньше всего! — фыркнул я. — Яся — да. Яся — это аргумент. Волнуется, наверное. Но — сбежать отсюда и не выяснить, что за бес меня украл — это будет опрометчиво. Таких врагов в тылу оставлять нельзя. Дети… Эх, позанимают гимназисты все места, что делать! Но, в конце концов, я и так должен еще десять дней квалификацию повышать! Кстати, ребята, а сколько я…

— ДВАДЦАТОЕ ЯНВАРЯ, — пояснил дракон. — СУТКИ ТЫ БЫЛ В ОТКЛЮЧКЕ. И Я СКЛОНЕН ДУМАТЬ — ТЕБЯ ШИБАНУЛИ ПО ГОЛОВЕ КАКИМ-ТО МОЩНЫМ АРТЕФАКТОМ, ЧТОБ НАВЕРНЯКА. ФИЗИЧЕСКОЕ И МЕНТАЛЬНОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ — ДВА ПО ЦЕНЕ ОДНОГО… ОНИ ВСЕ ЕЩЕ НЕ ЗНАЮТ, С КЕМ ИМЕЮТ ДЕЛО, И ПОТОМУ ПЕРЕСТРАХОВЫВАЮТСЯ.

— Однако, хреново перестраховываются, — усмехнулся я. — Что ж, решено: курсы у меня в печенках. Лучше я здесь посижу, на вас погляжу. Десять дней? На седьмой день я устрою им тут Содом и Гоморру. Если главный негодяй не объявится.

— Не надо Содом, — попросил Гоша. — Это как-то не по-христиански.

А Пепел заржал, скотина чешуйчатая, и огонь с дымом поперли у него из ноздрей.

* * *

Глава 2
Конкуренция

Не знаю, что там снаружи происходило, но про меня забыли надолго. Час, два, три? Я был предоставлен сам себе.

Мы с ребятами в Чертогах Разума успели обсудить кучу всего. Например — последнюю Холодовскую наводку на клуб исторической реконструкции: он думал, что там готовят будущих бойцов, которые могут превратиться в конкурентов внутри криминальной тусовки, а оказалось — никакого преступного подтекста, все вполне чинно-благородно, с пацанвой занимаются настоящие энтузиасты. Или — будущий водный поход с Ясей, который мы запланировали на апрель — по речке Страче, в это время полноводной, порожистой и бурной. Да, да — такие в Беларуси тоже бывают… А еще — прикидывали плюсы и минусы идеи Машевских — они хотели построить в моей юридике виртуальный хоспис! Дико звучит? Конечно, дико. Но если вникнуть, то…

— Дах! Дах! Дах! — в дверь постучали. Скорее всего — ногой.

— Войдите, — сказал я, открывая глаза и снова утыкаясь взглядом в каменный потолок с магическим светильником.

Определенно, ротонда, лужайка и приятные собеседники — это куда как привлекательнее окружающей действительности. Да здравствует эскапизм!

— Кур-р-р-ва, да тут заперто! — раздался незнакомый голос снаружи.

— Недоумок, это же камера в подземной тюрьме! Конечно, тут заперто! — откликнулся другой.

Подземная тюрьма? Однако, это стоит запомнить. Любая информация мне сейчас может пригодиться.

— Эй, там! Как тебя? Ты живой? — они снова забарабанили в дверь.

— Вашими молитвами, — откликнулся я.

— Ты там это… Не уходи никуда!

Я даже воздухом подавился от удивления и самым дурацким образом захихикал.

— Имбецил! — раздался второй голос. — Куда он, мать твою, уйдет? Это подземная тюрьма!

— О, курва! Точно! Надо найти ключ или подорвать дверь, — имбецил сегодня просто фонтанировал идеями! — У меня есть кое-что…

— Не надо подрывать дверь, однако, — попросил я.

— Это почему? — в его голосе звучало искреннее изумление.

— У меня тут камера три на два метра, — с грустью в голосе пояснил я.

— И что? — наверное, все-таки у него стоял диагноз, ЗПР там или что-то вроде этого, иначе такое скудоумие объяснить было сложно.

— Его зашибет, кретин! — второй, похоже, психических девиантностей не имел. — Я пер-р-р-рдоле, почему ты такой непроходимый тупица? Почему Боженька даровал тебе смертоубийственную магию, а мне — жалкие крохи? За что мне это все? Давай, туебень, бегом — на поиски ключа, в караулку!

Они говорили по-русски, но эти словечки… «Курва», «пердоле» — такое чувство, что они долго общались со шляхтой или — поляками и, конечно, сразу нахватались ругательств. Это вообще та часть языка, которая всегда запоминается первой. Мне думалось, что здесь, в этом месте, эти двое были чужими. Проникли сюда нелегально. Иначе за каким бесом им взрывать дверь в тюрьме?

— А-хм! Господа! А не подскажете, где я, собственно, нахожусь? И кто меня, собственно, украл? — я все-таки решил задать этот вопрос.

Попытаться стоило. Если они враги тех, кто держал меня здесь — то хоть и вряд ли друзья мне, но какую-то информацию выдать могли. Тем более — тот, второй, вроде бы был человеком более-менее адекватным. Или — не человеком. Мы на Тверди, тут всякое случается.

Так или иначе — он меня не подвел:

— Они что, в несознанке вас тащили? Ай-яй-яй, какое невоспитанное, хамское быдло! Но мы вас вытащим, не сомневайтесь! И условия будут — не чета здешним. Но пока что вы находитесь в Великом княжестве Белорусском, Ливонском и Жемойтском, это Виленская губерния, и… — тут дверь потряс страшный удар, потом — еще один, и сквозь крохотную, почти незаметную щель над заслонкой потекла темная кровь. — Кхр-р-р-р…

— Ах ты курва! — раздался голос тугоумного, послышался топот, мат, звуки драки, лязг железа, потрескивание, какое бывает, когда искрят оголенные провода, потом — выстрелы.

Мне оставалось только ждать. Что за катавасия там творилась? С одной стороны — сражались вроде бы из-за меня и за меня, и мне должно было быть интересно, кто в итоге победит. Но, с другой стороны, я понятия не имел, что за силы там схлестнулись. В конце концов, чем больше эти ребята друг друга поубивают, тем меньше работы останется мне!

Вдруг меня прошиб холодный пот: а вдруг они все там сдохнут? Прикончат один одного, а я останусь тут насовсем?

— ИДИОТ! — рыкнул дракон.

— А, да, действительно, — я медленно выпустил воздух из легких.

В ипостаси имаго я с огромной долей вероятности смогу выбить дверь, сделав столько попыток, сколько потребуется. В конце концов, это обычная дверь, пусть и стальная. Если будет совсем плохо — нафигачу огнем в отверстие, как дракон советовал. Устрою пожар и расплавлю тут все к бесам.

Там, снаружи, продолжал раздаваться шум борьбы, что-то грохотало, завывало и посвистывало, потусторонние звуки перемежались с явно механическими. Спустя время все стихло, и знакомый грубый голос проговорил:

— Ты там, земеля? — это точно явился любитель омниссии.

— Нет, погулять вышел! — откликнулся я. — Вас там что, по голове лупят? Что за дебильные вопросы?

— Лупят, чего не лупят? Напали на замок, такое дело… Мы их лупим, они — нас. Слушай, это настоящий боевой маг, представляешь? Махал руками что твой пропеллер у Карлсона, ногами лягался и по стенкам бегал! Шустрый, гад! Но тупой… Коленку мне сломал, гад, а я его разрядником приголубил, а потом продырявил в двух местах! Теперь не побегает!

— А второй? — мне нужна была любая информация, и сам факт, что я нахожусь в замке, уже кое о чем говорил.

Виленская губерния, замок… Нужно было еще несколько отсечек, и я точно вычислю свое местонахождение!

— А второй из шмайсера своего в меня палить стал, вмятин в грудине наделал, ухо посек… Плевать, я ему голову отчекрыжил, а шмайсер себе заберу, в коллекцию. Ты это… Там как-то марафет наведи, к тебе хозяин вроде как придет, лично. Разговор серьезный предстоит, человек он тем более непростой, отказов не любит…

— Однако… — я потер лицо ладонями, пребывая в диком раздражении. — Наведи марафет? Определенно, то ли ретроградный Меркурий нынче, то ли магнитные бури… Что там с вами со всеми? Вязкость мышления развилась? Какой марафет? Марафет — это вообще-то кокаин, к твоему сведению, земляк! «Навести марафет», «попудрить носик» — это все с жаргончика декаденстствующей интеллигенции начала двадцатого века обозначало нюхнуть кокаина! Друг, вы там ничего не нюхнули? Как я приведу себя в порядок рядом с ведром с мочой, в каморке три на два метра, из гигиенических средств имея только рукомойник с литром воды внутри?

— Э… Что — серьезно? — растерялся земеля за дверью. — Марафет — это кокс?

— Кокс — это сорт каменного угля, однако… — мне уже реально хотелось спалить тут всё к бесам.

Он что-то такое почувствовал и решил пойти мне на встречу. В фигуральном смысле, понятное дело.

— Ну это, ты не серчай, — тон моего собеседника стал почти теплым. — Давай сюда ведро, поставь к заслонке. Я вынесу. Хочешь, футболку тебе чистую принесу и влажных салфеток?

— И на том спасибо, мил человек! Еще б расческу, зеркальце, щетку зубную с пастой…

— Не… — неуверенно проговорил киборг. — Зеркальце я тебе не дам. Им можно уничтожить противника.

— Дурдом какой-то, — покачал головой я. — Какие-то кретинские похитители мне достались… Даже если сильно захочется — Стокгольмский синдром не разовьется. У них там война по всему замку, а они боятся, что я зеркальцем уничтожу противника!

Справедливости ради, салфеток он принес много — целую гигантскую пачку на триста штук. Так что я нормально обтерся и почувствовал себя чуть-чуть лучше. Футболка была черная, чистая и — что характерно — ордынская. На груди, напротив сердца, имелся стилизованный белый отпечаток ладони, а на спине — надпись на латинице: «YA KROKODIL, KROKOZHU I BUDU KROKODIT'!» Бахар и Барбакан бы одобрили, точно.

Наконец запоры на двери залязгали, и я прищурился от яркого света, который ворвался внутрь.

— Давай, земеля, не дури. Ясновельможный пан тебя ждет! — проговорил киборг.

Он походил на Джона Сильвера из мультика «Планета сокровищ». Толстый, наполовину аугментированный — рука, нога, левая часть туловища и левый же глаз у него были кибернетические. Киборг передвигался чуть прихрамывая (последствия схватки с боевым магом), почесывал стальными окровавленными пальцами свой небритый двойной подбородок и всячески выражал ко мне доброе расположение. А вот ребята в бронескафандрах с очень характерными гербами на плечах, наоборот, хмурились и целились в меня из автоматов Татаринова.

— Проходим, — сказал один из них и дернул затвор оружия.

Нервный, что ли? Я снова глянул на его бронированный наплечник: герб этот назывался «Лис», но на лиса похож не был от слова совсем. Классический ягеллонский белый крест на красном фоне, только на вершине креста — стрелка. Сапеги! Это были люди Сапег — магнатов, графов, одного из

могущественнейших родов нашего Великого Княжества.

И, судя по всему, ситуация не располагала к тому, чтобы кто-то из представителей этого гордого рода почтил своим присутствием вонючую тюремную камеру. Что ж — ради того, чтобы посмотреть в глаза организатору похищения, я готов был прогуляться. Хорошо, хоть футболка чистая… А вот измятый пиджак — с этим уже ничего не поделаешь. Аккуратнее надо людей воровать, вот что!

* * *

Не задерживаясь, меня провели по темному мрачному коридору с сырыми стенами и архаичными решетчатыми перегородками, потом — по освещенной магическими светильниками лестнице. Остановились один раз — у металлической раздвижной двери самой современной конструкции, где киборг предъявил в сканер свой живой человеческий глаз — наверное, для идентификации по сетчатке. Диковинное сочетание древних камней, колдовского света и высоких технологий производило странное и тревожное впечатление, но гораздо больше, чем интерьеры тюрьмы, меня интересовал вопрос геолокации. Где я находился?

Проходя по узкой галерее — скорее всего, внутри крепостной стены — я сумел заглянуть в узкие окна-бойницы и едва сдержал радостные эмоции. Теперь я знал свое месторасположение! Сапеги, Виленская губерния, замок, безбрежная гладь озера за окном, заснеженные холмы — с огромной долей вероятности это был Браслав — курортный, туристический городок в моем мире! Здесь же — домен Сапег, который наравне с Быховской ординацией и Ружанской юридикой составлял основу их земельных владений. В пользу такого вывода говорили и незамерзающие озера. Январь на дворе — но маги могут себе позволить и не такие выверты.

Я не очень-то углублялся в местную историю магнатских кланов, но, кажется, фишкой конкретно этих могущественных аристократов всегда считалось разнообразие. В семье Сапег процент одаренных был очень велик, и, может быть, никто из них и недотягивал до уровня архимага, да и специализации как таковой у них не имелось, но — за редчайшим исключением каждый из детей, родившихся внутри клана, проходил и через первую, и через вторую инициации, превращаясь по итогу в крепкого, сильного волшебника с естественными склонностями к манипуляциям магией самой разной природы. Пироманты,

геоманты, аэро- или гидроманты, темные, светлые, целители и даже пара некромантов — за свою пятисотлетнюю историю Сапеги доказали, что их талантам нет числа. Возникало впечатление, что кто-кто, но эти аристократы уже очень сильно приблизились к пониманию самой природы инициации и факторов, ее обеспечивающих.

И тем более странным казалось мое похищение. За каким бесом им провинциальный учитель? Ну да, пять инициаций за две четверти — это много. Но они ведь и так… Или — наоборот? Им нужна монополия! Это было довольно похоже на правду.

— Сюда! — бронированные подошвы высокотехнологичных доспехов застучали по камням винтовой лестницы.

Похоже, мы поднимались на вершину одной из башен. В нашем мире Браславский замок не сохранился, и я понятия не имел о его планировке и конфигурации укреплений, даже приблизительно. Мои провожатые цепкими взглядами ощупывали окружающую обстановку, как будто находились в тылу врага, а не в сердце земель собственного клана. Скорее всего — нападение еще не закончилось, вот и береглись. Но повышенная бдительность бронированным воинам не помогла. Внезапно от стены отделилась тройка гибких фигур, которые с невероятной скоростью бросились на сапеговских дружинников.

Я и глазом моргнуть не успел, как что-то вроде металлической спицы пробило забрало одного из бойцов, окрасив доспех кровью. Другой воин рухнул наземь — его ноги оказались спутаны тонким, но очень прочным тросом, а кираса внезапно задымилась, грудная броневая пластина оказалась проплавлена насквозь!

— Вы пройдете с нами, — заявила одна из фигур явно женским, молодым голосом.

Я окинул взглядом этих троих. Они выглядели как клоуны-ниндзя, точно. Обтягивающие комбинезоны, разгрузки со множеством кармашков… За каким бесом рисовать на масках смайлики? Глаза, которые я увидел сквозь прорези этих самых масок, не внушали доверия: шалые, с расширенными зрачками и красными прожилками сосудиков. Почти наверняка неизвестные диверсанты находились под воздействием веществ, боевых стимуляторов!

— Не пройду, — пожал плечами я.

— Фат, возьми его, — щелкнула пальцами эта весьма напористая дама в трико.

Один из ее подручных шевельнулся в мою сторону, и я уже приготовился врезать ему кулаком прямо в смайлик, как вдруг — голова диверсанта, именуемого Фатом, взвилась в воздух

отдельно от туловища, разбрызгивая алые капли, а тело второго задергалось в конвульсиях.

Что характерно — дамочка мигом сориентировалась! Пуф! В воздухе поднялась странная розовая взвесь, похожая на туман, что-то сверкнуло — и в следующую секунду, когда мой аугментированный земляк, явившийся как чертик из табакерки, своей стальной ногой растоптал шокированного разрядником диверсанта — этой подруги и след простыл!

— Скоморохи, — пояснил киборг. — Сукины дети. А меня Мирон зовут.

И протянул мне свою человеческую руку.

— Пепеляев моя фамилия, — ответил я на рукопожатие после секундного сомнения. — Ты мне чайку все-таки принес, так что убивать тебя я не стану. Если ты мне ничего отчекрыживать не соберешься. Что тут вообще происходит?

— Это ты мне скажи! — его аугментический глаз мигнул красным. — На кой хер ты им всем сдался? Сначала грузовик у ворот подорвали, потом на парапланах целая банда спустилась, задолбались дружиннички их ловить, я последних двух у самых дверей твоей камеры оприходовал. Теперь эти… «Ах, Арлекино, Арлекино!»

— Однако, не нужно было меня красть! — резонно заметил я.

— Ну, я тебя не крал, — развел руками Мирон. — Пошли уже к Павлу Станиславычу. Я связался — сейчас подкрепление вышлют, посерьезнее…

И мы пошли. С улицы слышались автоматные очереди, что-то с гудением горело, кто-то орал. Мы поднялись по лестнице, кажется, на высоту четвертого этажа, Мирон замер около небольшой двери — из крепких дубовых досок, с бронзовыми вставками и — со сканером для сетчатки. Киборг прислушивался некоторое время, оценивая происходящее внутри, а потом дал аппаратуре отсканировать свой глаз.

Дверь открылась.

— Врещце пшибыли! — раздался мужской голос. — Янко, дверь!

От этих двух шляхтичей просто перло силой и уверенностью в себе. Роскошные черно-красные жупаны, широкие парчовые кушаки, непременные желтые сапоги, властные и гордые выражения по-мужски красивых лиц… Оба — с короткими окладистыми бородами, широкоплечие, высокие, один — блондин, второй — брюнет, лет двадцати пяти — тридцати, похожие как братья. Брови — сапеговские. Соболиные.

— Пан Пепеляев-Горинович… — легко поклонился блондин. — Ян Казимир Сапега — к вашим услугам.

— Франц Ламберт Сапега — к вашим услугам, — повторил его приветствие чернобородый. — Рад приветствовать вас в Браславской цитадели славного клана Сапег.

— Однако, не могу ответить вам такой же любезностью, — дернул головой я. — Радушные хозяева лично приглашают гостей к себе в дом, а не крадут их из такси.

Их лица скривились, будто ясновельможные паны на пару сжевали целый лимон. А на что они рассчитывали? Что у меня действительно начнется Стокгольмский синдром? Переглянувшись, шляхтичи, видимо, решили не обострять. В конце концов — не эти двое здесь были главными, а Павел Станислав Сапега, нынешний глава и патриарх клана Сапег, если я все правильно понял. Но до него еще предстояло добраться!

— Янек, пойдзем… — махнул рукой Франц Сапега. — Прикрой, а я остатне зроблю…

Ян Казимир сделал очень интересное движение руками — прям как в у-шу, и вокруг нас налилась желтым теплым светом сфера с полупрозрачной оболочкой. Я находился в центре этого магического конструкта и границ не касался — видимо, именно поэтому все работало. Судя по косым взглядом обоих магов — они прекрасно знали, что я — нулевка, это и стало причиной выбора такого варианта защиты.

Киборг перехватил поудобнее «шмайсер» — так он назвал огнестрельное оружие, которое конфисковал у тех двух типов, которые первыми пытались вытащить меня из Браславского замка. Франц Ламберт сложил пальцы на обеих руках в замысловатые фигуры, и алые искры заплясали у него в ладонях.

— Марш-марш! — Мирон вышагивал сзади, и я понимал — зачем.

Я ведь нулевка, мне эти их фокусы с огонечками — что мертвому припарка. Им было хорошо известно, что я саперной лопаткой избиваю некромантов, поджигаю целые банды, балясиной от перил разгоняю бойцовские клубы. На взгляд магов этот провинциальный учитель из Вышемира — дьявольски опасен. И при этом они ни в коем случае не должны мне навредить! Поэтому киборг с разрядником на подстраховке — это то, что доктор прописал… Так они думали.

А я им позволял оставаться в счастливом неведении. О драконе они, судя по всему, не знали, а это означало, что, как минимум, самые близкие меня не предавали. Эта мысль заставила меня улыбнуться и расправить плечи — и зашагать вперед, навстречу местному хозяину. Эх, еще бы тросточку мою сюда… И принять ванну, и выпить чашечку кофе!

Настроение мое стремительно поднималось. Сапеги понятия

не имели, во что ввязались!

* * *

Глава 3
Регрессия

Павел Сапега выглядел максимально представительно. Седая шевелюра аккуратно подстрижена в стиле американских политиков высшего эшелона, окладистая седая борода добавляла импозантности, фамильные брови делали взгляд цепким и выразительным. Такой же, как и у младших представителей рода, роскошный красно-черный жупан, парчовый пояс из слуцкой «персиярни» и массивная золотая цепь с крупным медальоном в виде родового герба делали его похожим на легендарных предков-Сапег, которые не боялись становиться на защиту независимости Великого Княжества — тогда еще Литовского, поперек бесконечных амбиций гонористой польской шляхты и водили войска на бой против самого Ивана Грозного.

Этот влиятельный магнат сидел в старинном резном кресле, скорее напоминающем трон. Все помещение более подходило веку эдак шестнадцатому, чем нынешней эклектичной эпохе: темные дубовые панели, медвежьи и кабаньи шкуры, оружие по стенам… Хотя оружие тоже можно было назвать эклектичным: фламберги, боевые секиры и изящные рапиры соседствовали тут с автоматами Татаринова, ручными гранатометами и, кажется, гаусс-пушками. Арсенал внушал! Хозяин-то здешний — тот еще милитарист!

В углу потрескивали поленца в камине, над камином висели ветвистые рога какого-то монстра породы лосиных и большой щит с фамильным гербом. Углядев чучело лиса, которое торчало из графской короны над щитом, я стал понимать, откуда эта эмблема получила свое название.

Ян Казимир и Франц Ламберт, коротко поклонившись, встали по обеим сторонам двери. Киборг Мирон и вовсе остался снаружи — на целый этаж ниже, бдить и не пущать, вместе с командой каких-то совсем суровых ребят в тяжелой броне и пары магов — в клановых жупанах. Интересно, сколько времени им понадобится, чтобы преодолеть эти двадцать или тридцать ступенек до входа в личный кабинет графа?

— Добры дзиень, пан Пепеляев-Горинович! — произнес Павел Сапега с явным польским акцентом и эдак царственно пошевелил пальцами.

Сложив руки на груди, я смотрел ему прямо в глаза. Интересно — успею ли я сорвать со стены во-о-он ту двустороннюю секиру, посечь этих троих и выпрыгнуть в окно?

Стоит мне для этого обращаться в имаго или, будучи человеком-нулевкой, я справлюсь лучше? Эти двое из ларца — мужчины крепкие, да и старик на троне еще явно в силе. Один крепкий мужчина против троих не менее крепких? Так себе расклад. Выходить с ними на кулачках — чистой воды кретинство.

Но, начав покрываться чешуей, я приоткроюсь для магии! Наверное, стоило все-таки задуматься о внезапной, грубой, самой обычной атаке подручными предметами…

— ХВАТИТ ОГРАНИЧИВАТЬСЯ ПОЛУМЕРАМИ! ЖЕЧЬ ЗАМКИ ЗАЖРАВШИХСЯ ФЕОДАЛОВ — РАБОТА ДЛЯ НАСТОЯЩЕГО ДРАКОНА! ДАВАЙ НАЧНЕМ ПРЯМО СЕЙЧАС! — мне очень хотелось поддаться искушению.

Таким злым, как сейчас, я не был очень давно. Примерно с тех самых пор, как лупил в сортире Дома культуры наркодилера. Наверное, Сапега это почувствовал, и, наверное, поэтому его глаза прищурились, стали похожими на амбразуры ДОТа. Как будто он рассматривал меня через прицел.

— Вы знаете, зачем вы здесь? — спросил магнат.

— Чтобы обсудить вашу коллекцию лютневой музыки семнадцатого века, очевидно, — мигом ответил я. — Не угадал?

— Дерзите? — поднял бровь Павел Сапега. — А сейчас ваши друзья, которые штурмовали замок, истекают кровью на снегу. Попытка силовой вашей экстракции не удалась и не удастся. Не на моей земле. Вам придется смириться с этим.

Он отвернулся к камину и стал наблюдать за тем, как огонь пожирает березовые полешки. Мне казалось — пламя танцует, повинуясь движениям его глаз… Как он сказал? «Смириться?» Вот уж чего я делать не собирался. Пришлось пояснять:

— Нет уж, кто бы ни лежал сейчас на снегу — я к этому не имею никакого отношения. Тут сугубо ваша вельможная и ясновельможная грызня, сами разбирайтесь, у кого хватит ресурсов и решимости организовать нападение на Браслав. Это точно не мои друзья, потому что… Одни мои друзья дома сидят, чай с колбасой пьют, — пояснил я, сделав вальяжное движение рукой. — А другие друзья — в Сыскном приказе, сейчас отсматривают все записи видеокамер Минска в радиусе километра от места похищения. Пробивают номер такси. Отслеживают цепочку, по которой вы меня в Браслав доставили. И готовят катафалки, однако.

— Катафалки? — его правая соболиная бровь приподнялась.

— Труповозки. Рефрижераторы для тел. Саркофаги на колесиках. Как угодно назовите — всё пригодится. Мои друзья знают меня лучше, чем вы. Потому они и друзья, — пожал плечами я.

Павел Сапега расхохотался весело, раскатисто, обнажая крепкие белые зубы. Зубы у него были что надо, прямо как у коня. Да, я интеллигентный человек, да, мне претит ультранасилие и кровопролитие, но…

— Чего вы ржете, пан Сапега? Я объявляю вам войну! — рявкнул я.

Его пасть с громким лязганьем захлопнулась.

— Что, пробачьте? — покосился на меня глава второго по могуществу клана в Великом Княжестве.

— Я, вольный рыцарь Георгий Пепеляев-Горинович, владетель Горыни, объявляю войну клану Сапег и лично графу Павлу Станиславу Сапеге и намерен воевать до тех пор, пока не посчитаю нанесенный клану ущерб достаточным для покрытия нанесенного мне хамским и некультурным похищением, осуществленным кланом Сапег, морального вреда. Объявление войны можете считать действительным с… Который час, панове? — я повернулся к застывшим со странными выражениями лиц Яну Казимиру и Францу Ламберту.

— Пять двадцать, — сказал Франц Сапега, и пояснил: — пополудни.

— … с семнадцати тридцати, значит, — закончил я.

Не люблю зиму хотя бы потому, что нынче даже в семнадцать двадцать уже такие сумерки, что не разобрать — утро, ночь или вечер. Только по коридору шел, озера незамерзшие разглядывал — вроде нормально было. А в кабинете — за окном тьма тьмущая…

— Пошутили — и будет, хлопнул по подлокотнику ладонью Павел Сапега, нахмурив брови. — Однако, вы шутник! Провинциальный учитель, владелец клочка земли и полуразрушенного особняка объявил мне войну, надо же? Франек, дай стул пану Пепеляеву-Гориновичу. Сядьте, пан…

Я пожал плечами и сел на предложенный стул. Не верит — Бога ради, ему же хуже.

— Итак, вы знаете, зачем вы здесь, — он постучал пальцами по подлокотнику. — Я не верю в случайности. Вы — причина аномального всплеска инициаций в Вышемире, это очевидно. Крючкотворы из министерства могут радостно ставить галочки и думать, что их политика регрессии приносит плоды. Но — дьявол кроется в деталях. Достаточно было посмотреть в личные дела трех мальчишек, девчонки и нелюдя — и тут же стало ясно, что все они из одной школы. И вы — работаете в той же школе. Это единственное кардинальное изменение там в этом учебном году. Ну, а копнуть кое-что о вас и вовсе было проще простого…

Мне на самом деле уже неинтересно было, что он там вещал.

«Политика регрессии» — вот что было ключевым. «Чинуши из министерства»? Нет никаких министерств в Государстве Российском. Отраслевые органы исполнительной власти называются приказами, а министерством, по авалонскому примеру, иногда именуют только один из них — Чародейский приказ. Министерство магии. Как в Гарри Поттере, ага.

— … Кракове или Ружанах — на ваш выбор, — продолжал говорить магнат. — Я даже не буду предлагать вам вассальную присягу, знаю, что вы цените свою мнимую независимость. И не буду под пытками заставлять вас признаваться, какой обряд вы прошли или каким древним артефактом пользуетесь, чтобы создать благоприятные для появления новых магов условия. У вас отлично получается применять ваше средство на практике — и нас это вполне устраивает. К тому же — разнообразная направленность инициаций полностью соответствует генеральной линии нашего клана. Вас менять — только портить. Хотите учить детей — учите. Думаю, обычного рабочего контракта будет вполне достаточно. Лет на десять-двенадцать, с возможностью пролонгации. Что скажете, пан Пепеляев-Горинович?

— Что я скажу? — однако, я задумался и упустил нить разговора! Нужно было как-то выкручиваться. — Задайте конкретный вопрос — получите конкретный ответ.

— Вы согласны учить младшее поколение Сапег? — он просто буравил меня глазами.

— Конечно! — радостно улыбнулся я. — Йети — цветы жизни. Кто не любит детей — тот не умеет их готовить!

— Так вы согласны? — его роскошные брови взлетели на самую середину лба.

Я думал, он оценит мои шуточки про йети и про готовку, ан нет. Сапега пытался решать серьезные вопросы и увеличивать могущество своего клана, а я тут нес всякую околесицу…

— С чего бы мне отказываться учить детей? — мой тон был полон несказанного радушия. — Я ведь педагог! Конечно, я готов учить ваших маленьких Сапежек! Переводите их в Вышемирскую среднюю школу №6, подавайте заявление на имя директора, пристраивайте в соответствующий класс, пусть посещают уроки, делают домашние задания…

— О, кур-р-р-рва! — Сапега резко встал со своего кресла и в его глазах заплясало пламя. Он явно пришел в лютую ярость. — Пся крев! Ты смеешь издеваться надо мной?

Какой-то дурацкий препод из диких полесских дебрей, у которого всех отличий от цивильного — это тросточка и перстень, посмел отказать ему — главе одного из сильнейших кланов в Великом Княжестве в явно пренебрежительном тоне? Немыслимо!

— Нет, — вскочил со своего места и я. — Это вы посмели издеваться надо мной. И поплатитесь за это!

Практически всегда маги забываются и теряют берега, когда имеют дело с нулевкой. То есть, если поставить конкретную задачу — то они учитывают такой фактор. У них же имеется, наверное, какой-нибудь постоянно действующий магический сканер эфира, какие-нибудь метки, которые отражали бы статус собеседника… Должны быть! Но похоже, волшебники — особенно достигшие определенной ступени могущества — серьезно привыкали к своим нечеловеческим силам. Верили в свою безнаказанность. Как огромный бодибилдер поверить не может, что дрыщ из-под подъезда просто даст ему кирпичом по затылку — и дело с концом. И не зарешает масса. Или магия — в нашем случае. То есть, если ему скажут — этот дрыщ отмороженный, вон, караулит тебя с кирпичом — то качок… то есть маг, конечно — он подготовит защитную сферу. Как Янек в коридоре. Но в подсознании — не держат. Они привыкли относиться ко всем, от кого эфир не штормит, с пренебрежением, вот и всё.

В конце концов — ну, сколько в мире нулевок? Один на десять тысяч? Или на сто? И сколько из них действительно имеют силу, навыки и решимость выступить против настоящего, полноценного мага? Дело ведь не только в магии, еще — в статусе, деньгах, связях… Страшно бодаться с волшебниками! Даже мне — страшно. Но другого выхода у меня не было… То есть был — переехать в Краков или Ружаны и двадцать лет учить исключительно маленьких Сапежек с соболиными бровями.

В общем, удар стулом по голове Павел Станислав Сапега пропустил. Конечно, бить стариков — моветон, но что поделать? Иногда, состарившись, человек не становится мудрым. Иногда он просто из молодого самовлюбленного говнюка превращается в старого самовлюбленного говнюка — и, кажется, с главой клана Сапег так дело и обстояло. Хряснуло звучно, смачно, этот великий старик и великий говнюк рухнул на свой трон безвольной кучей мяса и костей.

Тут же, не мешкая, я запустил стулом во Франека и бросился на Янека. Стоит отдать им должное — вокруг Янека уже полыхало защитное поле, а Франек мигом швырнул в меня свои алые искры — но я-то помнил, кто из них на что способен! Искры осыпались бессмысленными бенгальскими огнями, стул угодил куда надо — молодому Сапеге прямо по голеням, а я, и не заметив сопротивления оборонительного заклятья, уже подскочил к Янеку, двинул ему коленом прямо под парчовый кунтуш — и швырнул классически, через плечо — прямо на ушибленного стулом Франека. Каблуки желтых шляхетских сапог со страшной

силой описав эпическую дугу, здорово врезали по голове Франца Ламберта, так что оба брата рухнули на пол. Пока трое Сапег (старший — у трона и младшие — у входа) копошились, пытаясь встать, я на три счета оказался у стены, сорвал с нее первую попавшуюся штуковину — это оказался фламберг — сунул его между дверными ручками и согнул так, чтобы с кондачка вломиться к нам не получилось.

— Дерьмо, а не фламберг, — констатировал я. — Сувенирная продукция.

А потом — пошел бить ногами аристократическую молодежь. Эти двое были куда как опасными, да и прилетело им слабее, чем старому магнату, так что они все еще сохраняли решимость драться — вон как сурово пыхтели! Да и в дверь начали колотить… Янек приподнялся на ноги, пошатываясь, и принял классическую боксерскую стойку:

— Прыйдзь до мне, пшекленты!

Я и не думал приходить к нему, я прыгнул на грудь Франеку — до хруста, а потом еще одним прыжком оказался у стены и схватил ту самую двустороннюю секирку и взмахнул ею, примериваясь: не родная МПЛ, но по аэродинамике и балансу очень даже похоже. Вот теперь — повоюем!

— Кур-рва! — молодой Сапега понял свою оплошность.

Если бы он сразу кинулся за оружием — что-то, может быть, и выгорело бы. Но теперь… Янек дернулся в одну сторону, потом — в другую, все-таки решился попробовать завладеть привычным каждому шляхтичу клинком — саблей-карабелой. Черта с два я собирался смотреть как он тут устроит со мной крестовой бой и нашинкует меня на лангет из земноводного…

— Я НЕ ЗЕМНОВОДНОЕ! — впервые подал голос дракон. — Я — СУЩНОСТЬ ВЫСШЕГО ПОРЯДКА! ЖГИ!!!

Не стал я жечь — швырнул секиру, которая с точностью, достойной лучшего применения, врезала ему по правому локтю. Лезвия моего оружия были искусственным образом затуплены — поэтому отрубить не отрубило, но сустав расшибло — это точно.

— Йа-а-а-а пер-р-р-рдоле! — Янек скрючился на полу, ухватив себя левой рукой за поврежденную конечность.

Я подошел к двери и громогласным учительским тоном заявил:

— А ну-ка, тихо там! Не сметь ломать дверь! У меня в заложниках Павел Станислав, Франц Ламберт и Ян Казимир Сапеги! После официального объявления войны я разгромил их и поверг, и захватил в плен, клянусь дворянской честью!

— О, курва! — раздалось из-за двери, и шум стих.

Это было подозрительно просто!

— Пепеляев, пся крев, — раздалось хрипение старшего Сапеги. — Что ты…

— Никак вы, ять, не научитесь… — проговорил я тоном ведьмака Геральта из Ривии из компьютерной игры, и принялся вязать Франека его же роскошным слуцким кушаком. — Магия — не панацея. Нельзя считать себя самым первым парнем на деревне только на том основании, что научился пускать искры из глаз, бормотать заклинания и грозно шевелить бровями. Кто вы без своей магии — вот вопрос, достойный Тони Старка, м?

— Да что ты несешь вообще… — магнат потрогал разбитую голову и посмотрел на свои окровавленные руки.

— Я объявил вам войну, верно? — закончив с Франеком, я принялся за Янека. — Я — рыцарь, вы — граф. Мы — на территории юридики. Внешних войн Государство Российское сейчас не ведет, мир заключен! Все законно.

Янек стонал и берег руку — но я был непреклонен. Пускай страдает, за честь клана и все такое. Связал как положено! Ладно — руку я ему обездвижил и изолировал, насколько это было возможно. Слуцкий пояс — штука длинная, четыре с половиной метра сплошной роскоши, так что можно было не то, что шину наложить и связать, а и в мумию поиграть! Павел Сапега наблюдал за моими манипуляциями с явным любопытством. В его глазах как будто щелкал арифмометр — старик пытался просчитать новые расклады. Однако, понятно, почему именно он — глава клана. Умеет чувствовать изменившуюся конъюнктуру! Может, не такой и говнюк, как показался сразу?

— Скажите своим людям, что у нас тут переговоры по результатам проигранного вами генерального сражения, — предложил я. — Если не считаете, что проиграли — я снова вас изобью стулом. На сей раз — до полусмерти. Честное слово!

— А-хм! — он явно не привык к таким угрозам, но после того, как я ухватил обломки стула и направился к нему с самым угрожающим видом, повысил голос. — Панове! У нас тут с паном-рыцарем переговоры! Оставьте дверь в покое!

Ломиться в дверь перестали, явно озадачившись. Меня вот что заинтересовало: судя по звукам, киборг Мирон особенно не активничал. Уж ему-то отчекрыжить кусок двери явно труда бы не составило!

— Ну что — начнем составлять мирный договор? — уточнил я, отметая лишние мысли. — Нужны бумага и ручка. Или подписывать будем на пергаменте, кровью? Как у вас там принято, в высших слоях общества?

— Бумаги будет довольно,еще лучше была бы видеофиксация, но здесь камер нет, — неожиданно рационально

заявил Сапега. — Хватило бы и честного слова, но, думаю, пан Пепеляев-Горинович, на паре пунктов в договоре вы не остановитесь, верно? Так что хотя бы для памяти придется записывать. Потом зачитаем вслух, система зафиксирует. В коридоре озвучим, там уже работает система слежения.

— Итак, пункт первый, — я помог магнату усесться на трон и огляделся в поисках чего-то, чем ему можно было бы перевязать голову. — Не называть меня паном. Я белорус, и мне от этого слова робицца дрэнна, кепска и вельми, вельми нядобра. Душа просит уйти в леса и начать взрывать паровозы и точить вилы, однако.

— Вот как? — удивился Павел Станислав. — Бог с вами, настаивать не буду.

Я наконец решил вопрос с перевязочным материалом — в углу у камина обнаружился красный угол с иконами, украшенными по традиции вышитыми рушниками. Уважительно перекрестившись, я снял с образа Николая Чудотворца льняную материю.

— Возьмите коньяк на каминной полке, — предложил Сапега и снова потрогал свои окровавленные волосы. — Вот ведь, зараза… Стулом — по голове!

— А чего вы ждали от нулевки? — парировал я. — Что я буду играть по вашим правилам? Поверьте мне, этот вариант еще ничего, есть и похуже.

— Похуже удара предметом мебели по макушке? — он наблюдал за мной, пока я смачивал ткань коньяком и обрабатывал рану. В глазах Павла Станислава плясали те самые огоньки. Все-таки, похоже, он был пиромантом.

— Намного, намного хуже. Я могу открыть вам секрет — один-единственный… — закончив с дезинфекцией, я соорудил на графской голове что-то вроде тюрбана. — Если вы поклянетесь никому не рассказывать.

— Даю слово чести! — похоже, Сапега был как раз из тех людей, которые начинают вести себя вменяемо только признав силу собеседника.

— Не было никакого обряда и никакого артефакта, — сказал я. — Понятия не имею, почему ребята инициировались так часто. И мне очень обидно, что они ушли в колледж. То есть — догадки имеются, но — догадки есть догадки. Нет волшебной схемы, которая пуф-ф-ф! — и обеспечит вам стабильно по пять инициаций за семестр. Я не смогу никого научить делать так, как я. По крайней мере — сейчас. Так что, даже если бы я согласился работать на вас, вероятность повторения Вышемирского феномена оказалась бы крайне мала.

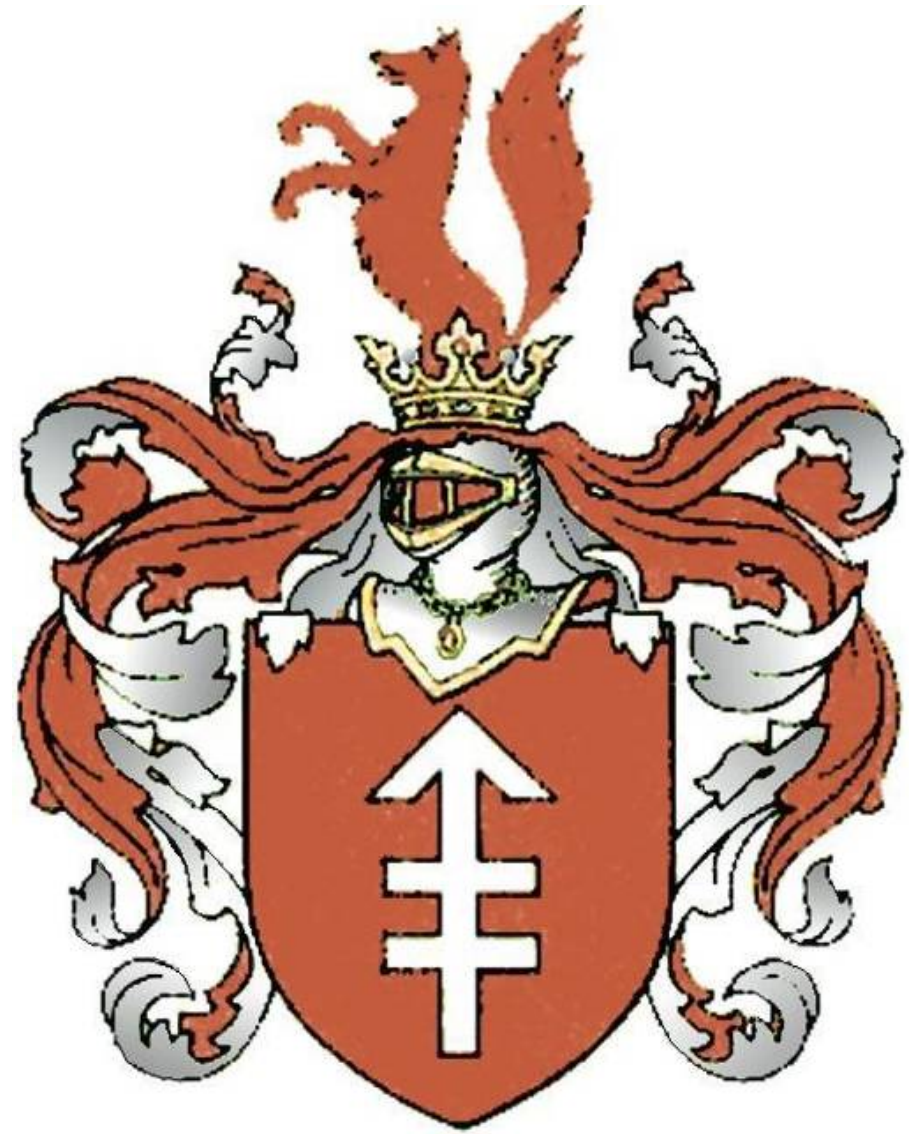
— Вот как? — он оперся локтем о подлокотник и положил подбородок на ладонь. — Какое досадное недоразумение… Что ж — откровенность за откровенность. Будем считать это созданием благоприятного фона для переговоров, м? Задавайте ваш вопрос. Но только — один!

Я среагировал, не думая:

— Расскажите про чиновника в министерстве и регрессию?

Павел Станислав Сапега выпучил глаза и закашлялся, а когда справился с приступом, первым, что он произнес было:

— О, курва!



Глава 4
Ретирада

— А если не наличность — а земля? Георгий Серафимович, мне Ходкевич крупно должен, — озвучил свою мысль магнат. — Если вот эту сумму мы конвертируем в земельный участок у озера Горынь? Можем провести расчеты, но в целом, думаю, еще двести-триста гектаров лишними не будут, верно?

У меня в кармане уже лежал конверт с фамилией, именем и должностью чиновника из Чародейского приказа, который по версии Сапеги, работавшего в отделе, неформально отвечал за эту самую «политику регрессии», так что — даже уйди я с пустыми руками — обиженным бы себя не считал. Все-таки Вышемир дороже денег, однозначно. Нет, наличность — это наличность. Звонкая монета всегда кстати, тем более, планов у меня — громадье, но и предложение Павла Станислава сходу отметать не стоило.

— Вы думаете, Ходкевич согласится? — засомневался я.

— А с чего бы ему отказываться? — пожал плечами магнат. — Еще и рад будет. Если б я у него долю в «Витебских коврах» стребовал, как и грозился — вот тут сильное расстройство бы вышло. А так — сговоримся! У него там охотничий домик — и только. Лес, озеро… Ничего стратегического.

Сапега не знал про нефть? Или для него нефть не была таким лакомым куском, как для игроков помельче? В любом случае, прирезать к своему домену солидный кусок — это мечта любого феодала! Так что я кивнул:

— Пусть будет земля. Записываю?

— Записывайте, Георгий Серафимович. И вот еще что: я подумаю над вашим предложением о переводе детей в вашу школу. Конечно, настоящих Сапег никто в земщину отправлять не будет, это было бы слишком опрометчиво. А вот парочку Пеговых, поголовастее — вполне.

Пеговых? Он имел в виду клановых бастардов. Рикович — бастард Рюриковичей. Бецкой — у Трубецких. У Сапег, оказывается, Пеговы. Была тут такая традиция — фамилии незаконнорожденным детям нарезать.

— Буду совершенно не против, — дипломатично поднял ладони я, отвлекаясь от письма. — Но заявление — на имя директора. Она у нас женщина деловая, я бы даже сказал — хваткая. Всякое может быть. Тем паче — в последнее время я уже заставил ее сильно понервничать, сами понимаете… Так прыгать

через голову начальства и раздавать авансы я не буду.

Я писал сразу два экземпляра — под копирку, на обычном листе писчей бумаги, сидя за графским столом. Все пункты оговорены, текст мирного договора между кланом Сапег в лице его главы и мной в моем лице — составлен, оставалось только подписать.

— Прошу! — сказал я. — Подписываем — и лечите своих архаровцев, и делайте что хотите, а я пойду…

— Куда? — он так и замер с этой дорогущей перьевой ручкой в руке, начав читать рукописные строчки.

— Попутку ловить! Только вещи мне мои отдайте, в таком виде я много не нагуляю… Зима на улице, а я вот — в джинсах, пиджаке и футболке… Так себе! — я осмотрел себя с ног до головы.

Действительно — более-менее всепогодными у меня были только ботинки. Хорошие ботинки — это у меня пунктик, после прогулок по хтоням. Остальное — вот, по замку прогуливаться, в ресторане кофе пить, но никак не добираться от Браслава до Минска. Ну, то есть, перекинувшись в имаго — мог бы пешком до автовокзала добраться и морозца даже не почувствовать, но разгуливать с чудовищно обаятельным чешуйчатым видом по Браславу я не собирался.

— Миро-о-о-он! А ну, войди сюда! — гаркнул Сапега и тут же ухватил себя за голову: удар стулом — это удар стулом!

Громко орать и вообще — напрягаться до того, как будут проведены оздоровительные процедуры, человеку с такими травмами противопоказано.

Киборг вошел в кабинет пинком железной ноги, как раз между двумя росчерками пера, которые зафиксировали отсутствие претензий между мной и кланом Сапег на вышеуказанных в договоре условиях. Что характерно — фламберг выдержал. А вот дверь — она с петель слетела.

— Да, Павел Станиславыч? — определенно, отношения у этих двоих были непростыми, никак не подходящими для простого тюремщика и главы клана.

— Что там снаружи? — спросил Сапега

— Отбились, — отмахнулся он. — Мы бы и этого рыжего деятеля скрутили, да по лестнице штурмовики пошли, кажется — Олельковичей, вот и…

Скрутили бы они, как же! С другой стороны — по голове в такси меня чем-то все же приголубили, значит, и против меня средство у них действительно имеется.

— Олельковичи? Вот же курвины дети! — граф протянул мне перьевую ручку, и я тоже поставил подписи. А потом Сапега вдруг

коротко хохотнул и заявил: — Вы, Георгий Серафимович, как картина неизвестного художника!

— А? — удивился я, пряча свой экземпляр договора во внутренний карман пиджака. — Это почему еще?

— Ну, знаете, как бывает? Наляпает какой-нибудь авангардист невесть что на холсте, а кто-то из жалости эту мазню купит. Или не из жалости — ну, увидел в цветовой гамме и геометрии что-то свое, личное, подсознательное… Если купит просто человек обеспеченный — ничего не произойдет. А если кто-то значимый — например, певец известный, или — аристократ, или — промышленник, то картина стремительно растет в цене сразу же! Если САМ ее в кабинете повесил — наверное, что-то знает?

— Та-а-ак? — начал понимать я.

Эффект Тищенко. Как в фильме «О чем говорят мужчины». Никто этого художника не знает, но почему-то картину купили — значит, наверное, крутой художник! Главное — говорить значительно: «Это ж Тищенко!» И все будут кивать и охать, и ахать.

— Вот если Сапеги вас похитили, не побоялись проблем с Гуттен-Чапскими, рискнули — то, значит, вы и вправду птица важная и редкая! — подтвердил мои мысли граф. — Так что я сам создал себе проблему. Теперь матерые хищники стараются выкрасть вас уже у меня. Или убить. Если вы настолько важны, то, значит, не должны мне достаться!

— Птица-говорун отличается умом и сообразительностью… — пробормотал я, задумавшись. — А причем тут Гуттен-Чапские?

— А где вы в такси садились? Вы меня совсем за идиота-то не держите! Сами же говорили — внешних войн Государство Российское не ведет, и мы — аристократы — теперь имеем полное право вцепиться друг другу в глотки! — усмехнулся Сапега. — Мирон, нужно отдать Георгию Серафимовичу его вещи. И вот что — принесите ему доху. Возьмете доху, Георгий Серафимович? У меня есть лисья доха, она вам очень пойдет! Не знаю, куда дели вашу верхнюю одежду, но, думаю, она в плачевном состоянии.

— Что? — я, честно говоря, пытался переварить полученную информацию про обстоятельства моего похищения. — Доха? Лисья? Однако… Дорого-богато…

— Пустяки! Но — она точно пойдет к вашей бороде и вашим волосам! — никогда бы не заподозрил в Павле Станиславе Сапеге эстета и скрытого стилиста. С другой стороны — Сапеги одевались действительно со вкусом. — Неси, Мирон!

— Погодите-ка! — я наконец сложил два и два. — То есть меня украли на улице Сторожовской, на стороне Троицкого предместья, а это — юридика Гуттен-Чапских? То есть, не перейди я дорогу, то…

— То и воровать бы вас не стали, — подтвердил мою мысль Сапега. — По крайней мере — не в этот раз. Я не совсем выжил из ума! Троицкая гора и Большой театр, и Кадетский корпус — опричнина, Старотроицкая площадь и женский монастырь Святого Василия — земщина. Попадать под земские и тем более под опричные законы — нет уж, это без меня!

— Минск, такой Минск, — я тяжко вздохнул. — Черт ногу сломит. Не люблю большие города. И не люблю быть аристократом…

— Вы уже здесь, — развел руками граф. — В самой середине змеиного кубла, добро пожаловать. Кстати! А как это у вас так ловко получилось завязать в узел золингенский клинок?

Никогда Штрилиц не был так близок к провалу!

* * *

От ответа меня спасли два события. Одно — хорошее, а второе — плохое.

Хорошее — это Мирон приперся с дохой и другими моими вещами. Плохое — на замок опять напали. Я услышал только топот ног и новую волну выстрелов и криков, но для магов, похоже, дело обстояло куда очевиднее — они ведь видели, ощущали колебания эфира и могли по ним ориентироваться. Наверняка снаружи разверзся локальный филиал ада!

— Порталы, кур-р-рва! Порталы! — взревел Сапега. — Мирон, общий сбор клана! Начнем зачистку прямо отсюда. Настало время показать зубы по-настоящему! Георгий Серафимович — ради вашей же безопасности предлагаю вам пока задержаться…

Магнат достал из ящика стола кристалл зеленого цвета и склонился над Янеком и Франеком. Теплая волна прошлась по всему кабинету, кто-то из молодых Сапег с явным облегчением выдохнул:

— О, Матка Боска! — похоже, их подлечили.

Киборг в это время подошел к камину и железным своим пальцем надавил на один из кирпичей. Чудовищный звук ревуна — сирены, как во время воздушной тревоги — огласил окрестности, у меня аж в ушах заломило.

— Янек — силовое поле. Франек — убиваем всех, кто не носит герба Сапег! Мирон — на тебе ближняя дистанция. Георгий

Серафимович, вы можете следовать за нами или остаться здесь — на свое усмотрение, — Павел Станислав засучил рукава жупана, и его ладони загорелись ярким пламенем. — Мы идем воевать.

Я пожал плечами:

— Это не моя война, свою я уже выиграл. Идите, воюйте. За меня не беспокойтесь, мы с вами решили все проблемы, верно?

— Верно, — нахмурился Сапега. — Пожалуй, я не завидую тому, кто попытается вас похитить следующим. Кажется, вы — человек с двойным дном.

— С ТРОЙНЫМ, — ответили мы с драконом, и соболиные брови графа нервно дернулись.

* * *

Я наблюдал за войной всех против всех из узкого окна-бойницы кабинета главы клана. Со мной тут осталась пара охранников в бронескафах — беречь клановое имущество и меня за компанию. На стенах и крышах, в галереях и анфиладах, во внутреннем дворике и у ворот схлестнулись сразу три силы.

Из порталов на крыши выплеснулся клановый спецназ еще одной магнатской семейки Великого княжества, Пацов — герб «Гоздава» из двух белых лилий на красном фоне и красно-желтые цвета одежды говорили сами за себя. Похоже, это были дружинники-пустоцветы, они ловко управлялись с артефактным оружием: магическими жезлами, с наверший которых срывались импульсы энергии серьезной поражающей силы. Да и огреть такими штуковинами в ближнем бою можно было не хуже шестопера. Гербовые щиты у этих ребят тоже были непростые: отразить очередь из автомата Татаринова и не вывернуть руку под силу только волшебной броне! Пацы принялись обстреливать позиции защитников замка, рассыпались по крышам, пытаясь проникнуть внутрь…

Один из таких импульсов — чисто как у имперских штурмовиков в «Звездных войнах» — прилетел прямо в окно, из которого я наблюдал за происходящим, разбил цветное стекло и поджег лосиные рога на камине. Ребята-охранники тут же открыли огонь из автоматов, поливая очередями раздухарившихся нападающих.

В это же время ворота протаранил броневик, на борту которого был нанесен синий щит с желтым литовским крестом, за ним — еще один и еще! Олельковичи не оставляли попыток заполучить меня в собственное распоряжение, хотя и положили уже немало людей во время первого штурма. Крупнокалиберные

пулеметы бронемашин тут же открыли огонь по Пацам на крышах и по Сапегам — в окнах зданий. Следом за броневиками, левитируя прямо в воздухе на странных блестящих дисках, влетела тройка магов-Олельковичей — явно аэроманты — вокруг них воздух вращался наподобие торнадо… Поднялся свирепый ураган, Пацам на крышах пришлось туго, кое-кого из них, кто не успел укрыться за чудо-щитами, просто смело прочь — и они с дикими воплями улетели в серое зимнее небо.

Однако, наступательный порыв сбил сам Павел Станислав Сапега с Янеком, Франеком, киборгом и полусотней дружинников. Под прикрытием защитной сферы магнат появился на выходе из той самой башни, где находился я.

— Ийдзь до дьябла! — у графа снова проснулся польский акцент.

С таким боевым кличем он изверг из своих рук две толстенные огненные плети, которые заплясали по внутреннему дворику, слизывая начавших высаживаться из бронетранспортеров штурмовиков, опаляя технику, заставляя аэромантов подниматься выше, выше… Где их доставал со своими злыми алыми искрами Франек — он бил прицельно, мощно — кто-то из Олельковичей получил натуральную дыру в груди, величиной с кулак, и полетел вниз, в адское пекло, устроенное старшим Сапегой.

Получив передышку, активизировались Пацы — они сплотили ряды на крыше, прикрылись щитами на манер римской «черепахи» и двинули прямо в нашу сторону!

— Все, ребята, я пошел, — сказал я и двинул прочь из кабинета.

Дружинники Сапег переглянулись, но ничего не сказали — слишком заняты были попытками прострелить ноги парочке Пацов. Так что я двинул на лестницу. В дохе!

Нет, ну а как иначе? Окна тут были кругом выбиты, так что мороз ощутимо щипался, а буйный ветер, поднятый аэромантами, завывал и грозил пробрать до костей, так что доха была как нельзя кстати. Теплая, однако, и просторная. Ничего-то под ней не видно, можно пулемет «гатлинг» пронести незамеченным.

Самым очевидным вариантом было бы спуститься на несколько витков лестницы вниз, найти окно наружу, спрыгнуть, пользуясь драконовскими возможностями, с любой высоты, и бегом-бегом свалить куда подальше. Но! Я был уверен: замок окружен врагами. И те, кто окружил — тоже окружены, только уже силами клана Сапег. Потому что невозможно так просто взять — и пригнать армию в чужую юридику! Штурмовую группу — да. Отряд спецназа — вполне. Крепкий кулак для того, чтобы

закрепиться и дождаться подкрепления — тоже очень может быть… Но армию?

У этих ребят, что у Пацов, что у Олельковичей — задача была довольно тривиальная. Ворваться в замок, найти меня, схватить и утащить. Может, и получилось бы, но, видимо, они помешали друг другу. Может, даже убивать один другого стали на подходе, облегчив таким образом жизнь Сапегам. По крайней мере — стоило глянуть на Браслав за окном, как становилось ясно — в городке идут уличные бои. Стрекотали автоматные очереди, что-то взрывалось, грохотало, мелькали разноцветные сполохи. Мобилизованные дружинники, члены клана и клиентела Сапег вправляли мозги интервентам!

Чтоб он сдох, этот эффект Тищенко! Дался им всем Пепеляев, однако! Как будто пять инициаций — это что-то такое, из-за чего стоило угробить десяток-другой отличных бойцов! Или — по их мнению действительно стоило? Так или иначе, не хотелось мне через Браслав переть! Но проблема-то заключалась в том, что городок этот был зажат между двумя озерами — Дривяты и Новяты, и поэтому отступать мне пришлось бы либо через воюющие кварталы, либо по водной глади — незамерзшей! Всё не слава Богу, а?

А еще — у меня страшно чесалась спина под дохой! Что бы это значило — я понятия не имел, но, повинуясь странному наитию, не спускаться решил, а подниматься. Винтовая лестница рядом с кабинетом Павла Станислава не кончалась, она вела дальше, на крышу. Туда я и двинулся, переступая через лежащие один на другом трупы сапеговских, олельковических, пацевых дружинников и скоморохов. Последних было меньше всего — но попадались! Судя по всему — целых четыре, а не три силы схлестнулись тут по мою душу!

— О, поле-поле, кто тебя усеял мертвыми телами? — завывающим голосом проговорил я.

Да, мне было жалко убитых пацанов. И да, меня брала злоба на их хозяев. Бесы задери, почему просто не пообщаться? Почему не договориться? У меня ведь на самом деле имелось некое компромиссное решение — но воплощать его в жизнь я планировал не сразу, а через пять, десять лет! Мне здесь едва четверть столетия стукнуло, куда за громадные проекты браться?

— МЕРЯЕШЬ ЖИЗНЬ СТОЛЕТИЯМИ? — усмехнулся дракон. — ПРАВИЛЬНОЙ ДОРОГОЙ ИДЕТЕ, ТОВАРИЩ! ВВЕРХ ПО ЛЕСТНИЦЕ ИЗ ТРУПОВ, ХА-ХА-ХА!

— Просто заткнись! — потряс головой я.

Впереди маячил свет — люк на крышу оказался выбит. Я выбрался на верхнюю площадку, подошел к самому краю, оперся

о холодный каменный зубец и огляделся: картина с высоты вырисовывалась апокалиптическая. Столбы черного жирного дыма над подбитыми остовами техники, алые языки пламени во внутреннем дворике замка, серые тяжелые тучи, закрывающие небеса, порывы ветра, штормовые волны на озерах, сражающийся город…

— Дурдом какой-то… — и попробовал почесать спину: зудело страшно.

— И ты ему виной! — раздался за моей спиной рокочущий бас.

Я обернулся — и увидел как прямо из зубца у противоположно края площадки, сквозь каменную кладку проявляется великанская фигура. Это был человек мощного телосложения, с пышной каштановой гривой волос и такой же бородой, наряженный в коричнево-красный жупан. На правой стороне его груди располагался затейливый герб: кентавр, у кентавра из афедрона торчит змея, в которую сам он целится из лука. Рожа у гербовой фигуры — преестественная, со шкиперской бородкой, ровно такого же цвета, как и у этого гигантского типа!

— Однако, — этот герб меня доконал окончательно. Я не знал — смеяться мне или плакать! — Еще один любитель перекладывать с больной головы на здоровую! Ты чьих будешь, боярин?

Он шагнул ко мне — росточком-то Бог дяденьку не обидел, метра два точно! Я и сам немаленький, но на этого смотрел снизу вверх, как на воспитательницу в детском садике. Навис надо мной, понимаете ли, авторитетом пытался давить…

— Боярин? — пророкотал он. — Я — князь Семен Гольшанский, и ты сейчас пойдешь со мной!

И ухватил меня за рукав дохи своей лапищей!

Знаете, я не люблю, когда чужие люди лезут в мое личное пространство. Хлопают по плечу, крутят пуговицы, обнимаются… Особенно когда такое проворачивают двухметровые гигантские дяденьки! Такими людьми обычно движет самоуверенность, вера в свои магические и физические силы, в собственный авторитет и непогрешимость… Подобный уровень самомнения и завышенной самооценки обычно не предполагает удара затупленной двусторонней секирой в междудушье, точно.

— Ауч! — сказал князь Семен Гольшанский жалобным голосом и рухнул на колени, инстинктивно прижимая руки к травмированным причиндалам.

— С меня достаточно, — вздохнул я и приложил его секиркой еще раз — плашмя, по башке, а потом спрятал оружие в недрах лисьей дохи. — Сапега, оказывается, еще ничего — в плане

адекватности. Вот уж верно — змеиное кубло! Как же мне хочется отсюда свалить, а? Пошли бы они к бесам все вместе, эти вельможные и ясновельможные!

В душе моей именно в этот момент поселилась зеленая тоска. Мне стало плохо физически, аж под ложечкой засосало. Захотелось назад — в уютную земщину, в Вышемир, в свою квартирку в местной «хрущевке» с Ясей чай пить на подоконнике, или даже в кабинет школьный, рассказывать детям о причинах распада Балканской Федерации…

— ТАК СВАЛИ! КТО ТЕБЕ МОЖЕТ ПОМЕШАТЬ? — прогремел голос дракона. — НЕ ХОЧЕШЬ ЖЕЧЬ ПРЯМО СЕЙЧАС? ТОГДА ПОШЛИ ОНИ ВСЕ В ЖОПУ!

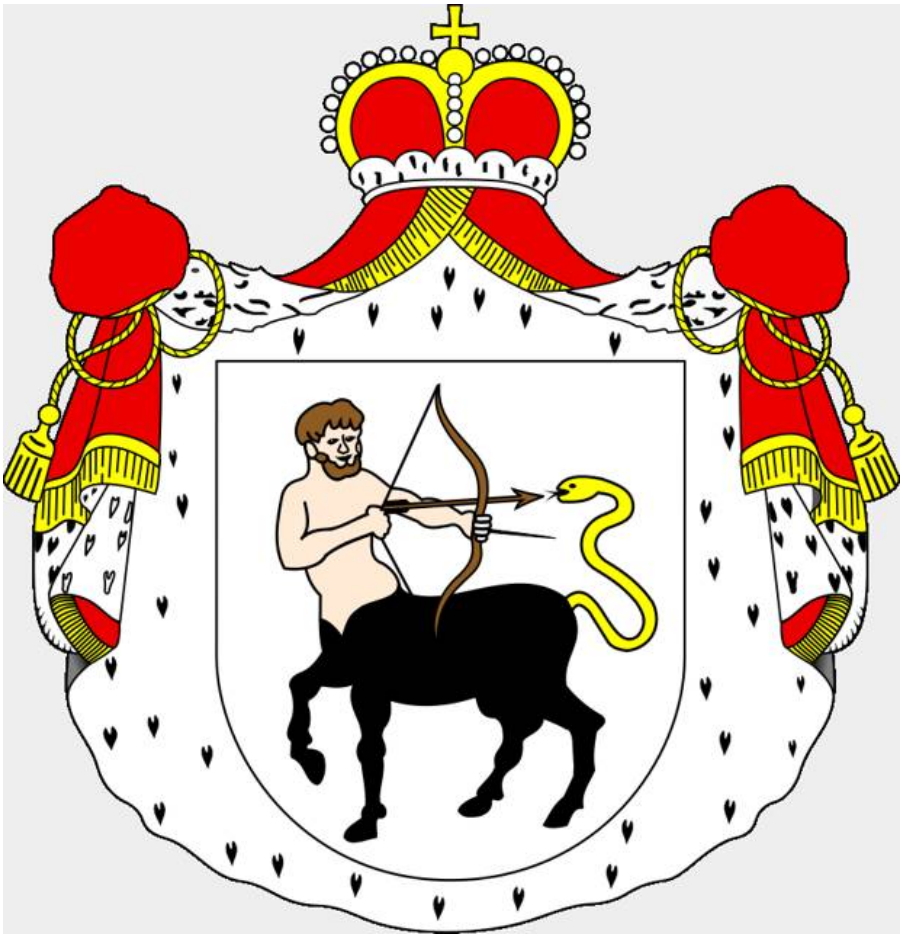
Я глянул еще раз на корчащегося Гольшанского, на лютую сечу вокруг, на столбы дыма… А потом отступил к самому краю площадки на вершине башни, набрал полную грудь воздуха — и сиганул вниз!

Сначала в лицо мне ударил воздух, в ушах засвистело, а потом — раздался жуткий треск, и зуд в спине внезапно прошел! Я как будто почувствовал опору руками, да что там руками — всем своим существом! Как будто ухватил небо в ладони, меня распирало от дикого восторга, я увидел облака близко-близко и вдруг понял: у меня — крылья!

Я лечу!!!

* * *

[image]



Глава 5
Инвестиции

— … до сих пор гадают, чем вызвана череда странных пожаров в имениях великих кланов. И если горящий замок Браслава можно объяснить начавшейся междуусобицей среди магнатских родов и боестолкновениями на территории домена Сапег, то провалившаяся крыша Ольшанского замка, или сгоревший флигель лидского имения Пацов, не говоря о возгорании верхних этажей донжона Копыльской цитадели Олельковичей, весьма таинственны, — лысый ведущий в телевизоре повернулся к зрителям в профиль. — Четыре пожара магнатских замков за сутки? Совпадение? Не думаю!

— Не думает… — Рикович побарабанил пальцами по грязной столешнице. — И я — не думаю.

Мы сидели в удивительно зачумленной забегаловке, настолько дрянной, что мне казалось — таких в Минске и не осталось вовсе! Минск — город ухоженный, три его части — опричная, земская и принадлежащая аристократам — постоянно соперничали друг с другом, щеголяя чистотой тротуаров, изяществом фасадов и яркой иллюминацией. А тут — засиженный мухами портрет Государя, кофе «три в одном» в пластиковых стаканах, вонючие жареные жирные чебуреки и какой-то доисторический огромный телевизор на выкрашенной бледно-голубенькой краской кривоватой стене. И висюлька-бренчалка над дверью-ПВХ, которая цеплялась за макушку всякого, кто был выше среднестатистического кхазада.

Сыскарь покачался на пластиковом стуле, оценивающе посмотрел на меня и проговорил:

— Так вот, никто не думает, что это совпадение. Все ищут причины. Кто-то говорит, что произошедшее — такой странный хтонический инцидент: мол, вылетела тварь, полетала, пожгла и улетела. Тем паче — остаточные хтонические эманации во всех трех… Даже — четырех случаях читаются. А приборы — сбоят. И артефакты — тоже. Другие говорят — это проделки демонологов. Мол — демон с рыжим мехом и адскими крыльями, небывалой силы, может быть, даже из духов злобы поднебесной… Кто-то из аристократов взрастил редкого специалиста и теперь натравливает на конкурентов.

— НОРМАЛЬНЫЕ КРЫЛЬЯ! — возмутился дракон. — САМ ТЫ АДСКИЙ!

А я помалкивал и слушал его дальше. Я уже изучил Ивана

Ивановича: если он не брызгал слюной и не бегал по потолку, а вот так вот спокойно излагал свои мысли, это значило — в целом сам Рикович и весь Сыскной приказ не против происходящего. У меня к ним тоже была парочка вопросов, но один из них задавать было рано, а второй — задавать стоило кому-то рангом повыше. Целовальник продолжал рассуждать вслух:

— Третьи считают, что сие — дело рук какого-то жутко мощного зоотерика. Но летающих зоотериков не бывает, как не бывает хоббитцев и снежных человеков…

— А что считает Сыскной приказ? — поинтересовался я.

— А Сыскной приказ считает, что аристократы охренели, и горящие крыши им пойдут на пользу, — ухмыльнулся рыжий менталист. — Воруют, понимаешь, наших консультантов, пользуясь их юридической безграмотностью! На кой черт ты пошел в Троицкое предместье? Почему такси на другой стороне дороги не подождал?

— Однако, я не думал… — я ведь не мог ему напрямую сказать, что такое положение дел, когда на разных сторонах улицы — разная юрисдикция, мне и в голову прийти не могло!

По меркам Земли, а особенно — привычной мне Беларуси, это было чистым бредом! Твердь же, и здешняя Россия, и Беларусь в ее составе — все это выглядело как лоскутное одеяло, и запутаться в этих лоскутах было проще простого. Тем более — для человека не местного. Да и в аристократах я без году неделя, не успел еще базу выучить — что, кто и кому должен и чем обязан, и где могу ходить гоголем, а где — получить по шапке. Хотя, например, с объявлением войны Сапегам получилось ловко, еще и с прибытком остался! За это я прям собой горжусь!

— Сначала лысый этот не думал, — он мотнул головой в сторону телевизора, откуда ведущий продолжал вещать о происках темных сил и заговоре хоббитцев. — Теперь ты — не думаешь… Ты как легализоваться-то собираешься? Тут ведь стоит копнуть глубже, и обнаружится, что сгоревшие уголовники в Вышемире и крыша дворца Олельковичей были атакованы из одного и того же биологического огнемета, такое дело… Тебе нужно алиби, Пепеляев!

— В смысле? — я сделал невинное лицо. — А зачем мне выкручиваться? Если ты меня не возьмешь за жабры — никто не возьмет. Меня всего два дня не было и три ночи! Де юре — я на курсах повышения квалификации! Старостиха мне «энки» не ставила, формально я присутствовал на всех лекциях. На практическую часть завтра утром пойду, посмотрю на открытые уроки столичных педагогов. А потом нам обещали системно-векторную психологию, мол — настоящее откровение от какой-то

звезды из Минского педагогического университета имени Максима Танка…

— Системно- векторная психология — это где про шкурных, писечных и жопных? — поинтересовался сыскарь, с сомнением глядя в стаканчик с растворимым кофе.

— Про кожаных, уретральных и анальных, ага, — закивал я. — И про всяких других тоже… Это можно послушать, по крайней мере — звучит забавно. Может, психологушка еще попадется симпатичная… Чего ты на меня так смотришь, я Вишневецкую люблю и без всякой задней или передней мысли о психологушках говорю! Мне просто нравится смотреть на красивых и умных женщин. Это самое прекрасное зрелище в мире!

— Зубы мне не заговаривай! У нас проблема посерьезнее! Как решать будем? — сделал строгий вид Рикович.

— Проблема? А! Да! Однако, могу ли в Минске зашить доху я? — по задумке вопрос должен был прозвучать легко и непринужденно.

— А? — глаза Риковича стали квадратными.

— Дал маху я, порвал доху. Теперь зашить ее хочу, — меня просто распирало, хотелось выдать скороговорку целиком.

— Что ты такое несешь, Пепеляев? Ты вроде интеллигент, культурный человек!

— Сапега подарил мне доху на лисьем меху! — смех подступал к горлу, заставлял говорить в рифму, но я сдерживался — хоть и с трудом. — Теперь надо зашить — от лопаток до ягодиц, две дырки… Есть специалист у вас?

— Доху, значит! На лисьем меху? — глаза Риковича прищурились. — И два разреза — до самой задницы… Как оно, в дохе-то, на высоте пары сотен метров? А химчистка тебе не нужна? Не закоптил ли ты свои меха? Или мехи?

— Химчистка — дело житейское, — улыбнулся я в ответ. — Ты мне, Иваныч, дай ответ: так есть кто в Минске, или нет?

— Задолбал! — сказал он. — В следующий раз я постараюсь скормить тебя полякам, чтобы ты им всю Речь Посполитую сжег к чертям! Нет, определенно — тебе нужно пообщаться с паном-атаманом, Бабаем нашим Сарханом Хтоническим! Вы чем-то неуловимо похожи… Как-то раз его заперли в тюрягу, в Бурдугуз, где маньяки, убийцы, разбойники и прочие ублюдки просто кишат! И знаешь, что он сказал?

— А? — этот Бабай, похоже, тут здорово наследил и вообще — был парнем харизматичным, если его так часто поминают!

— «Это не меня заперли с вами, это вас заперли со мной!» — процитировал Рикович. — А потом он стал кидаться людями и петь революционные песни в систему оповещения. И разнес им

всю хату… Вот я и думаю — может, мне выгоднее раздуть всю эту тему? Пусть тебя снова похитят? Пшеки там, или авалонские эльдары… А нам меньше работы останется!

— Это же шутка, да? — покосился на него я. — Мне не понравилось быть похищенным. Кормят плохо, ничему, ять, не учатся, за рукава хватают и зеркальце не дают. Говорят — им можно уничтожить противника.

— Идиотизм какой! — откликнулся сыскарь. А потом задумался: — Хотя-а-а-а…

— С дохой-то поможешь? — я встал со своего места. — И зачем мы в такой дыре встречались-то? Почему в «Васильки», например, не пошли? Там дранички — просто объедение.

— Конспирация! — воздел указательный палец Рикович. — А с дохой — не помогу! Я в Сыскном приказе работаю, а не в магазине «Мир кожи и меха!» Сам разбирайся… Чего стоишь? Расплачивайся, мне командировочных не выдали… Не напасешься командировочных за вами, бедолагами, по Россиюшке кататься! То один, то другой… Задолбали!

В общем — я так и не понял из этой странной встречи: мое похищение было вопиющим провалом Сыскного приказа или супер-дупер-жупел секретной операцией?

— НА ПОЛШИШЕЧКИ, — сказал дракон. — ЧТО ЗА СУПЕР ЖУПЕЛ, КОГДА ТЫ НИКАК ИСТИННЫЙ ОБЛИК ПРИНЯТЬ НЕ ХОЧЕШЬ? ИЗВРАЩЕНЕЦ. КРЫЛЬЯ ЕСТЬ, ОГОНЬ ЕСТЬ — ДРАКОНА НИКТО НЕ ВИДЕЛ! ЭТО КАК ЖЕНЩИНУ ЧЕРЕЗ ТРУСЫ ИМЕТЬ. ПОЗОРИЩЕ…

— Это ты — позорище. Что за пошлые метафоры? И вообще — доха бы порвалась, — отбрил я тихонько, чтобы сыскарь не услышал. — Доху я жалею. Классная вещь!

* * *

— Доху? — раскатисто засмеялся Мечик на том конце телефонной связи. — На лисьем меху? Да запросто! У Броника есть знакомый, мы ему после охоты всегда шкуры сдаем. Такие штуки делает, закачаешься! Айн момент, все будет. А пропал-то ты куда?

— Вторая работа, понимаешь? Настоящая подстава, неожиданная командировка… — почти не соврал я. — Чуть ли не силком меня из такси достали, и все — режим секретности и все такое… Ни позвонить, ни предупредить. С меня — ужин, приглашаю вас в «Васильки»! Возьмем «Зубровку», или что вы там пьете? В общем — готов принести искренние извинения в любом

формате, некрасиво получилось. Полбеларуси облете… объехать пришлось!

— На Министерство магии, что ли, работаешь? Ты же нулевка — наверное, по артефактам привлекают, м? — Мечик, хоть и выглядел, как настоящий рокер и франт, но был дядькой умным и проницательным.

— Почти, почти, — не стал отрицать я. — В общем, вышло то, что вышло. Если вы с Броником договоритесь, и мы встретимся — я буду только за. Тем более — тема для разговора никуда не делась.

— Верно, верно… Давай, сейчас я с братцем созвонюсь, решим тему с дохой и тебе маякнем. Отбой!

Эти двое оказались настоящей находкой. Буквально через пять минут мне перезвонил Броник и сказал:

— Никаких «Васильков» и прочих глупостей! Никуда не уходи, стой где стоишь! Мы все втроем едем на баню к директору дурдома! Будем есть лося и пить божоле! Сейчас заедем!

И заехали — на крохотной «Жужелице»! «Жужелица» — это электрокар местного производства. Как раз Гуттен-Чапские у себя в Станьковом Ключе, в своей юридике на автозаводе и производили. Эдакая смесь фольксвагена «Жук» и мерседеса А-класса. Элегантно, но миниатюрно!

— Это, конечно, не «Урса», — хохотнул Мечик, открывая мне заднюю дверь. — Но для города — самое то. Беда тут с парковочными местами! Залезай, поедем!

— Вы знаете, что есть лося в бане у директора дурдома — это звучит очень интригующе? — поинтересовался я, втискиваясь на сидение.

— Появление лисьей дохи во время курсов повышения квалификации и необходимость ее зашить — тоже интригуют! — парировал Броник.

Мечик — младший из братьев Машевских, подтянутый, мускулистый, с длинными до плеч волосами — выглядел намного моложе своего возраста и походил то ли на эльфа-лаэгрим, то ли на индейца из фильмов с Гойко Митичем. Он любил неформальную одежду: косухи, рваные джинсы, носатые кожаные сапоги. Броник — лысый, с бородкой, как у злодеев-русских из американских фильмов, с орлиным носом и выразительными глазами, тоже — крепкий, но не такой подкачанный, предпочитал в одежде практичность — брюки-карго, свитера… Хотя, судя по тем костюмчикам, в которых они явились на мою давешнюю дуэль с Кшиштофом, дядьки оба были те еще щеголи.

— Сначала завезем доху в починку, а потом — едем к нашим инвесторам, — пояснил Мечислав Машевский, лихо выруливая на

проспект Эльфийских Добровольцев. — И директор дурдома — то бишь, главврач Специального Великокняжеского центра психического здоровья — один из них. Завальня его фамилия, он чем-то на тебя похож — имеет деньги, влияние, собственную частную клинику, а работает на государевой работе… Идеалист!

— А кто там еще будет? — поинтересовался я. — Какие-то важные господа?

— Вот на месте и посмотришь. Все люди солидные, компетентные, обеспеченные, и при этом — мировые мужики. Сначала — доха, потом — ко мне за лосем, а потом сразу — в баньку! — заявил Бронислав и вдруг запел чистым лирическим тенором: — *В таверне много вина, там пьют бокалы до дна…*

— … *и скрипка тихо, без слов,*

Играет «Танго цветов»! — подхватил Мечислав, ровно в тон, лихо разворачиваясь на перекрестке и выруливая в сторону Жданович.

Я бес знает, где слыхал эти строчки, но дядьев заслушался — очень музыкальные у меня родственнички. Так и доху закидывали в ремонт, и за лосем, который оказался парой огромных кусков карбонада и шурпой в кастрюле-скороварке, мы ехали под аккомпанемент дуэта братьев Машевских. Их репертуар состоял из песен, мне смутно знакомых, то ли слышаных в Вышемирских дворах, то ли — во время службы в поисковом. Или это Гоша слышал, а я нет?

— …*а у нее такая маленькая грудь,*

И губы алые, как маки… - напевал Мечик, паркуясь на склоне холма, у ворот большого дома с увитым виноградником навесом во дворе.

— … *уходит капитан в далекий путь*

И любит девушку из Нагасаки… — вторил Броник, вылезая из машины.

— А ничего, что я с пустыми руками? — вдруг мне стало неловко. — Ну, хоть что-то должен был прихватить…

— Мы уже прихватили. Держи шурпу! Ну, и споешь что-нибудь, у нас так принято, — отрезал Мечислав и всучил мне в руки кастрюлю. — Идем!

Он почти по-хозяйски открыл калитку, сделал приглашающий жест рукой и повел меня по очищенной от снега дорожке, мимо виноградника с покрытыми инеем, до конца не опавшими листьями, мимо горящих желтым теплым светом окон большого дома и страшной-страшной псины, которая высунула свою огромную башку из будки и провожала нас янтарным взглядом.

— Свои, Зигмунд, — махнул ему рукой Броник.

Собакена звали Зигмундом! Может — в честь Фрейда? Так или иначе — пес шмыгнул носом, открыл пасть, показав розовый язык — и, клацнув зубами, ее захлопнул. А потом завилял хвостом внутри будки, давая свое собачье благословение на дальнейший проход к бане.

Баня у директора дурдома была серьезная. Большой светлый бревенчатый сруб, с резными наличниками, крыльцом, с обустроенной для чаепития или какого угодно другого пития террасой, флюгером в виде парусника и оранжевой гирляндой из огоньков — по окоему крыши. В такой бане, наверное, можно жить!

— Пойдем, пойдем! Чуешь, как пахнет? Они уже парятся там!

Пахло дымком и банным запахом, тем самым. Вдруг дверь отворилась, и вместе с клубами пара и горячего воздуха на крыльцо вышел большой голый мужик с седыми кудрявыми волосами, широкими плечами и лицом как у Тиля Швайгера.

— Хуябенд! — по-гномски поздоровался он. — Вот, только вас и не хватало. А это ваш племяш?

— Пепеляев моя фамилия, — кивнул я и ответил на рукопожатие. — Школьный учитель и рыцарь, с недавних пор.

— Мраговский! — откликнулся голый мужик. — Частный инвестор, меценат, филантроп, застройщик. К вашим услугам!

— Две-ерь! — закричали из бани.

Мы быстренько ломанулись внутрь и стали раздеваться. Нам навстречу вышел плотный дядька — лысый и усатый, с полотенцем на чреслах.

— А представьте-ка меня, господа Машевские, этому молодому человеку! — положив руки на свое великолепное пузо, проговорил он.

— Это Януш Петрович Завальня, тот самый директор дурдома и наш гостеприимный хозяин, — пояснил Мечислав. — А это — Георгий Серафимович Пепеляев-Горинович, землевладелец, школьный учитель и таинственный тип!

— Таинственные типы — это наш контингент! — обрадовался Завальня. — Что ж, теперь наш клуб выдающихся джентльменов в полном составе! Давайте сюда своего лося, вам срочно нужно попариться, выпить божоле — и можно обсуждать дела!

И мы немедленно последовали его совету, и пошли париться, попутно знакомясь с остальными членами клуба. Все это оказались мужчины самых разных возрастов: очень молодой Сивоха — красавец лет двадцати; взрослый, интеллигентный, толстый Латышевич и худой, носатый и лысый Чубкевич. Сивоха являлся вроде как айтишником — почти гениальным и очень перспективным, Латышевич занимался логистикой и

грузоперевозками, Чубкевич — работал в сфере обеспечения безопасности частных предприятий.

Дел никто в разговоре поначалу не касался: трепались о погоде, новостях, музыке. Между заходами в парилку — ели лося и пили божоле. Этим словом они называли молодое вино, разбавленное с газированной минералкой! Честно сказать — после бани заходило на ура! Скоро появилась гитара и стала переходить из рук в руки.

— А Дикий Запад,
Страна скалистых гор,
Страна чудовищ
И голубых озер,
Куда ни кинешь
Свой соколиный взгляд —
Всюду черти полосатые стоят! — Мечик тряс своей индейской шевелюрой и выдавал перебор, который пробирал до костей.

— Ты-тын тыдын тын-тын! — звенели струны.

Мужчины стучали по столу в такт, Броник подпевал:

— А я опричный десант
И мне на все наплевать
Я беру автомат
И иду убивать…

У меня не проходило впечатление, что я все это где-то уже слышал, только не так и по-другому, что эти песни были и в моем мире — только прошли мимо меня, коснувшись самым краешком. Может — из-за моего не слишком большого возраста, может — еще по какой-то причине… Наконец Мечислав отставил гитару.

— Итак, джентльмены!..

— Ну вот, — проговорил Завальня. — Хорошо же сидели.

— Ага, — Мраговский подтянул простыню на своих могучих плечах. — Сейчас о деньгах разговор пойдет — и все разосрутся.

— Нет, — Завальня погрозил ему пальцем. — Мы — культурные люди. Мы сейчас все обсудим — а потом допьем божоле и допоем песни. И в хорошем настроении пойдем домой. И после — спустя пару недель — встретимся снова.

— У меня в Горыни, — решительно заявил я.

— У Пепеляева — в Горыни, — кивнул директор дурдома. — Вот и сговорились.

Молодой Сивоха мигом убрал со стола божоле, лося и прочие богатые закуски, Латышевич извлек из-под лавки портфель на застежках, пошерудил в нем — и достал на свет божий стопку распечаток.

— Джентльмены, перед вами проект частного центра

виртуальной паллиативной медицины! Готовый, красивый, только подписать — и можем приступать. Цена вопроса — двадцать миллионов денег. И экстерриториальность.

От озвученной суммы мне, прямо скажем, стало плохо. Но я взял себя в руки и сказал:

— Мне тут буквально на днях пару сотен гектаров от Ходкевича к моей юридике прирезать должны. Так что с экстерриториальностью вопросов не будет — если только я не увижу в этом проекте ничего аморального.

— А? — Бронислав Машевский обвел присутствующих взглядом. — Каково?

— Дуже добре, — кивнул Завальня. — Споемся!

Честно говоря, мне тоже так казалось.

* * *

Глава 6
Квалификация

Садясь за парту, учителя превращаются в учеников. Звучит банально? Точно! И выглядят так же. Как будто р-р-раз — и вынули из человека стержень, отключили мозги и вместо тридцати или сорока лет жизни оставили тринадцать. Это даже удивительно: они почти не слушали лектора, трепались, играли в «точки» и «морской бой», читали детективы, у кого были более-менее приличные телефоны — тыкались в телефоны. На них приходилось покрикивать!

— Вас много, а я — одна! — говорила минская учительница, которая пришла делиться передовым опытом. — Давайте сделаем тишину на счет три!

Стоило лектору выйти за дверь — поднимался ор. Как в школе — по нарастающей. В столовую все бежали табуном, хлопали дверями, качались на стульях, мусорили в кабинете. Взрослые дяди и тети, которые так привыкли говорить своим ученикам: «Поставьте себя на мое место!»

Конечно, на всю аудиторию из примерно сорока курсистов и курсисток находилось восемь или десять человек (а еще — одна кхазадка и две эльфийки) с синдромом отличника: они сидели на первых партах, все записывали, смотрели в рот лектору, задавали умные вопросы и поднимали руки. Может быть, им правда было интересно, может — привыкли все делать и-де-аль-но, как та секретарша Верочка, или — просто жалели лектора. Человек же старается!

Я помалкивал, я хорошо себя вел и старался не отсвечивать. Как и в школьном детстве — мне всегда было чем заняться во время уроков, не привлекая внимание окружающих. На сей раз целая папка распечаток имелась, с проектом этого самого Паллиативного центра, а я все никак не мог с ним разобраться! Сначала лектор мешал — рассказывала какие-то интересные штуки про игровые методики (да, да, как оказалось — на курсах повышения квалификации иногда выступают толковые люди и говорят полезные вещи), потом — эти четыре десятка мальчишек и девчонок. То есть — учителей первой квалификационной категории, которые вот-вот должны были получить высшую.

Бесы меня задери, тут даже мальчики к девочкам подкатывали! Среди учителей истории — немало мужчин, пожалуй, историки на четвертом месте после физкультуры, трудов и информатики в плане наличия сильного пола. И многие

в свои тридцать-сорок уже были разведены или — неженаты. А некоторым и кольцо на пальце не мешало. И девочки — матерые училки — хихикали. Нет, понятно: учителя — тоже люди, и всё такое, но… Как-то оно не смотрится.

С другой стороны — десять дней курсов, это почти отпуск! Вечера свободные, Минск — шикарный, есть где разгуляться… Караоке, бары, кино, театры. Чем не курортный роман?

В общем, пользуясь минуткой, пока все были заняты друг другом, а лектор еще не вернулась, я открыл папку и принялся ее листать, чтобы хоть примерно представить размах и суть предлагаемого проекта.

Ключевым элементом здесь должны были стать ультрасовременные капсулы виртуальной реальности с начинкой из системы жизнеобеспечения. О да, они тут существовали — но не для простых смертных. Такие технологии доступны в основном в опричнине, в некоторых юридиках — у кланов, которые специализировались на высоких технологиях, и частично — в богатейших и крупнейших сервитутах. По крайней мере, в Государстве Российском. В принципе — шунт и прямое подключение оператора к вычислительной технике или к сложным машинам тут использовались довольно активно уже несколько лет, но опять же — точно не в земщине. Я встречал в Вышемире киборгов — того же Элессарова, но одно дело — конечность, а другое — штекер для провода, который соединяет мозг и компьютер! Это — космические полеты, управление глубоководными и подземными станциями, сложнейшие оборонительные комплексы на границах и системы наблюдения в крупных городах… Давеча читал статью в сети о каком-то полицейском из Сан-Себастьяна, киборге, который замкнул на себя все турельные установки города и чуть ли не в одиночку отбил внезапную атаку балканских упырей. Правда, чуть не сбрендил.

А тут они предлагали при помощи виртуальных капсул и шунтов облегчать страдания и давать возможность быть общественно полезными и социально активными смертельно больным богачам. А может, не только богачам? Да, даже в этом мире на определенном этапе старения или заболевания медицина — и магическая в том числе — помогать переставала. Плюс, существовали нулевки и люди, глубоко аугментированные и киборгизированные. И нелюди тоже. Аксиома хорошо известна: чем больше в тебе железа — тем меньше магии…

Тем более — судя по выкладкам Марговского, аренда вирт-капсулы и установка шунта для пациента обходилась раз в десять дешевле, чем услуги Пироговых, Лестоков или других известных

целительских кланов.

Что предлагалось? В первую очередь, конечно, помощь именно паллиативная — то есть веселое и беззаботное доживание своей жизни. То есть — VR-игры и все, что с ними связано. Эта индустрия на Тверди была довольно развита, хотя аудитория и ограничивалась примерно пятьюдесятью миллионами пользователей из многих миллиардов, населяющих Твердь. Пациент паллиативного центра до самой смерти мог проводить время в виртуальном мире — играть, путешествовать, заводить отношения, получать удовольствия.

А если у него не хватало сколько-то денег для аренды капусулы, то тут начиналось самое интересное. Он мог неплохо подзаработать: например, в роли сверхъестественного полубога-модератора одной из игровых вселенных или — одного из ключевых персонажей типа короля, главы мистического ордена или адмирала флотилии космических пиратов. Любая значимая роль, которая требует постоянного присутствия в игровом мире и общения с игроками.

Я на Земле поигрывал в комп иногда, но никогда не был фанатиком-геймером, а тут и вовсе — всегда находились дела поважнее. Но размах идеи впечатлял! И притом игры — это было далеко не все. Работы для мозга, не обремененного заботой о теле, как оказалось, хватало: я поразился, узнав, какие деньги готово отвалить Государство Российское, богатые кланы и крупные корпорации за труд оператора, скажем, марсианской исследовательской платформы или сопровождение работы зонда-разведчика на орбите Юпитера! Однако — благодаря магии и артефакторике у них тут имелась мгновенная связь с Марсом и Юпитером! А еще хватало военных заказов — как от государства, так и от частных подрядчиков. Оборонительные системы для военных баз, беспилотники всех мастей — от штурмовых роботов до роя квадрокоптеров и строительной техники — нуждались в чутком пригляде и руководстве.

Получается, что этот самый Паллиативный центр должен был стать не только и не столько местом спокойного умирания смертельно больных денежных мешков, а скорее — местом, где человек мог спасти себя, работая исключительно своим мозгом? Условно говоря, для умирающего в уездной клинике больного онкологией дедушки, или наглухо парализованного дядечки идея заработать кучу денег, да еще и пару суток потусить, например, в виртуальном Раджапуре — самом разухабистом курорте Сиама — в окружении виртуальных красоток в обмен на сто или двести часов работы по управлению автономным экскаватором где-нибудь на Шпицбергене, или — боевым роботом в Антарктиде,

могла показаться вполне привлекательной! И детям-внукам поможет, и боли чувствовать не будет, и впечатления огребет полной мерой… Когда тело совсем зачахнет — у него просто погаснет «экран» — и все. То есть, сколько бы пациенту ни было отмеряно — полгода, месяц, десять лет — проживет ярко, с пользой, с интересом, не чувствуя себя обузой для окружающих…

— Однако! — я был серьезно озадачен.

В целом это выглядело неплохо. Помня себя — еще год назад, больного и готовящегося к мучительной смерти — я мог с уверенностью сказать: определенный коммерческий успех нам обеспечен. А что касается моральности происходящего… Что ж, всегда можно вставлять пункт в договор о том, что если наш пациент накопит сумму, необходимую для оплаты услуги маговцелителей, и буде они смогут отсрочить конец его физическому существованию или исцелить пациента полностью — мы готовы оказать посредническую помощь и доставить или его — к ним, или их — к нему. Вирт-капсула такая дорогая именно потому, что обеспечивает полное функционирование мозга и минимальное — всего остального организма. Дольше, чем в ней, человек все равно при обычных раскладах не проживет.

А еще — нужно спросить, есть ли какая-нибудь эрзац-версия, которая позволит будущему клиенту — или сотруднику, — оценить плюсы и минусы предлагаемой работы. Например — VR-шлем или что-то вроде того. Что-то не настолько радикальное, как шунт через черепную коробку в самый мозг…

— … наверное, вон тот мужчина с бородкой нам легко расскажет о своем опыте применения игровых методик! — вдруг громко провозгласила лектор, имея в виду меня.

Оказывается — она вернулась, а я и не заметил! Вот же — училка! Чего тебе надобно, старче? Конечно — никакая она не «старче», вполне себе элегантная сорокалетняя женщина, но кто позволил ей меня тут перед всеми выставлять? Я что — хулиган с последней парты или маленький мальчик? Кипя праведным гневом, с раскрасневшейся физиономией я поднялся со своего места:

— Рассказать? Однако, зачем рассказывать? Хотите — покажу? — аудитория зашушукалась, отвлекаясь от своих телефонов, соседок-подружек и морского боя.

Лектор смешалась, но махнула рукой, предлагая мне выйти к доске. Я шагал меж рядами парт, ловя на себе взгляды коллег. Что они там обо мне думали? Кем я им казался? Дремучим полешуком черт знает откуда? Импозантным молодым человеком? Рыжим-рыжим конопатым? Идиотом, который зачем-то прерывает привычный ход занятий, куда-то лезет?

Оказавшись на привычном для любого учителя месте — под прицелом десятков глаз, я за секунду обвел глазами аудиторию и ухмыльнулся:

— Так уж случилось, что у меня в прошлом году образовался большой перерыв в преподавании, и я вернулся в школу только в сентябре. Пришлось знакомиться с новыми ребятами, разбираться, что они из себя представляют… Предлагаю вашему вниманию игру «Дирижабль» — отличный способ изучить детей, с которыми предстоит работать и превратить урок в балаган!

Схватил мел и принялся быстро-быстро писать на доске: «ОГНЕТУШИТЕЛЬ, РУЖЬЕ, РАДИОПРИЕМНИК, МЕШОК С СУХАРЯМИ, ВЕРЕВКА, НОЖ, СПИЧКИ…»

* * *

— Как вам не стыдно! — сказала мне высоченная моложавая блондинка в розовом брючном костюме. — Это недостойно учителя — употреблять такие слова в речи!

Занимались и столовались мы в здании Минского педколлежа. Кормили тут, кстати, довольно прилично, но столов выделили ограниченное количество — ровно по количеству курсистов. Поэтому мне волей-неволей пришлось к кому-то подсаживаться, и на сей раз это оказалась целая компания дамочек постбальзаковского возраста из Гомельской губернии, из самых разных городов. И эта землячка — в розовом костюмчике, интеллигентно сёрбая щавлевым борщом, вдруг решила мне предъявить претензию по поводу культуры речи.

Если честно — я заметно напрягся. Иногда у меня проскакивали экспрессивные выражения, не без того. Но в матерщину я, кажется, не скатывался, особенно — публично. И что это я тут такое допустил, что мне прямо должно было быть стыдно?

— При коллегах, как вы могли? — она покончила с щавлевым борщом и взялась за печеночную котлету. Кусок щавля при этом прилип к ее переднему зубу, как раз рядом со следом от губной помады. — Вы сказали… Фигня!

— А! — у меня от сердца отлегло. — Так это ж фигня!

Она даже отодвинулась от меня, царапая ножками табуретки паркетный пол. А потом возмущенным взглядом окинула пытающихся пообедать коллег, как будто ища у них поддержки:

— Учитель не должен употреблять в речи жаргонизмы и сленг! — отчеканила она. — Это недопустимо!

Коллеги, по всей видимости, хотели уже доесть и сбежать

поскорее от этой вздорной женщины.

— ДАВАЙ УДАРИМ ЕЕ ГОЛОВОЙ О СТОЛ? — предложил дракон.

— Вас как зовут? — спросил я. — Меня — Георгий Серафимович Пепеляев.

— Элла Марковна, — строго посмоотрела на меня Элла Марковна.

— Элла Марковна, я думаю, что говорить «фигня» — в редких случаях допустимо. И курить «Капитан Блэк» за углом — тоже иногда допустимо. И целоваться с… скажем, с коллегой за углом, между сигаретами — тоже в общем-то допустимо. Если бы у коллеги не было кольца на пальце, и у вас — тоже. Вряд ли замдиректора Воложинской гимназии и учительница истории из Добруша состоят в гостевом браке, верно? Или я ошибаюсь, и это любовь на расстоянии?

— Да как вы смеете!!! — взвилась она. — Да что вы себе позволяете?!

— Фигня все это, — сказал я, собрал тарелки на поднос и пошел к мойке. — Приятного всем аппетита. А щавель с зуба — уберите, неэстетично.

— ЛУЧШЕ БЫ ВСЕ-ТАКИ ОБ СТОЛ, — вздохнул дракон. — ЭФФЕКТ ТОТ ЖЕ, НО ГОРАЗДО В БОЛЕЕ СЖАТЫЕ СРОКИ.

— Бить сорокалетних дамочек головой о стол — точно недопустимо, — покачал головой я. — Тем более — учителей. Ей потом с этим лицом работать, однако. Да и вообще — что-то мы с тобой развоевались. Мало тебе четырех спаленных замков? Теперь человеческие жертвы подавай?

— ПОКЛЕП! ЗАМКОВ БЫЛО ТРИ, БРАСЛАВСКИЙ САПЕГА САМ ПОДЖЕГ! — у меня запершило, запекло в груди, и невыносимо зачесалась спина, так что огромного усилия воли стоило сдержаться.

— Тихо, тихо… — я вышел в коридор из столовой и оперся о стену. — Тихо…

— Вам плохо? — пробегающие мимо студентки педколледжа остановились на секунду. — Может, вас в медпункт отвести? Скорую вызвать?

— Всё фигня, девочки. Большое спасибо! — махнул рукой я.

Меня постепенно отпускало, дракон притих.

— Да? Ну, если фигня… — и убежали дальше.

И, что характерно, нормальные из них вырастут учителя. Лучше, чем из этой розовой инфузории.

* * *

Психолог всех реально загипнотизировала. У нее было красивое породистое лицо, как у аристократки из английских фильмов, волнистые каштановые волосы, ниспадающие на плечи и ясные голубые глаза. А еще — уверенные и вместе с тем раскованные жесты. Серьги, бусы на шее и колечки на пальцах гармонировали друг с другом и поблескивали в свете мигающих ламп.

— Уретральный тип — это всегда экстраверт, — вещала она. — Его мышление направлено в будущее! Его цель — продолжение существования рода человеческого долгие, долгие поколения.Уретральник — прирожденный лидер, вождь. Такой самец обеспечивает движение в будущее всей стаи: он отвечает за расширение ареала обитания и появление новой жизни. Вы знаете этих ребят — они неформальные лидеры, шебутные, веселые, бесконечно обаятельне и совершенно безбашенные…

Она уже рассказала про большую часть этих самых векторов, пройдясь и по анальным и по оральным людям, не говоря о визуалах, аудиалах и прочих кожниках и мышечниках. Я покосился на Эллу Марковну — от слова «безбашенные» ее должно было стошнить, несмотря на то, что перед нами выступала целый доктор наук. Но нет — она сидела как завороженная, и все остальные — тоже. И все эти заковыристые слова, о которые невозможно не спотыкаться, их не смущали — это тех, кто буквально утром вел себя как тринадцатилетние подростки! Пялились коллеги на психологицу с невероятным восторгом. Нет, ладно — мужики понятно. Женщина все-таки была шикарная. Но дамочки? С чего бы это они, м?

— МЕНТАЛИСТ-ПУСТОЦВЕТ, — подсказал дракон. — ПОСМОТРИ НА НЕЕ МОИМИ ГЛАЗАМИ, СРАЗУ УВИДИШЬ!

Я моргнул — и тут же мир изменился. Люди стали сгустками тепла, все вокруг пронизали эфирные потоки, а от женщины у доски теперь исходило что-то вроде светящегося серебристого тумана, клубы которого расползались по всей аудитории. Судя по всему — это была ее естественная, интуитивная магия, она пользовала ее постоянно, как пассивный эффект!

— ЗАКАНЧИВАЙ. ИСПОЛЬЗУЯ ТАКИЕ ШТУКИ — ТЫ СТАНОВИШЬСЯ УЯЗВИМЫМ, ЗАБЫЛ?

Клубы тумана уже подбирались к моему носу, так что я мигом закрыл глаза, и вдруг громко чихнул.

— Будьте здоровы! — сверкнула на меня взглядом психолог. — На чем я остановилась?

— На безбашенных, — улыбнулся я.

— Точно! — она очень изящно щелкнула пальцами. — При этом такая безбашенность сочетается со стихийным альтруизмом.

«Твое — это твое, и мое — это тоже твое». Ничего своего. Полный коллективизм! «Моя жизнь — ничто, жизнь стаи — все!» Уретральный школьник будет великолепно учиться по интересным предметам, отлично отвечать по темам, которые затронули его интересы. В остальном — он будет забивать и не делать абсолютно ничего! Идти на то, что он не хочет делать, уретральник способен только ради какого-то более высокого приоритета…

Отвлекшись на секунду на мой чих, педагоги-бандерлоги снова замерли, загипнотизированные этой женской ипостасью удава Каа. Нагайна? Или как там звали ту кобру? Вот кого она мне напоминала! Похоже, психолог и доктор наук чувствовала, что надо мной нет ее власти, и потому постоянно сбивалась, когда встречалась со мной взглядом. Наконец, она прищурилась и спросила:

— У вас есть какая-то ремарка? Хотите что-то уточнить?

— Абсолютно верно! — кивнул я. — Классификация — это хорошо. Анальники, уретральники, оральники и прочие… Как это поможет нам в работе? Можно парочку практических советов? Ну, вот классифицировали мы ребят в классе… Что дальше-то? Как мы можем с этим работать в условиях самой обычной земской школы, классно-урочной системы, нагрузки по две ставки, том объеме бумаг, который предполагается заполнять и составлять, и так далее и так далее?

— Резонный вопрос! — кивнула она. — Пожалуй, для классных руководителей у меня есть совет! Такого ребенка нужно воспитывать, делая упор на его чувство ответственности и справедливости. «Никто, кроме нас!» «Если не я, то кто?» — вот что может сработать! Важно не ограничивать его и не требовать послушания, попытка установления деспотии приведет к тому, что ребенок-уретральник взбунтуется и просто убежит, чувствуя себя супергероем, который сражается с мировым злом! Ощущение того, что мир враждебен и люди — сволочи, зафиксируется, и тогда в будущем уретральник создаст свою стаю в противовес миру, он будет с ним воевать. Со всеми нами! Очень много уретральников среди черных уруков, значительное число — среди людей, почти их нет среди гномов, снага и гоблинов…

Пожалуй, одного такого из снага я знал — это был Вождь. Но вслух я этого не сказал.

Системно-векторная психология оказалась занятной игрушкой для ума, теперь можно было примерять эту терминологию на всякого встречного-поперечного, но в конце концов — это всего лишь еще одна система классификации из многих, вот и всё. Мы вернемся домой, в свою провинцию, в свои

школы, встанем у доски и… Уретральный, анальный или еще какой конгениальный — все будут ходит на уроки, делать домашку и заполнять дневник. И сидеть за партами по двое, и вставать, приветствуя учителя.

Это школа, однако. Всё будет чудовищно и однообразно. Или нет?

* * *

Глава 7
Культурная программа

Мы стояли на ступенях Большого театра оперы и балета и ждали своих спутниц. Мы — это я и двое Машевских. Они — разодетые как настоящие щеголи, я — в сапеговской лисьей дохе и с тростью, выглядел тоже ничего. Морозец в три щадящих градуса скорее бодрил, чем кусался, вместе с дыханием из легких вырывались облачка пара. Броник травил бородатые кхазадские анекдоты, мы с Мечиком — ржали.

Жены моих дядьев должны были вот-вот прибыть на такси, прямо из салона красоты. Яся тоже обещала приехать: мы дико соскучились друг по другу, так что она решила сорваться из Мозыря и провести вечер вместе. Благо — расписание позволяло ей уехать из Минска завтра утром. Да и с родственничками моими познакомиться была не против. Все-таки не круглый же я сирота получаюсь! Да, наверное, со стороны это выглядело не очень: это мужчина должен нестись к девушке на все парах, но… Не в этом случае. Вишневецкая обожала дорогу, обожала скорость и гоняла как сумасшедшая, так что два или три часа за рулем и расстояние в триста пятьдесят километров для нее были скорее психологической разгрузкой и удовольствием.

В Театральном сквере горели фонари, беломраморная псевдоантичная громада минской Оперы нависала над нами, создавая впечатление торжественности и сакральности происходящего. На крыльце во фраках и вечерних платьях, явно под защитой амулетов от мороза, играл струнный квартет, на ступенях стояли бронзовые жаровни-факелы, полыхающие магическим огнем. Шикарная публика — в основном дворяне из юридики, опричные чины и богачи из земской части Минска — поднимались по ступеням. Разнаряженные в пух и прах мужчины и женщины явно пришли сюда не только насладиться творением Чайковского (ставили «Щелкунчик»), но и, как говорится, на людей посмотреть и себя показать! Все-таки балет — мероприятие великосветское. Посещая его, дамы и господа как бы заявляют о своем статусе — мол, вон я какой, культурный. Мог бы борщ в «Васильках» наяривать с чесночными пампушками, ан нет — решил повысить уровень этики и эстетики внутри себя.

Нет, никаких разграничений по сословиям в плане распределения билетов не имелось — территория опричная, тут есть только два типа живых душ: Государь и его верноподданные. По сравнению с этим разделением все остальные выглядели

мелко. Дифференциация предполагалась только по платежеспособности. Меняйте деньги на билеты и садитесь где хотите! Так что разглядывать публику было очень любопытно: слишком разные тут попадались персонажи.

Важно шествовал кхазадский воротила с золотыми перстнями, золотой цепью, золотыми зубами и золотыми пуговицами на традиционном черном сюртуке и с золотой же пряжкой на широкополой шляпе. Его супруга — в огромной юбке и корсете, с монисто из золотых денег на шее — тоже смотрелась весьма презентабельно, брошь на ее то ли платке, то ли тюрбане так и сверкала! Дефилировали изящный красавчик-эльф в бежевом пальто под ручку с парой эльфийских же барышень в бежевых тренчах и на высоченных каблуках. Вышагивали паны в жупанах, бизнесмены в костюмах, богема в нарядах всех форм, расцветок и размеров…

— Так что насчет проекта? Посмотрел? — поинтересовался Броник, закончив с анекдотами. — Работаем?

— Посмотрел, — кивнул я. — Заманчиво. Если добавить пункт о тест-драйве системы для пациентов и второй — о посредничестве в получении магомедицинских услуг при наличии необходимой суммы — однако, очень хороший и социально значимый объект получится. В общем — я за. Один вопрос…

— Та-а-ак? — напряглись Машевские.

— Если это так круто и выгодно — то почему все этим не занимаются? Дефицит же такого рода услуг, вон — на рабочие мозги страшный спрос, если судить по выкладкам из распечаток! — я буравил этих двоих взглядом. — Почему любой из кланов не построит себе такое заведение и не стрижет деньгу? Ресурсов у тех же Радзивиллов и Сапег явно поболее нашего!

В этот момент подъехал лимузин-такси, и из него выпорхнули две вполне себе привлекательные дамы: сексапильная длинноногая кудрявая блондинка в приталенной дубленочке и жгучая миниатюрная брюнетка — очень симпатичная и аккуратненькая. Я мигом понял, кто чья. Блондинка кинулась целовать Мечика — чуть ли не взасос, брюнетка — подала руку для поцелуя Бронику. Однако, нормальные супружницы у моих дядьев! Явно лет на десять-пятнадцать моложе мужей! Ну и Машевские, а?

— Это — Георгий Пепеляев-Горинович, наш племянник, рыцарь и вообще — хороший человек! — отрекомендовал меня Мечик.

— Ярослава! — сделала книксен блондинка.

— Мирослава, — улыбнулась брюнетка.

Я едва не рассмеялся и попытался сдержаться — неловко же! Но эти четверо захохотали в унисон:

— Да, да! Бронислав и Мирослава, Мечислав и Ярослава! Комедия, а? Подобрались! А где твоя невеста? Обещала же быть!

Визг шин по проспекту и басовитое гудение электромотора не услышать было невозможно. Синий спорткар вырвался из потока машин, сделал свирепый разворот через двойную сплошную, крутанулся на месте — и спокойно, идеально, с хореографической грацией втиснулся на парковку между лимузином и танкоподобным внедорожником.

— А вот и моя лягушонка в коробчонке едет! — обрадовался я. — Побегу встречать. Но — мне нужен ответ на вопрос, господа…

— Вопрос? Мечик, какой вопрос? — захлопала глазами блондинка

— Спокойно, Яра… Это наши дела, — Мечислав прищурился и коротко сказал: — Вся соль в допуске. Как думаешь — всем его дадут? Радзивиллам? Сапегам?

— Однако! — признал резонность такого ответа я и зашагал к электрокару.

Вишневецкая не выходила — меня ждала. Сквозь тонировку стекла я девушку не видел, но знал точно: все будет очень провокационно и сногсшибательно! И когда открыл водительскую дверцу и подал ей руку, не сдержал восхищенной улыбки: Ядвига оправдала все мои самые смелые ожидания.

Сначала появилась точеная ножка, потом — на мою ладонь легла ручка с фамильным перстнем, потом — вся княжна. В небесной синевы платье с интригующим разрезом сбоку, в белой песцовой шубке, со сложной прической… Сапфиры в диадеме, ожерелье и серьгах сверкали разве что самую капельку менее ярко, чем ее глаза.

— Геор-р-ргий, — сказала Ядвига, грациозным движением покидая машину. — Добрый вечер!

Я, честно говоря, слегка растерялся: мне хотелось прижать ее к себе и целовать, пока хватит дыхания, но… Она ведь вот такая! Панночка! Яся меж тем сама прильнула ко мне и легко, игриво поцеловала, едва коснувшись губами, обозначая таким образом наши весьма близкие отношения окружающим и не переходя явно рамок приличия.

— Мы с тобой — два придурка, чес-слово, — сказала она, воспользовавшись моим локтем для опоры, и мы зашагали по направлению к крыльцу Большого театра. — Я — княжна и могу устраивать такие выходы чуть ли не каждый день, могу блистать в светском обществе и транжирить деньги направо и налево, но

живу в захолустном сервитуте с сумасшедшим дедом и преподаю в колледже. Ты — аристократ и нулевка, мог бы грести миллионы за свои услуги, а еще — сам знаешь кто, но сидишь в Вышемире и учительствуешь, и дерешься с ветряными мельницами. Идиоты?

— Идиоты! — охотно признал я. — Это большая удача, что мы друг у друга нашлись. Надо держаться вместе, иначе — пропадем. Пойдем, с Машевскими тебя познакомлю — они тоже там подобрались один к одному… Представлю — не поверишь!

И мы пошли. Стоит признать — Сапега мне сделал отличный подарок с этой дохой, я в ней тоже смотрелся барином, да и тросточка с перстнем расставляли нужные акценты. Так что ни у кого не возникало вопросов, почему эта королевна идет с рыжим бородачом явно полесской исконно-посконной наружности. И это было хорошо, потому что если бы вопросы возникли — может, и не сдержался бы, и откусил бы кому-нибудь голову, кто знает?

— ЯСЯ — ЭТО У ТЕБЯ ПУНКТИК, — заметил дракон. — ПОЧТИ КАК ДЕТИ. ТОЛЬКО НЕ ТАК И ПО-ДРУГОМУ.

Сложно было с ним не согласиться.

* * *

Оказывается, я не люблю балет. Никогда бы не подумал. Я всегда считал себя интеллигентом, с удовольствием слушал классическую музыку, в том числе — Чайковского. В детстве мне читали сказку Эрнста Теодора Амадея Гофмана, показывали впечатляющие иллюстрации — и я действительно переживал за приключения Мари и мужественного антропоморфного орехокола, но… Но балета никогда не видел. Настоящего, классического, а не его современных адаптаций.

Ну, вот такая вот тяжелая судьба у провинциального интеллигента. Картины, в конце концов, можно посмотреть в репродукциях, музыку послушать в записях, но балет-то по телевизору только большой любитель смотреть будет, или — просто человек малахольный. Так что первое мое знакомство с высоким хореографическим искусством случилось именно в этот момент.

Мы сидели в партере, все вшестером, и поначалу я в основном смотрел на ясину ножку, которая до крайности привлекательно выглядывала из разреза платья. Все-таки она была волшебница, так что вполне могла не бояться мороза и позволить себе под платьем только кружевное белье. Эта мысль сводила меня с ума, если честно. Так что даже музыка Чайковского отходила на второй план, хотя и добавляла

романтичности моменту.

— Ты чего? — девушка явно почувствовала мои взгляды, так что повернулась ко мне.

Глазки у нее так и блестели. Я наклонился к ушку Вишневецкой и прошептал:

— Ты очень, очень…

В этот момент дирижер в оркестровой яме тряхнул своей вихрастой седой головой и на сцену выскочил какой-то мужик в подштанниках и принялся выделывать ногами всякие кренделя. Кроме подштанников на нем был одет ментик типа гусарского, на голове — парик с буклями и косой, физиономия — вымазана белилами и нарумянена… В общем выглядел он весьма специфически. Явно не так, как должен выглядеть почтенный кукольных дел мастер и вроде как волшебник Дроссельмейер. Если бы такой тип оказался на рождественской елке и попытался подарить детям в школе какие-нибудь подарки — я б его ссаными тряпками гнал из школы до самого дурдома. К главврачу Завальне как раз, в гости.

А этот скакал по сцене как положено, потом там еще целая компания таких же, в подштанниках, появилась, они из себя изображали то ли гостей, то ли оловянных солдатиков… Нет, девочки, конечно, были изящные, грациозные — но что мешает надеть на девочек нарядные симпатичные платьица? Зачем эти удивительные колготки? Чтобы что?

После того, как на сцену выскочил тип в красном трико и стал делать вид, что он — Щелкунчик, я окончательно понял, что мне с балетом не по пути. Это ведь не Щелкунчик, это натуральный Нуткракер! Я не знал, смеяться мне или плакать, но совершенно точно было понятно — полтора часа я усидеть тут не смогу.

— Ты чего? — совершенно другим тоном спросила меня Ядвига. — Чего ты ёрзаешь?

— У них странные подштанники, — тихонько пояснил я. — Просто дьявольские. Посмотри — у того мужика все хозяйство наружу, просвечивает! Почему не надеть нормальные штаны?

— Пепеляев! — шикнула на меня она. — Ты же культурный человек! Веди себя прилично!

А потом софиты снова оказались направлены на того мужика, и они светили очень ярко, а подштанники были очень тонкими, так что Вишневецкая сказала:

— О, Господи! — и спрятала лицо в ладонях и зафыркала.

— Видишь? Видишь?! — зашептал я. — Это действительно дьявольские подштанники! Это издевательство над артистами! Большой театр не имеет штанов для танцоров? Интересно, у них

есть благотворительный счет? Может, им немного скинуть денег, пусть купят?

На нас уже оборачивались, и Машевские тоже поглядывали с явным интересом. Ядвига сидела вся разрумянившаяся и обмахивала себя руками, и я начал понимать, зачем дамы раньше всегда таскали с собой вееры. На сцене события развивались драматично, там творился ад и жупел, и все страдали, драматизировали и выделывали ногами всякие штуки, и мыши были похожи на чертей, а мышиный король — на адского сатану. Стоит отметить — физическая подготовка у артистов была что надо, с координацией движений тоже все в порядке, они вообще плясали в целом здорово, просто эти подштанники и колготки здорово сбивали меня с толку.

Но музыка, конечно, звучала божественная, так что в самые свирепые моменты представления я просто закрывал глаза и слушал, а еще — трогал Ясю за коленку. И это было хорошо. Дождавшись антракта, я, конечно же, заторопился в буфет и потащил с собой девушку.

— Ты негодяй, Пепеляев, чес-слово! — заявила она, когда я взял бутылку шампанского, тарталетки с кетовой икрой и бутерброды с осетриной и расположил нас за стоячим столиком, подальше от стойки. — Негодяй по двум причинам. Даже по трем. Излагать? Но сначала — шампанское!

Мне вообще-то нравилось, что она решила все-таки выпить игристого. Потому что это могло значить только одно — каким бы я ни был негодяем, в Мозырь обратно она сегодня не поедет. Так что мы пригубили шампанского… То есть — это я пригубил, а она — выпила сразу весь бокал и мигом потребовала еще, а потом заявила:

— Итак, пункт первый: из-за тебя я весь первый акт пялилась на причиндалы того мужика!

— И что? Взвешен, измерен и признан мелким? — не удержался я.

— Пф-ф-ф! — она снова замахала руками, а потом взяла тарталетку с икрой и мигом отправила ее в рот.

Однако, как у нее все получается делать так красиво? Ну, ест человек, ну, что тут такого? Но я ею любовался! И она это прекрасно знала, так что состроила на меня страшные глаза, и протянула бокал — мы чокнулись, хрусталь издал мелодичный звон, и новая порция шампанского была девушкой моментально приговорена.

— Да ты пьющая! — притворно удивился я.

— Но-но! — погрозила Вишневецкая мне пальцем. — Не переводи стрелки. Итак — первая причина твоей негодяйскости

— это причиндалы мужика…

— Причиндалы его, а негодяй — я! — мне даже не пришлось изображать возмущение. — Это несправедливо!

— Пепеляев! Не спорь! Потому что есть второй и третий пункты!

— Слушаю внимательно, — ухмыльнулся я, цепляя бутерброд с осетриной.

— Тебя украл Сапега, ты спалил его замок, а потом — еще замки Ольшанских, Олельковичей и Пацов! — бровки девушки были нахмурены. — Что это за дела? Что это за поведение такое, чес-слово? Это попросту неуважение и настоящее предательство с твоей стороны…

— Яся, но… — честно говоря, я ожидал что кто-кто, но Вишневецкая меня поймет, и такой ее пассаж стал для меня полнейшей неожиданностью.

— … жечь замки без меня! — торжествующе закончила она. — Как ты посмел, Пепеляев? Ты почему не взял меня с собой? Мы бы на пару сожгли их, а потом устроили бы наводнение и снова сожгли! Представь, какой дурдом бы начался?

— Яа-а-ася! — я заулыбался. — Один-ноль в твою пользу! Я поверил, честно поверил!

— Иди, поцелую, а потом продолжу ругать! — глазки ее снова блестели.

Честное слово, я сам себе завидовал. За каким бесом я ей сдался-то, такой прекрасной и замечательной? Конечно, мы поцеловались, дурак я, что ли, отказываться?

— Итак, ругаю! — заявила она. — У тебя — крылья, и ты меня не катаешь! Негодяй, мерзавец!

— А… — я открыл рот да так и замер.

— УА-ХА-ХА! — заржал дракон. — ДЕВЧОНКИ ЛЮБЯТ КРЫЛАТЫХ! А? А ТЫ ВСЕ СТЕСНЯЕШЬСЯ! ПОВЕРЬ МНЕ, ЕСЛИ ТЫ ОБРАТИШЬСЯ В ИСТИННУЮ ИПОСТАСЬ, И ОНА СЯДЕТ ТЕБЕ НА СПИНУ, ОБХВАТИТ ШЕЮ НОЖКАМИ, ВОЗЬМЕТСЯ ЗА ГРЕБЕНЬ — И ВЫ ВЗМОЕТЕ В НЕБО… НИКАКИЕ ПРИНЦЫ ЕЙ К БЕСАМ НЕ БУДУТ НУЖНЫ! ПРИНЦЕССЫ И КНЯЖНЫ ОБОЖАЮТ ДРАКОНОВ! А ВИШНЕВЕЦКАЯ ОБОЖАЕТ СКОРОСТЬ И ДРАЙВ, ВОТ И ПРЕДСТАВЬ — ОНА БУДЕТ ОТ ТЕБЯ ПРОСТО БЕЗ УМА!

— Ты думал, я не узнаю? Да я сразу поняла, что это ты, когда поползли слухи про демона в мехах, пышущего огнем! А когда эту твою шубу увидала — подозрения подтвердились! Кто-то летает по всему Великому Княжеству и крушит все кругом без меня! Всё, так и знай — после балета мы летаем над Минском! Ага?

— Ага! — закивал я и влил в себя фужер шампанского, хотя, наверное, лучше подошла бы водка. — Но это не шуба. Это доха.

* * *

Мы летали над ночным заснеженным Минском в морозном звездном небе, любовались на гигантский кристалл Великокняжеской Библиотеки, фаянсовый собор Всех Святых, незамерзающий каскад озер на Свислочи, небоскребы опричной части города, старинные дворцы и особняки юридики Гуттен-Чапских, желтые окна панельных многоэтажек и цветную иллюминацию земщины.

Девушку я держал на руках,она обхватила мою шею, прижалась ко мне, сердце у нее стучало часто-часто, дыхание было прерывистым.

— Это просто невероятно, — сказала Вишневецкая. — Это какой-то ужас. Ужас как классно!

Крылья в два мощных взмаха подняли нас еще выше — под нами пролетели бдительные беспилотники.

— И что — тебе не страшно? — на самом деле я имел в виду свой жуткий облик.

Если честно — я был похож на тварь прямо из пекла. Чешуя покрывала лицо, тело, руки и ноги, мышцы увеличились, как у адского Халка, ногти превратились в когти, глаза горели адским пламенем… Так выглядела стадия имаго самого распоследнего уровня — условно-антропоморфный облик на максималках. Следующая ступень перерождения — натуральный дракон! От меня-человека остались только черты лица, рыжие борода и шевелюра и общая конфигурация частей тела. Мне в зеркало на себя смотреть страшновато было, а она вот — обнимается!

— Большой, сильный, теплый, летающий… — промурлыкала Яся, почувствовав суть моего вопроса. — Мой! Я же знаю, какой ты внутри! А то, что ты и такой, и сякой, и разный — это, наоборот, хорошо! Ты же не боишься, что я — магичка? Вот! И не дури голову! А ты можешь быстро-быстро? Какая максимальная скорость?

— Э-э-э… Ну, от Браслава до Лиды я часов за пять долетел, это значит семьдесят-восемьдесят километров в час могу точно, — задумался я.

— Давай, давай! Погнали! — она прижалась крепче.

— Погнали! — ухмыльнулся я и сложил крылья, обнимая ими Вишневецкую, и мы сорвались в крутое пике, несясь к тверди земной с безумной скоростью.

— Уи-и-и-и!!! — запищала Яся, когда у самой поверхности речной воды падение завершилось распахнутыми крыльями, ударом морозного воздуха и холодными брызгами.

Мы неслись над лентой Свислочи, пугая редких одиноких

прохожих, ныряя под арки мостов, петляя меж фонарями набережной,стряхивая иней с деревьев и отражаясь в водной глади. И были самыми счастливыми в мире!

* * *

Глава 8
Экстракция

Нам вручили сертификаты о прохождении курсов «Интерактивные методы обучения в современной средней школе», отдали командировочные листы с печатями, попросили заполнить анкеты в стиле " Что было полезным, было бесполезным, было вредным на курсах" — и отпустили по домам. Думаю, анкеты эти отправились в коробку для макулатуры чрезвычайно быстро.

Интерактивные методы обучения — вот что мы тут изучали, оказывается! А я-то голову ломал, как им удастся формально объединить под одной обложкой уретру, игровые элементы на уроке, опыт работы учителя истории в кадетском училище, вопросы адаптации детей с синдромом дефицита внимания и пару лекций по изменениям в земском кодексе об образовании… Нет, положа руку на сердце, кое-что полезное я с этих курсов увозил. И нет, это не только доха!

Как всегда, основная часть обмена опытом и повышения своего педагогического уровня происходила, скажем так, в кулуарах — за обедом в столовой (не все же время я сидел с той теткой, которая бледнела от слова «фигня»), на перерывах, по пути в учебные заведения, где нам демонстрировали открытые уроки. Педагоги разговаривали, общались, накидывали какие-то кусочки из своего личного рабочего опыта, рассказывали о проблемах с родителями, учениками и начальством и предлагали свои варианты решения этих проблем. И это казалось куда как полезнее лекций про уретру и СДВГ — новом фетише чиновников от образования.

Иногда мне думалось, что стоило просто собирать преподов в комнате с кофейным автоматом и закусками и запирать их там на пару часов. Ведь настоящие училки обоих полов, те, что не уволились в первые два-три года — свернутые наглухо. Мы кроме школы мало о чем можем разговаривать. Вот это был бы действительно полезный семинар, однако!

Так или иначе — я шел на вокзал пешком по зимним минским улицам в компании ещё пятерых педагогов из Гомельской губернии и думал о том, что зря, наверное, не решился ехать на курсы в столицу на «Урсе». Потому что отправлять доху доставкой на отделение почты — это, конечно, было очень волнительно. А ну, как испортится? В любом случае, в лисьей дохе представить себя даже в скоростном комфортном

«Шиндлере», который курировал между всеми регионам Великого Княжества, было сложно. Не говоря уже об обычной электричке или там — плацкартном вагоне. Не ездили аристократы в поездах, моветон! Так что отправился Сапегин подарок в Вышемир курьерской службой… А цивильный костюм и тросточку в чехле я в рюкзак упаковал, большой, армейский. Он довольно гармонично смотрелся вместе с гораздо более комфортной «оливой» и типично-хемингуэевским свитером с горлом.

Шагать в таком виде что по Минску, что по Вышемиру, что по Хтони — сплошное удовольствие. Удобно, тепло, неброско — дембельнувшихся нынче в стране полно, куча молодых мужиков форму донашивает. И никаких вопросов — аристократ, дегенерат, педагог или демагог. «Олива»- великий уравнитель!

А свитер связала баба Тома, и он мне пришёлся весьма по душе. Знаете, бывают такие редкие предметы гардероба: наденешь — и как будто на диване валяешься, и плевать, что на улице минус двадцать! Самая поубитая куртка, какие-нибудь столетние боты, шарф родом из детства… Шапка дедова, сапоги кирзовые, батины! Вот и свитер это такой был, удачный. В нем можно было себя представлять одновременно дорогим нашим Эрнестом, геологом, полярником и Данилой Багровым.

Так что я наслаждался жизнью, вертел головой, разглядывая симпатичные столичные здания, витрины, людей вокруг и всякие прочие диковинки, и думал о том, что перед многочасовой поездкой в Гомель следует перекусить как следует.

— Пойду кофе возьму, — сказал я, когда мы прошли «Ворота Минска».

— Билет на тебя купить? — уточнил коллега-историк из Рогачевского уезда.

— Я сам, сам. Спасибо! Догоню! — кофе пахло довольно прилично, к ароматам арабики добавлялись явные нотки жареного мяса, так что я остановился, принюхиваясь и присматриваясь.

Улица Университетская, на которой и стояли знаменитые минские башни-близнецы, в нашем мире — детище сталинского ампира, в этом — ампира самого что ни на есть классического, была наполовину земской, наполовину — опричной. Это здорово сбивало с толку: на нашей стороне дворники в оранжевых жилетах подметали окурки с тротуарной плитки и мочился на остановочный павильон шелудивый кабыздох, на той стороне вместо тротуара был установлен траволатор — то бишь, тротуар шевелился и ехал! А вместо кабыздоха имелся робот-курьер, похожий на R2D2, который пер куда-то целый табель ланчбоксов.

И, конечно, кофе пах с той стороны. Есть хотелось

неимоверно — драконовские трансформации требуют массу энергии и питательных веществ, уже два дня прошло после полетов на городом в компании одной сумасшедшей княжны, а я закидываю в себя высококалорийную белковую пищу огромными порциями как в бездонную бочку, по восемь раз за сутки, и все равно — постоянно голод чувствую!

Так что тянуло меня в сторону ароматов готовящейся еды страшно. Можно сказать даже — непреодолимо. Но — один раз я уже необдуманно пересек дорогу и потом очутился у Сапеги в тюрьме… А с другой стороны: хорошо же все получилось? Ну, что могло случиться со мной в опричнине? Там ведь шик, блеск, красота! Царство молодцеватых государевых людей в мундирах, всяких задумчивых айтишников, молодых-перспективных научных сотрудников и красивых девушек. Ну, и высоких технологий, куда без этого!

Формальных запретов для посещения опричнины аристократами или земскими обывателями не существовало. Точно так же, как опричный люд в земщину заглядывал. Заходи — не бойся, уходи — не плачь. Главное — соблюдай законы. Знаешь ты их или нет — никого не интересовало. Соблюдать придется! Типичный пример: магия в земщине равно кол в задницу. Непочтение к семье владетелей в юридике — от удара в зубы до смертной казни, на усмотрение владетеля. Что такое есть непочтение и где его границы — тоже на их усмотрение.

Интересно, а психологушке с ее перманентно активной ментальной магией массового гипноза полагался кол в задницу или нет? А мне, за полеты над Минском?

— ИДИОТ! — сказал дракон. — ПОЛЕТЫ — ЭТО ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЕСТЕСТВЕННЫХ СПОСОБНОСТЕЙ ОРГАНИЗМА, А НИКАКАЯ НЕ МАГИЯ! ЕСЛИ ЧЕРНЫЙ УРУК СТАНЕТ СТАТУИ БРОНЗОВЫЕ ИЗ ПАРКА В ПАРК ПЕРЕТАСКИВАТЬ — ЕМУ РАЗВЕ ЗАГОНЯТ КОЛ В ЖОПУ? НЕТ! ЭТО ХУЛИГАНСТВО! В ЗЕМЩИНЕ ЗА ТАКОЕ — ШТРАФ, У ГУТТЕН-ЧАПСКИХ В ЮРИДИКЕ — ДВАДЦАТЬ ПЛЕТЕЙ. САМ ЖЕ ЧИТАЛ СЕМНАДЦАТЬ ДНЕЙ НАЗАД, В ТОЙ СИНЕЙ КНИЖЕЧКЕ!

— У меня прямого доступа к каждому закоулку памяти нет, в отличие от всяких ошибок подсознания! — огрызнулся я. — Держал бы в уме все, что прочел — свихнулся бы напрочь! Я и так сам бы вспомнил, но чуть-чуть попозже…

— ДА-А-А, ДА, ДА… ИДИОТ! НЕЛЬЗЯ ТЕБЕ ОТ МЕНЯ С ГОШЕЙ ИЗБАВЛЯТЬСЯ, ТЫ БЕЗ НАС УЖАС КАКОЙ ЗАТУПОК!

Я так и представлял себе его ехидную зеленую рожу с глумливыми горящими янтарными глазами и вечной собачьей ухмылкой. Наказание Господне, а не дракон! Язва!

— САМ ТАКОЙ! — обрадовался он. — КТО КАК ОБЗЫВАЕТСЯ, ТОТ ТАК И НАЗЫВАЕТСЯ! И ВООБЩЕ — ЗЕЛЕНЫЙ СВЕТ НА ПЕРЕХОДЕ! ЗА МЯСОМ, Р-Р-РЫСЬЮ, МАРШ-МА-А-АРШ!

Я рванул по пешеходному переходу в опричнину и сразу потерял равновесие, едва не ляпнувшись на пятую точку, по-дурацки замахал руками, пытаясь удержаться на траволаторе. Движущийся тротуар, что за извращение! Я мигом с него соскочил — и снова едва не ляпнулся, ибо перепрыгнул на точно такую же ленту, которая ползла в противоположном направлении!

— Ыть, ать, чтоб меня! — стараясь не материться в голос, я наконец шагнул на твердую землю и увидел компанию из четырех девушек, проезжающих мимо на ленте транспортера, которые хихикали явно над моей неуклюжестью.

— Мое почтение, мы сами с Полесья, лаптем щи хлебаем, шубу в трусы заправляем, — бормоча под нос отсалютовал им я.

Девчата были пригожие, только искусственные. В опричнине почти нет некрасивых и старых женщин — косметология тут на высшем уровне, входит в пакет социального страхования для женщин. За фигурой и здоровьем тоже следят почти все — это уже обязанность перед нанимателем со стороны работника. Так что сколько лет этим девчатам в одинаковых фиолетовых комбезах унисекс, сказать было сложно. Может — по двадцать два. Может — по пятьдесят два, не угадаешь. Но фигурки что надо, да и одежда эта — чистая провокация. И как им не холодно, зимой-то, в минус шесть? Может, комбезы с подогревом, это ж опричнина…

— МЯСО! — рявкнул дракон, и я мигом вспомнил, зачем здесь.

Девушки — это так, пища для ума. Мне Яси хватает, дурак я, что ли, на каких-то опричных профурсеток ее менять? Она, небось, надо мной не потешается! А вот пища для тела — это было насущной необходимостью.

«KAFE „«PASSIFLORA»“: KOFE, TOSTY, BABAEVSKAYA SHAURMA» — прочитал я над крылечком с прозрачной дверью. Однако! Ордынская национальная кухня идет в массы опричной интеллигенции и служилого люда? Шаурма — это было то, что доктор прописал, так что я мигом взлетел по ступенькам… Фигурально взлетел, не буквально, ножками шевеля, а не крыльями!

— Большой капучино и большую шаурму… Две большие шаурмы! — тут же выпалил я. — Одну с курицей, другую с бараниной, соуса поменьше, овощей — побольше!

И положил на стол несколько монет.

— Нали-и-и-ичкой… — скривился бородатый гедонист за стойкой, но деньги взял.

Почему гедонист? Потому что выражение его молодого лица — с очень ухоженной длинной бородой, идеальной прической и в щегольских очках — явно говорило о том, что он пресыщен был многим и видал в жизни всякое. В основном — в гробу. В том числе — меня.

Да и плевать, пусть хоть рожи корчит, главное, чтобы шаурму хорошо приготовил.

Честно говоря, понять, что у них тут шаурмичная, а не рубка космического корабля, было довольно сложно. Кругом преобладал блестящий металл, неон, обивка из искусственной кожи и какие-то вертикально расположенные цилиндры с водой, подсветкой и пузырьками внутри. На блестящих стульях за блестящими столами восседала блестящая публика: с огромными и очень тонкими планшетами, навороченными ноутбуками или и того страшнее — в VR-очках, с шевелящимися в воздухе руками. Я так понял, что это было что-то вроде коворкинга, по крайней мере, так это выглядело.

Зависнув на одном из барных стульев, тех, которые повыше, я смотрел на то, как хипстер-гедонист колдует над эспрессо-машиной, готовит мне кофе. Шаурму сооружал, кстати, не вечно недовольный бородач, а натуральный эльф, кажется — лаэгрим, смуглый, худощавый и брюнетистый. Оказывается, в опричнине водятся эльфы, так и запишем.

Меня почти разморило в тепле, так что я как-то не обратил внимание, что кафе с поразительной скоростью опустело, а оба — и бородатый барриста, и остроухий шаурмист как-то странно косятся мне за спину.

— Георгий Серафимович? — раздался хорошо поставленный, командирский голос. — Пепеляев-Горинович?

— Именно он, — я крутанулся на стуле и с интересом уставился на импозантного, очень взрослого мужчину в черной элегантной форме.

Седой, смуглый, с красивым мужественным лицом, он явно привык повелевать и распоряжаться. Судя по знакам отличия — командир опричного полка, то есть — целый генерал, если по армейским лекалам. Судя по гербу на фамильном перстне — как минимум светлейший князь, а вот лилия эта мне не была знакома, похожих эмблем довольно много в Государстве Российском…

— Воронцов, Георгий Михайлович, — представился он. — Вам необходимо проследовать за мной.

— Однако, — сказал я, вставая со стула и коротко, одним

кивком головы, обозначая поклон. — Светлейший князь? Польщен, весьма польщен. Чем обязан?

Он дотронулся до своих губ указательным пальцем, явно сдерживая некую необдуманную реплику, потом медленно выдохнул и объяснил:

— Феодор Иоаннович вас приглашает.

Вот так, на архаичный манер, тут звали представителей одной-единственной семьи. Глава которой, Иоанн наш Иоаннович, являлся полновластным хозяином и правителем всего богохранимого нашего отечества. Так что отказать я не мог, даже если бы очень-очень захотел. Я спросил только:

— А шаурму можно забрать? Есть хочется — мочи нет!

— Шаурма — это святое, — вдруг широко улыбнулся светлейший князь. — Я и сам, если честно, не гнушаюсь иногда…

— Знаете что? — обрадовался я. — Я две заказал! Одну с бараниной, другую — с курицей. Две все равно сьесть не успею, может — будете?

— Большой капучино, баранина, курица, — дрожащим голосом произнес бородатый гедонист и выложил мой заказ на поднос. — Прия-а-а-ат-т-т-тного…

— А вот не откажусь! Верите, нет — у меня со вчерашнего вечера маковой росинки во рту не было. Сумасшедший дом какой-то! Я куриную возьму? — спросил Воронцов, а я успокоился.

Не станут меня потрошить, точно. Ну, не делается это так, не бывает такого — чтобы сначала шаурму вместе ели, а потом — в поликлинику сдавали, для опытов. Да и не походил Георгий Михайлович на негодяя, скорее — на Штирлица или там — на Джеймса Бонда в отставке. По приказу и город средних размеров уничтожить может, но в целом — явно человек неплохой!

— На месте поедим, у нас все равно еще полчаса есть, — сообщил мне этот неплохой человек. — Возьмите меня за руку, будем телепортироваться.

— Я нулевка!

— Верите, нет — мне тоньше лезвия, — улыбнулся он и моргнул.

И я моргнул.

А потом мы телепортировались.

* * *

Мои мысли про поликлинику оказались почти пророческими. Пахло озоном и медикаментами, мы сидели на самой обычной

кушетке, которые стоят часто в приемных покоях самых обычных больниц или в кабинетах участковых терапевтов. Вокруг — кафель, какие-то шкафы с банками, склянками и страшного вида инструментами и приборами. И холодно.

Нет, я не мерз, но ощущения были зябкие. Воронцов же являл собой образец безмятежности: он открыл один из шкафов, достал оттуда стеклянную бутыль, открыл крышку, принюхался и радостно скривился.

— Медицинский спирт! Вам, Георгий Серафимович, не предлагаю, ибо трезвый рассудок потребуется… А я с шаурмой — употреблю. Ну, будем! — и совсем не по-княжески отхлебнул из горла.

И закусил шаурмой.

А я — отхлебнул кофе и тоже закусил. Ситуация была престранная! Про царевича Федора ходили слухи самые разные, как и про его братьев. Вроде как Дмитрий Грозный курировал армию, флот и внешнюю политику, Василий — экономику, социальную сферу и образование, то есть политику внутреннюю, а Федор — магию, высокие технологии, спецслужбы, инопланетян, иллюминатов, рептилоидов, масонов и йети. Так что чисто теоретически я относился к его епархии.

— А сколько километров? — уточнил я, прожевав кусок шаурмы.

— Две с половиной тысячи, — пожал плечами Воронцов, с полуслова поняв, что я имею в виду. — Даже чуть больше. Могли бы и вашими крылышками, но долго! Да и я не красна девица — меня тащить неудобно.

Однако, как ловко он все обозначил! Мужик-то запредельно мощный! Схватить нулевку за руку и переместиться вместе с ним куда-то как минимум в район Ирининбурга, к Каменному Поясу, сиречь — к Уральским горам. Он меня в блин, наверное, размазать может.

— НЕ МОЖЕТ, — тут же подал голос дракон. — ТО ЕСТЬ МОЖЕТ — ПОКА ЧТО. НО ПОБОДАТЬСЯ С НИМ ПОЛУЧИТСЯ, БОЛЬШОЙ КРОВЬЮ ЕМУ ЭТО РАЗМАЗЫВАНИЕ В БЛИН ДАСТСЯ. И ВСЕ ЭТО ПОТОМУ, ЧТО ТЫ ПОСТОЯННО НОРОВИШЬ НА ПОЛШИШЕЧКИ ТРАХАТЬСЯ! Я ФИГУРАЛЬНО, ПОНЯТНОЕ ДЕЛО. ОБРАЗНО ВЫРАЖАЯСЬ, БЕЗ ЛИШНЕЙ ПОШЛЯТИНЫ… ГЛЯНУЛ БЫ Я, КАК ОН НАСТОЯЩЕГО ДРАКОНА ТЕЛЕПОРТИРУЕТ! ДАЖЕ ЗА ЛАПКУ БЫ ДАЛ ПОДЕРЖАТЬСЯ!

— Господа, — раздался усталый голос, и шаурма колом стала у меня в горле, но я усилием воли ее проглотил и вскочил с кушетки.

Молодой высокий мужчина, рыжий, как и все Грозные, с

явными фамильными чертами лица и глазами разного цвета, одетый в черную опричную форму и белый медицинский халат, окровавленный до последней крайности, стянул с рук резиновые перчатки и швырнул их в угол, попав сразу двумя в урну. Он был страшен, страшен до чертиков, если честно.

— Георгий Михайлович… — царевич Федор поздоровался со светлейшим князем за руку. — Благодарю за услугу. Если вас не затруднит — задержитесь еще, скажем, минут на сорок. Думаю, все будет в порядке, и мы с Георгием Серафимовичем найдем общий язык и расстанемся в полном взаимопонимании. А если нет — что ж, я угощу вас чем-нибудь поприличнее медицинского спирта, и мы обсудим с вами другие варианты решения назревающего кризиса…

— Я к вашим услугам, ваше высочество, — Воронцов щелкнул каблуками и вышел за дверь.

И шаурму с собой забрал, и спирт.

— Так вот ты какой, новый дракон, — прищурился царевич. — Мы-то думали — Малюта помер лет двести как, ан нет — наследничка дождался. Но, стоит признать, Скуратов-Бельский вовремя подсуетился!

Я ничего не говорил — смотрел на него и помалкивал. Судя по действиям Воронцова, тот факт, что я являюсь нулевкой — вовсе не панацея от всех магических бед. Возможно — стоит играть в открытую? Я моргнул — и увидел чудовищную эфирную воронку, которая вращалась вокруг головы Федора Ивановича Грозного. Психологушкин туман и все ее фокусы по сравнению с этим монстром были как муравьишки рядом с боевыми слонами армии Ганнибала. Это, определенно, впечатляло.

— Очень интересно! — проговорил Федор. — Дракон — нулевка, да еще и стойко сопротивляющийся своему окончательному воплощению, и с завидным упорством откатывающий трансформацию в исходное состояние. Вы, однако, тот еще фрукт, Георгий Серафимович!

Я изучал его, а он — меня. И, судя по всему, дистанционных методик исследования этому принцу-менталисту явно не хватало, так что он шагнул ко мне и вдруг ткнул пальцем в лоб.

— Однако! — сказал я, оказавшись посреди тумана, в белоснежной ротонде.

— Ваше высочество! — вскочил Гоша с плетеного кресла и вытянулся во фрунт.

— ЗДРАСТИ-МОРДАСТИ! — лениво крутанул хвостом Пепел.

— Интересно девки пляшут! Полноценные Чертоги Разума, — царевич сунул руки в карманы окровавленного халата и огляделся. А потом как-то по-простонародному почесал затылок:

— Вот в чем все дело! Вас трое! А мы тут понять пытаемся, крутим то так, то эдак… Нет, ну… В конце-то концов… Господа, у вас не найдется тут еще одного стула? Нам предстоит серьезный разговор!

* * *

Глава 9
Утилитаризм

— Ладно, положим, трое — это понятно. Горыныч — это Горыныч. Трехголовый дракон. Главное — уживаетесь как-то, — Федор Иванович сел на плетеный стул, который откуда-то из-за колонны достал Гоша, и закинул ногу на ногу. — Значит, у нас есть Гоша — нулевка-ветеран моего собственного Поискового батальона, начинающий учитель, есть дракон Пепел, простой и понятный хищник с замашками доминантного самца и… И попаданец, верно? Я смотрю — ваш истинный облик очень схож с Гошиным, так? Хотя и выглядите лет на десять или пятнадцать старше. Вы — какой-то его потусторонний аналог?

— Пожалуй, можно и так сказать, — я все никак не мог поверить в здешнее утилитарное отношение к попаданцам. Типа — есть и есть, всяко бывает. Иногда, мол негры в Россию приезжают, иногда — уманьяр, иногда — попаданцы. Эка невидаль! — Меня зовут Георгий Серафимович Пепеляев, я тоже родился в Вышемире, тоже — историк, учитель. Тоже служил в Поисковом — только мы по склепам не лазали и упырей лопатками не кромсали. Мы занимались перезахоронением жертв Великой Отечественной войны и археологическими раскопками, в основном…

— Наслышан, — кивнул царевич. — Скверная история с этим германским менталистом, как бишь его… Адольфом Алоизовичем? Темный, да еще и менталист… Правда, что ли, под нож всех кхазадов пустил? Зря, зря, очень полезный народец.

Я почесал затылок. Ну, вот как ему объяснить всю историю Третьего Рейха в трех предложениях? Похоже, пациент-попаданец, который тут историю нашего мира рассказывал, тоже столкнулся с этой проблемой и изложил в вольной адаптации… Или он был из какого-то третьего мира? В конце концов — есть два, почему не быть третьему? Но царевич не стал акцентировать внимание на холокосте и нацизме, его больше я интересовал:

— И что же, как в вашем случае проходил процесс перемещения между мирами? Снова — шаровая молния? — Федор снял с себя халат со следами крови и повесил его на спинку стула, оставшись в опричном черном мундире без знаков различия. — Расскажете?

— Я лежал в больнице, умирал от целого букета болячек, — начал я. — Мне тридцать пять едва стукнуло на тот момент. Ко мне дети пришли, выпускники мои, прямо в палату. Большие

молодцы, очень хорошие ребята… И я весь в трубках, под капельницей, почти овощ… Зало меня. Я сбежал. Выпрыгнул в окно, представьте, какая врачам подстава? В куче листьев нашел какой-то обломок то ли грабель, то ли еще чего, приспособил его как костыль и попер в сторону леса, хотел на пригорочке сдохнуть, на свежем воздухе… А потом услышал голос. Думаю — это был Малюта. Он привел меня на поляну, и я увидел большого белого дракона, раненого. Страшная рана, мне и представить сложно, чем можно так покалечить дракона…

— Щербец, — проговорил царевич. — Вот чем нанесли удар. Малюта хотел решить вопрос радикально — и столкнулся с Ягеллонами. И получил удар королевским мечом в грудь. Доигрался, старый. Но два великих артефакта — слишком много для одной истории… Тросточка-то ваша… Знаете?

— Да уж, знаю. Тоже, выходит, не случайно? — предположение было как минимум логичным.

Щербец — меч Пястов, первой польской династии, по наследству перешедший к Ягеллонам, конечно, штука наверняка мощная. Но копье Убийцы Дракона в куче мусора — это, как говорят литераторы, настоящий «рояль в кустах».

— Выходит, Малюта подсуетил. Так-то вам вряд ли его добить бы получилось, разве что — мгновенная трансформация и — зубками, зубками… — оскалился Федор.

Пепел тряхнул чешуйчатой клыкастой башкой, как большой пес, и сказал:

— ФУ, ЕЩЕ ВСЯКИХ СТАРЫХ ЯЩЕРИЦ Я НЕ ГРЫЗ!

— Теперь — внимание, вопрос: вы понимаете, почему именно в этот момент, именно в Великом Княжестве Белорусском, Ливонском и Жемойтском оказался нужен дракон? — спросил царевич. — Да еще и такой странный, как вы?

Честно говоря, в загадки мне играть не хотелось. Тем паче — игра шла по неизвестным правилам. Толку мне вилами по воде вазюкать, все равно он скажет то, что захочет! Но — не каждый день приходится с настоящим царевичем общаться, можно и попытаться произвести впечатление своим недюжинным интеллектом и аналитическими способностями.

— Исходить нужно из вселенского баланса и появления нужной фигуры на доске в нужное время на нужной клеточке? — поинтересовался я.

— Именно так у нас, на Тверди, все и устроено. Думается, на Земле — тоже, — кивнул царевич Федор. — Каждая фигура и каждый расклад — это шанс для всего мира выбрать тот или иной путь разрешения некой ситуации. И дракон считается хранителем статус-кво. Какой статус-кво вы хотели бы сохранить?

Я задумался. Что происходило со мной за эти полгода? В чем я преуспел? Чего добивался? Что именно завещал мне Малюта Скуратов-Бельский, личный-опричный дракон Иоанна Васильевича Грозного?

— Я — школьная училка, — на моих губах появилась усмешка. — И этим все сказано. Мне нравится, когда у детей есть шанс выбрать свое будущее. Мне нравится, что, независимо от расового, социального или финансового положения, любой ребенок может выиграть счастливый билет — и стать магом. В конце концов, никто не запрещает менять место жительства, получать образование в любом высшем или средне-специальном учебном заведении — хоть в сервитуте, хоть в опричнине, хоть в земщине. Мне не нравится, что все с ума сошли с этими инициациями: я теперь сомневаюсь, что Радзивиллам был нужен именно нулевка. На меня наехали в самый первый день! Кажется, рядом с Гошей уже происходило что-то подобное инцидентам в шестой школе, м?

— Две девочки-близняшки, в Гориводе, где я учительствовал, — развел руками парень в оливе, как две капли воды похожий на меня.

— НУ ТЫ, ЯТЬ, ДАЕШЬ! КАКОГО ХРЕНА НЕ СКАЗАЛ-ТО? — заревел Дракон и забил хвостом.

— Не ребята, я не виноват! Я уже на войну уходил, они всей деревней парней провожали, мобилизованных, ну, и меня вместе с ними… Две девчоночки, восьмой класс, стоят, рыдают, а вокруг них земля трясется… Я ж не в курсе был, параллелей не проводил! Я только сейчас сообразил! — он явно был растерян. — Это что получается — семь инициаций? Или шесть? А, черт, ребята, ребята…

— Не шесть? — поднял бровь царевич Федор.

— В армии, когда срочку служил, пацан один… И в школе, точнее — в летнем лагере — девчонка, десятый класс! Алеся звали, краси-и-и-вая…

Я прислонился плечом к колонне и тихо выпадал в осадок. Какого беса он все это раньше не вспомнил? Что изменилось? А потом покосился на царевича Федора: у меня тут сидит монстр от менталистики, а я задаю себе такие вопросы? Отупел совсем.

— Дракон, — ухмыльнулся Феодор Иоаннович. — Вещь в себе, настоящая хтоническая аномалия внутри отдельно взятого существа, не привязанная к конкретному месту. Хтонь и магия неразрывно связаны — это каждому студенту колледжа известно. Когда Малюта опричнину создавал, от добровольцев отбою не было! Говорят, чуть ли не каждый второй инициировался рядом с ним! Явления подобного рода — точки притяжения для

инициаций — случались и ранее, и случаются до сих пор. Обряды, артефакты, отдельные личности, некие экстремальные методики… Самый простой вариант — прогулки в Хтонь, эдакие разведки боем, кланы часто их своей молодежи устраивают. На драконах свет клином не сошелся, да и редкие вы больно твари, чтобы на поток такой метод ставить… Но, как видите, великокняжеская шляхта и перевозбудилась, решила, что поймала еще одну такую точку.

— Как в анекдоте про медведя, — внезапно заулыбался Гоша. — Поймал, говорит! Так тащи, говорит! Не могу — медведь не пускает!

Аналогия была более, чем прозрачная, мы все вежливо посмеялись, даже дракон. А потом царевич спросил:

— А вы, Гоша, почему его в свою голову пустили? Обычно такое только у тех, из кого дух выбило напрочь, случается.

— А я жить не хотел, ваше высочество, — сказал мой здешний двойник и как-то неловко отмахнулся. — Мечтал сдохнуть. После войны. Там… Ну, в общем, обрыдло все. Покончить с собой не смог бы — нехорошо это. А так… Ну, пусть так. Меня все устраивает.

Царевич повернулся ко мне:

— Его все устраивает. А вас?

— А меня — не все. Мой родной город тонет в дерьме, ваше высочество. И я смею утверждать, что виной тому — злая воля людей, любыми путями готовых увеличить число магических инициаций… — тут я малость подавился, потому как весь порядок вещей, заведенный в Государстве Российском, все это лоскутное одеяло из территорий с самым разным уровнем и направлением технического, магического, социального развития был направлен как раз на это! И создали его Грозные.

— Та-а-ак, продолжайте, продолжайте! — шевельнул пальцами Феодор Иоаннович.

— Знаете, сколько директоров-коммунальщиков за последние два года покончили с собой в Вышемире? — какой бес меня дернул откровенничать с царевичам — понятия не имею, но сдержаться я уже не мог. — Четыре, ваше высочество. На данный момент — четыре. От этой должности бегут, как черт от ладана. Знаете, какой некомплект в нашей милиции? Шестьдесят процентов. А знаете, какой глубины озеро с фекалиями на месте прорванного коллектора в районе военного городка, которое три месяца не могут ликвидировать? Восемнадцать метров. И это в городе, который пять лет назад занимал первые места по благоустройству во всем Великом Княжестве! Сейчас у нас выбрали новый состав городской управы, нового предводителя.

Кое-что, может, и изменится, по крайней мере — эти новые городские власти будут очень стараться, там такие личности регионального масштаба, что гореть будет мертвое. Но! Есть четкое ощущение, что от Вышемира не отцепятся. Кто-то хочет прибрать его к рукам, вынудить население требовать прав сервитута или — высокого покровительства от аристократов. И еще кто-то радуется возможности расставить большое количество галочек в отчетах — вон, как у них количество инициаций выросло, и плевать всем, что это в отдельно взятой школе у отдельно взятого дракона. Рост на пять случаев за полгода — это ого-го для уезда в сто тысяч населения.

— Ого-го, — кивнул сын Государя. — Пять — это уже закономерность. Кто-то может даже до начальника отдела подняться или годовую премию получить. Все вы правильно рассуждаете, Георгий Серафимович. За пять инициаций могут и директора до самоубийства довести, и аристократа похитить, и мини-войну развязать… А за пятьдесят? А за пятьсот? А за пятьдесят тысяч, как думаете?

— В каком смысле — за пятьдесят тысяч? — вытаращился я. — Это как понять?

— В каком государстве наибольшее число пустоцветов на душу населения? — прищурился Федор Иоаннович.

— Арагон, — не задумываясь откликнулся я. — Ну, и Речь Посполитая.

Идальго и польские шляхтичи почти поголовно были пустоцветами, это хорошо известный факт. И процент мелкой и безземельной аристократии в этих странах всегда оставался самым большим в мире — это давало обеим странам огромный экспансионистский потенциал, который ясновельможные паны тратили в бесконечных войнах с соседями, а Арагонская монархия — в колониальных захватах и перманентном геноциде нелюдей везде, где только могли дотянуться. Правда, и великих магов там почти не водилось, в отличие от той же России или Авалона.

— Речь Посполитая, — кивнул царевич. — На данный момент. Слыхали о Сарматском Проклятье или, если угодно, Панской Дури?

Гоша молча поднял руку, я пожал плечами. Дракон фыркнул, из носу у него пошел дым.

— Тогда я озвучу… — царственный собеседник совсем по-мальчишечьи принялся кататься на стуле. — Интересный феномен: вот уже четыреста лет, как два или три раза за век в западных пределах Государства Российского случаются мятежи и волнения. Причины и предпосылки могут быть самыми разными,

как и их форма. Иногда это — откровенный бунт кланов, иногда — земские беспорядки или общая активизация гражданского автономистского движения, а порой — чистой воды предательство во время очередной русско-польской войны. Ключевым и неизменным остается довольно примитивный нарратив, возникающий независимо от первопричины конфликта: если бы здесь была Речь Посполитая, мы все были бы шляхтичами и магами.

— Но это же глупость несусветная! — удивился я. — Кому это в голову может прийти?

— Хо-хо, — сказал Феодор Иоаннович, и я опять заткнулся. В конце концов, он был менталистом и царским сыном. — Что касается коронных земель Польши — то там этот феномен тоже присутствует. Каждое новое небитое поколение шляхтичей начинает мечтать о державе «от можа до можа» и вспоминать границу по Днепру. Или — по Эльбе, зависит от того, в какую сторону дует ветер в Сейме и на международной арене. Шляхта вспоминает, достает сабли, начинает кидаться на соседей — и чаще всего получает по зубам. Но если Панская Дурь по ту и по эту сторону границы синхронизируются — то мы имеем кровавое месиво в Галиции, Волынии, Подолье и в Великом Княжестве. А Германия соответственно — в Силезии, Судетах, Тироле… И далее, у остальных соседей — по списку.

— А сейчас… — с чего он взялся просвещать меня в плане геополитики — я понятия не имел, но все это могло напрямую коснуться меня, Яси, Вышемира, а еще — многих и многих тысяч детей, так что я слушал его очень внимательно.

— А сейчас мы окончили Балканскую войну, вот-вот создадим в Паннонии дикую орочью вольницу, которая будет замечательным занятием для окружающих стран и народов на долгие-долгие годы. Мы только что провели демобилизацию и не можем позволить себе в ближайшие пять лет еще одну крупномасштабную войну! — царевич перестал качаться на стуле и сел ровно. — Поэтому все эти шевеления вокруг инициаций в Великом Княжестве сильно настораживают. Молодая панская поросль, прямо скажем, продолжает путать берега. В сервитутах начались брожения среди свободных, не-клановых волшебников. Земщину исподволь качают… Знаешь, сколько таких Вышемиров сейчас? Двадцать семь земских уездных городов превращаются в клоаки, если брать Беларусь и Жемайтию. В Ливонии поспокойнее. Но из двадцати семи только у вас, и еще, пожалуй, в Дрогичине, Бутинге и Глуске-Дубровском нашлись такие «личности регионального масштаба», которые принялись решать вопросы здесь и сейчас. В остальных — недовольство растет,

проблемы копятся. Зато инициаций становится все больше. И вроде как меня это должно радовать, а Василия — огорчать, но получается почему-то наоборот…

Мне стало страшно. Очевидно, Федор вербовал меня! Василий — это ведь Василий Иоаннович, средний царевич, ответственный за экономику и социальную политику. И не зря его имя сейчас прозвучало. Наверняка вокруг каждого из Грозных водили хороводы всякие большие дяди и тети. Конечно — хороводы эти продолжатся ровно до тех пор, пока нынешний Государь не помрет, и братья не определят меж собой следующего хозяина земли русской. Но и потом каждый из царевичей останется значимой фигурой — менталисты такого уровня на дороге не валяются, да и погруженность их в дела государственные при абсолютной преданности Государству Российскому делало их незаменимыми отраслевыми или региональными руководителями. Так что даже если Федор борьбу за престол проиграет — колода козырей в руках ему пригодится! Дракон — чем не козырный туз?

— ВЫ ПРЯМО СКАЖИТЕ, ФЕДОР ИВАНОВИЧ, КОГО ЖЕЧЬ, КОМУ БАШКУ ОТКУСИТЬ? — вдруг подал голос дракон. — И ЧТО НАМ ЗА ЭТО БУДЕТ?

— И чего нам за это НЕ будет, — уточнил Гоша. — Если уж жечь и откусывать, так с бумажкой в кармане. Чтобы было написано что-то в стиле незабвенного Ришелье: «То, что сделал предъявитель сего, сделано по моему приказанию и для блага государства». Кол в заднице — это вредно для здоровья в любом случае.

— Спокойно, — сказал я. — Мы еще ничего не решили.

— А тут и решать нечего, — оскалился царевич. — Если грубо: сейчас в Великом Княжестве Белорусском, Ливонском и Жемойтском есть две большие группировки среди аристократов. Одни — в основном из бедных, мелкопоместных, а еще — из младших и обделенных, уже вовсю жуют жвачку Сарматского Проклятья и мечтают, что при Речи Посполитой каждый из их детей станет магом, а богатые земские земли нарежут им во владения — как в Польше. Кое-кто из великих кланов, по крайней мере — их отдельные представители, такие идеи явно поощряет и поддерживает. На удивление — у них есть сторонники среди земской, сервитутской и опричной молодежи: эти цивильные мечтают, что мигом инициируются, стоит им только встать под знамена с белым орлом и взять в руки оружие… Ну, об этом я уже говорил.

— Подпанки, — процедил я сквозь зубы. — Пушечное мясо.

По поводу этого типа людей у меня в душе всегда бушевала

буря из самых разных эмоций: досада, жалость, злость, недоумение и даже некая иррациональная обида.

Такие водились и в нашей реальности: обычно — образованные, молодые, нахватавшиеся по верхам обрывочных знаний, эмоциональные, мечтающие о замечательной жизни прямо здесь и сейчас, отмахивающиеся от любых доводов в духе «вообще-то надо бы сначала много поработать». И все они почему-то считали, что пан из-за границы (какую бы маску он на сей раз не надел) только и ждет, как бы вручить эту самую замечательную жизнь на блюдечке с голубой каемочкой, совершенно бесплатно. Пан мечтает жить замечательно САМ! И чтоб замечательно жили ЕГО родные и близкие, и ЕГО страна — это в лучшем случае. И если есть молодые идиоты, которых можно употребить ради этих целей — то почему бы и нет? Правда, эти молодые идиоты все-таки были НАШИМИ идиотами, и поэтому их было безумно жалко.

— Подпанки? Емко, — кивнул царевич. — Но есть и второе течение. Старая аристократия. Ваш знакомый Сапега, а еще — Волк-Ланевские, Козелл-Поклевские, Хрептовичи, Ходкевичи, Радзивиллы и кое-кто другие… Автономисты. Они очень ценят то положение, которым обладают в Великом Княжестве. Они понимают, что тут начнется, если будет война. И, тем более, если граница Речи Посполитой по Днепру станет реальностью. Хотя этому не бывать…

Вот тут его высочество задумался, и мне эта заминка не понравилась. Закончил он гораздо менее энергично:

— Не бывать, пока жив Государь.

Мы помолчали. Дракон вежливо спросил:

— ТАК ЖРАТЬ-ТО КОГО, СКАЖИТЕ ПОЖАЛУЙСТА?

— А кого хочешь! — снова оскалился царевич. — Главное — по правилам. Пусть магнаты и шляхта потрошат друг друга на территории юридик, кланам пора пустить кровь — и если они сделают это сами, с твоей помощью, то это будет выглядеть гораздо более приемлемо, чем второй вариант…

— Тот, о котором вы говорили с Воронцовым? — уточнил я.

— Именно он. Но это — вариант Дмитрия. Десять опричных полков, башибузуки из Орды, эльфийские добровольцы, кхазадское ополчение — и тотальный сыск по всем юридикам Великого Княжества. Крамолу искать и на колы сажать! Но прищеми мы панов — зашевелятся бояре да князья, а еще — ханы и мурзы, графы и бароны, беки и шейхи. А если паны начнут друг друга резать сами: Пацы — Сапег, Олельковичи — Радзивиллов, автономисты — подпанков… Вот это будет мой вариант! Все очень просто — ты дружишь с Вишневецкими, скоро даже

породнишься. Ты достал из подвала этого старого черта — Радзивилла Черного. У тебя шуба от Сапег! Вот и коалиция! А врагов ты нажил предостаточно, пожары дворцов тебе Олельковичи, Пацы и Ольшанские не спустят…

— Вы предлагаете мне спровоцировать гражданскую войну? — изумлению моему не было предела. — Когда и каким образом я показал, что могу пойти на такое? Почему вы решили, что кто-то из магнатов пойдет за мной?

— Заяви открыто, кто ты есть на самом деле, и все завертится само собой! И, во-первых, война не гражданская, а феодальная, — назидательно поднял палец вверх царевич. — То есть пострадают только аристократы и их вассалы. Во-вторых, война начнется практически при любых раскладах, но у нас есть шанс вскрыть гнойник на наших условиях. А в-третьих…

— Сколько есть времени? — спросил я, довольно бесцеремонно перебивая царского сына.

— М? — удивился царевич. — Времени на что?

— Насколько я понял, ключевой вопрос — в наличии на территории Великого Княжества нескольких десятков тысяч молодых людей самых разных сословий, чья неуемная энергия вкупе с накачкой со стороны злобных дядей неправильными идеями может привести к социальному взрыву. Сюда же добавляем ситуацию в земщине, где в целом ряде городов творится явный бардак. И несколько аристократических родов, которые поглядывают в сторону Речи Посполитой, так?

— Взгляд под интересным углом, — кивнул его высочество. — Но — все так.

— И все это скопище проблем уперлось в инициации, верно? Всем хочется получить реальную надежду на магию? Чиновникам нужно ставить галочки в отчетах, амбициозная молодежь хочет жить отлично прямо здесь и сейчас, государству нужно как можно больше одаренных, кланы мечтают о том, чтобы их отпрыски как можно чаще и раньше инициировались, так?

— Верно! — он смотрел на меня в упор, его разные глаза сверкали и искрились, лицо выражало крайнюю степень безмятежности. — У вас есть вариант мирного решения кризиса?

У меня в голове царила полнейшая мешанина, и у Гоши, и у Пепла — тоже. Они-то знали, куда я клоню, и понимали, что никто кроме нас в принципе с этим не справится. Но, бесы меня задери, я думал заниматься этим лет через десять или двадцать! Время — вот самый главный ресурс. Время и кадры. И если со вторым еще кое-какие мысли были, то первого катастрофически не хватало.

— Однако, есть вариант, — выдохнул я и двинул кулаком

прямо в колонну ротонды, так сильно, что посыпалась штукатурка. — Придется все-таки поиграть в Дамблдора. Но, ей-Богу, мне нужен хотя бы еще один год.

* * *

Глава 10
Научный подход

Знаете, что самое прекрасное и ужасное в школе? Ей не важно, что происходит за пределами крыльца с надписью «Добро пожаловать!» Развелся, женился, простудился, смертельно заболел, пьянствовал всю ночь, побывал в лаборатории царевича, сжег пару-тройку магнатских замков, общался с сильнейшими магами современности, решал судьбы мира… Школе до лампочки!

В семь часов пятьдесят пять минут учитель должен стоят у доски и излучать абсолютную уверенность в своем праве сеять разумное, доброе, вечное. «Дети, у меня голова болит, можно потише?» «Дети, в школе проверка, можно вести себя прилично?» «Дети, если я не решу, как организовать несколько тысяч инициаций, у нас тут война начнется, можно как-то проявить чуточку понимания?» Нельзя! Учитель — это некий голем для проведения уроков, он не знает страха, он не знает упрека, и абсолютно все знает по своему предмету. В тот момент когда учитель даст слабину и покажет, что у него болит горло, или голова его занята судьбами мира или личной жизнью больше, чем опорной схемой на тему «Виды горных пород» и разъяснением разницы между метаморфическими, осадочными и магматическими породами — в этот момент его сожрут и выплюнут кости.

Командировочные документы я отдал Верочке, чтобы она оформило все и-де-аль-но, в учительской поручкался с Джабраиловым, раскланялся с Ингридой Клаусовной, которая подозрительно на меня поглядывала из-под своих очков, с боем добыл журнал восьмого класса. Потом — едва протолкался на лестнице сквозь орду пятиклашек, которые перепутали расписание и мчались теперь сломя голову прямо на физкультуру, с третьего этажа, и решительной, собранной походкой миновал стрелявших глазками учительниц эльфийского, чтобы, наконец, с помощью ключа и драконьей матери отпереть дверь своего кабинета. И теперь стоял у доски, и излучал все. что должен излучать высокопрофессиональный педагог.

А восьмиклассники сильно опаздывали. Их-то никто не мог сожрать и выплюнуть. Права ребенка, то, сё… И высокопрофессиональными они никому не должны были казаться, ибо — дети! Красные, потные и тяжко дышущие, как будто

прошли Крым и рым, они по одному и по двое влетали внутрь кабинета и с грохотом начинали раскладывать вещи на партах. О причинах я пока не спрашивал — ждал, сунув одну руку в карман, а в другой сжимая мел.

— Это вы! — сказал Кузьменок очумело тряся головой у входа. — Как хорошо что это вы, Георгий Серафимович! А то она бы нас точно убила. Там гардеробщица ключ потеряла, вся школа опаздывает. Но Вельзевуловне пофиг! Выставила бы единицы в рядочек…

Вообще-то у восьмого класса географию я вести был не должен. И об этом мы отдельно с Гутцайт в начале года договаривались. Но, коготок увяз — всей птичке конец. Школа засасывает. Молодая географичка поработала месяц — и ушла в декрет. Ну и меня слезно попросили «немножко позаменять», а потом вуаля — и я готовлю команду по географии на уездную олимпиаду. А поскольку я уехал на курсы — вызвали на помощь Валентину Зиновьевну Волину, матерую пенсионерку. Вельзевуловну.

Никогда не любил вот эти клички-погоняла для учителей, хотя меня они и не касались: у меня отчество такое, что и кличек не надо. Других Серафимычей на тысячу верст окрест не сыщешь.

— Давайте, приходите в себя, у вас три минуты чтобы собраться с мыслями, — проговорил я и открыл журнал на нужной странице, а потом едва не выматерился: — Однако!

Восьмиклашки рассаживались, заканчивали раскладывать вещи.

Гардеробщица ключ потеряла — не самая уважительная причина для того, чтобы начало урока пошло прямо в афедрон. Однако, имеем то, что имеем… А прошлый урок пошел в афедрон потому, что Вельзевуловна выставила в рядок единицы. Второй раз подряд. Две замечательных колоночки с замечательными отметочками — от единицы до четверки. Четыре балла в десятибалльной системе координат — это что-то вроде слабенькой троечки в пятибалльной. И даже Кузьменок, и Светикова, и другие умники — тоже поимели себе счастье в виде четверок. Чего уж говорить про ребят более разболтанных, типа того же Морковкина или Жаркина? Две единицы подряд!

— Это что такое? — спросил я, повернув журнал бумажными внутренностями к восьмому классу, демонстрируя испоганенную двумя колонками дичи страничку. — Кто из нас с ума сошел: вы, я или Вельзе… Валентина Зиновьевна?

На самом деле ребята в восьмых классах были разные. И учились тоже по-разному. Будь учитель хоть семи пядей во лбу весь гениальный — есть те, кому просто не интересно, кто очень

хочет спать, или у кого в принципе физиология не приспособлена для долгого сидения за партой. То есть в средней школе, при классно-урочной системе даже теоретически невозможно гарантировать стопроцентную хорошую и отличную успеваемость. И в восьмом этом классе все обстояло точно так же. Никогда не имел иллюзий по поводу того, что позанимавшись со мной три месяца они тут же покажут другому учителю свою неимоверную подкованность и мою гениальность как педагога. Обычные дети, нормальные. Обычный учебный процесс у нас шел.

То есть наличие трех или четырех единиц при двадцати восьми имеющихся строчках (по числу учеников) от учителя на замене я бы еще понял: ну, вызвала по журналу тех, у кого отметок не было, ну попала на тех, кто ничего не читал дома, надеясь на то, что «Серафимыча нет, ничего спрашивать не будут, просто посидим тихонько на уроке». Но в рядок? Либо «энка», либо откровенно отвратительная отметка — это что за геноцид такой? И главное — зачем?

Класс загудел, все хором заговорили, пытаясь объяснить ситуацию.

— Ша! — сказал я. — Светикова, докладывай.

— Она… А мы! А она! А она сказала, чтобы мы пересказывали пункты параграфа близко к тексту! А мы не это… — развела руками раскрасневшаяся Светикова.

Конечно — они не это. Нет ничего тупее чем идиотская методика вызывать учеников отвечать пункт за пунктом. Один рассказывает первую подтему, второй — вторую, третий в это время уже триста раз прочитал и готов пробубнить третью. Никогда такое не практиковал, всегда задавал или конкретные вопросы, или — открытые, но сформулированные совсем по-другому, чем в конце параграфа.

— А потом она сказала что мы много шумим, и за десять минут до конца урока дала нам самостоятельную, — пояснила Светикова.

— Наверное, шумели и вправду сильно? — поинтересовался я. — Вы в принципе любители пообщаться, и берега часто путаете…

— Так она ж сама сказала друг друга по атласам погонять! Как тут можно не разговаривать? — вот это было резонно!

Я только вздохнул. И как мне быть?

— А самостоятельные ваши где? — мой вопрос прозвучал как будто в воздух.

— На листочках, она нам их не показывала… — развела руками Светикова.

Однако! Ну не коза, а? Как можно не показать ребенку, за что

он получил отвратную отметку?

— Будем искать… — кивнул я. — А пока — настроились на работу, открыли тетрадки, записали новую тему: виды горных пород. Гляньте, что у меня есть: я нашел коллекцию минералов, будем щупать!

Картонные коробки бес знает какой давности уже стояли на столе, теперь настало время их открыть и продемонстрировать народу медный колчедан, полевой шпат, магнитный железняк, калийную соль и прочие сокровища.

— Ура-а-а, щупать! — обрадовались восьмиклашки.

Конечно, пока шел урок и коробки с минералами ходили по рукам, примерно каждый второй попробовал примагнитить к магнитному железняку скрепки, кнопки и булавки, и каждый третий лизнул калийную соль. Фу.

* * *

— Бешиссенер альтер нарр! — сказала Ингрида Клаусовна, глядя в журнал. — Зачем такое делать? Многим после восьмого класса — поступать, а две единицы подряд — это уже может сказаться на аттестате! Тот же Жаркин — будет у него средний балл шесть с половиной — пойдет себе спокойно в технический колледж. Не будет — останется в десятом. Зачем мне Жаркин в десятом? Он парень неплохой, но сильно шустрый, и в ВУЗ поступать явно не собирается… Конечно, Волина сделала натуральный шайсдрауф, даже без вопросов. Но!

Я понял — у нее есть решение и верноподданически уставился на директрису, пожирая ее глазами.

— Ручку-то она брала у меня! Оба раза! Видимо — старческий склероз, свою забыла, а вашу брать не хотела, — за стеклами очков, в глазах у деловитой кхазадки горели азартные огоньки.

Она полезла в ящик своего стола, нырнула туда едва ли не по пояс, бубня страшные гномские ругательства, никак не ассоциирующиеся с образом практически и-де-аль-но-го руководителя учреждения образования. Потом раздался торжествующий голос — и Гутцайт высунулась наружу, сжимая в руках самую обычную прозрачную шариковую ручку.

— Вот! Не мне вас учить, Георгий Серафимович: единица очень легко исправляется на четверку, семерку и десятку, тройка — на восьмерку, четверка — на семерку и девятку. Гоняйте их в хвост и в гриву, но чтобы заработано было честно! Мы тут не фальсификациями занимаемся, а учебным процессом и

исправлением педагогических ошибок старших товарищей… Ферштейн?

— Яволь! — откликнулся я, едва ли не щелкнув каблуками. — Работать под вашим руководством — сплошное удовольствие.

— А-хм! — кажется, кхазадка смешалась. — Кстати! Довожу до вашего сведения: в нашу школу подали документы восемь Пеговых, пять Виловых, четыре Невских и один Тан.

— Так, — я почесал затылок. — Ну, предположим, Сапеги, Радзивилы и Волк-Ланевские — это понятные. Но Тан? Это что еще за фрукт?

— Это не фрукт. Это внебрачный сын Солтана, Александра Юрьевича. Или Пересвет-Солтана, если хотите. Его-то представлять не нужно? Фамилия известная! Сынок его — талантливый, между прочим. Первое место по шашкам в губернии! — она принялась перебирать папки на столе. — Я даже не знаю, ругать вас или хвалить… С одной стороны — такую прорву работы благодаря этим финансовым вливаниям закрыли, даже фасад зимой умудрились оштукатурить и ямочный ремонт на улице Куракина провести, с другой… Ну как мне с вами быть, Георгий Серафимович? Я же за детей боюсь! Видеонаблюдение, что ли, поставить? Так боюсь нарушу вашу методу — инициации закончатся, а меня потом сожрут…

— Кто сожрет? — сделал стойку я.

— А вы зайдите как-нибудь в народное просвещение, вас там наш ненаглядный начальник ждет-дожидается…

— А и зайду! — нахмурился я.

— А вы не гусарствуйте и не хмурьтесь. Под ваш пяток инициаций уже два человека докторские по педагогике пишут, и вся любимая наша вертикаль годовые премии получает. Как думаете, что будет, когда вы в Мозырский магический колледж уйдете?

— Показатели упадут, — произнес я самое страшное проклятье. — Но то, что уйду — это далеко не факт.

— Уйдете, — сказала Гутцайт безапелляционно. — Как раз экзамены летом примете — и все, ауф видерзеен. Ну, нечего тут антимонии разводить — идите работайте. Изобретайте способ, как отметки восьмому классу исправлять будете! И вот, возьмите — пришло положение о конкурсе ученических научных работ, это по вашей части. У вас три недели — что-нибудь придумаете.

Я поднимался к себе на третий этаж с несколькими листками распечаток в руках и думал о том, что конкурс — это хорошо. А безапелляционный тон директрисы — это плохо. У меня возникло чувство, что она прямо намекнула: не уйду сам — уволит. Эх, и я ее прекрасно понимал. Как говорил один из моих любимых

персонажей интернет литературы: «Много хорошо плохо». Она хороший директор крепкой средней школы, и одна или две инициации в год — это просто замечательно, но…

Кашу маслом не испортишь? Это если в тарелку полкило сливочного не опрокинуть.

* * *

Честно говоря, я задумался. Остановился у дверей своего кабинета с этим положением о конкурсе, и пытался понять, что можно с него поиметь. Прикладная наука — это, в общем-то, не очень к гуманитариям. По крайней мере — не на школьном уровне. С другой стороны, есть кое-что наглядное и на обывательском уровне понятное: социология и социологические опросы, можно — с уклоном в злободневность и подростковую психологию… Только с кем браться-то за дело? Кузевич-то мой, и Легенькая уже с начала четверти магию изучают… Восьмиклашки есть толковые, но рановато пока за остросоциальные темы с ними браться — не потянут!

— Сука, сука, сука! — услышал я из мужского туалета знакомый голос, а потом раздался звук удара и громко хлопнула дверь туалетной кабинки.

Педагогический инстинкт мигом бросил меня в сторону уборной, благо — мой кабинет располагался к этому заведению близко. Я ворвался туда наготове: мало ли, лупят кого, или кто-то упал, травмировался, ударился… Ан нет! Над умывальником навис Ляшков — десятиклассник, с которым я познакомился во время первой игры " в дирижабль", он еще у доски снаряжение выброшенное вычеркивал. Честно признаться — за эти две четверти он из откровенно толстого парня превратился в этакого крепыша: сказывалось влияние Вани Кузевича и спортсмена-Вадима с бандой. Ляшков, кажется, ходил в тренажерку, и даже бегал по утрам, так что у него всерьез уменьшился живот, и на фоне обозначившейся талии проявились широкие мужские плечи. Если добавить к такой целеустремленности сангвиническую неунывающую натуру и неплохие интеллектуальные способности — он мог далеко пойти. И тем страннее было видеть его в откровенном унынии!

— Ты чего — руку раздолбал? — я увидел его разбитые костяшки пальцев. — Пойдем, Юр, ко мне, залепим пластырем. Давай, не дури. Пойдем!

Ляшков скорчил рожу, потряс правой рукой, роняя капли крови и сказал:

— Вы только никому не говорите.

— Я-то никому не скажу, но дверь надо будет починить. Вон — смотри какая вмятина в сайдинге. Сходим потом к Элессарову, попросим запчасти. Так? — надавил голосом я.

— Так… — Ляшков ведь был неплохим парнем, и понимал что накосячил.

В кабинете царила тишина и пустота — первая смена уже ушла, вторая до меня пока не добралась. Я достал аптечку, обработал раны пацана перекисью, потом — запшикал купленным в сервитуте ультрапантенолом, заклеил пластырем и сказал:

— Что, тема номер раз заела, Ляшков?

— А? В каком смысле — «номер раз»? — Юра сделал вид что не понимает.

— А есть какая-то другая тема, о которой любой мужчина младше тридцати думает каждые полчаса? Да и старше — тоже, от мужчины зависит. Хотя чего это я? Тебе сколько — шестнадцать? Значит — каждые пятнадцать минут, и то, если перед глазами не мельтешит. Если мельтешит — то постоянно.

— Это вы о девчонках что ли? — смутился обычно непробиваемый Ляшков.

— Ну не из-за алгебры же ты об дверь руку разбил, м? И чего ты обобщаешь, ты же нормальный парень! Не о «девчонках», а о «девчонке», да?

— Ну… Да, да! Понимаете, Серафимыч… Ну вот как так? У всех — отношения там, гуляют, ходят…

— Целуются, — усмехнулся я.

— Да! И не только! Наши девчонки со студентами мутят, парни — тоже подруг имеют! — он весь раскраснелся. — Один я как дурак! Что я — урод какой, что ли? Почему у всех, но не у меня?

— Погоди-ка! — я пощелкал пальцами, пытаясь поймать эту мысль. — Что-то такое я уже где-то… Ага!

Я посмотрел на распечатку с конкурсным положением, потом — на Юру Ляшкова и широко улыбнулся: был у меня опыт в той, прошлой жизни, на заре педагогической карьеры. Две хорошие девочки сетовали, что всех их одноклассницы якобы живут полной жизнью — встречаются с парнями, имеют какие-то сторонние источники дохода, и вообще — состоялись как взрослые дамы, а вот сами они нецелованные ходят! И я тогда предложил им провести социологическое исследование — на злобу дня! Почему бы не обыграть эту тему с Ляшковым?

— А хочешь — научный подход? Скажи, а девчонка, которая тебе нравится — она толковая? Если мы ей за десятку по обществоведению за четверть предложим в научной работе

поучаствовать, она как, согласится?

— О, да! — обрадовался он. — Да вы ее знаете!

— Ясное дело — знаю, я тут уже полгода работаю. Так, Ляшков, садись, бери в руки листок, ручку и пиши…

— Что — пиши? — удивился он, но листок и ручку взял. Ту самую, которой Вельзевуловна единички в рядок выставляла.

— Опросник для большого социологического исследования на тему «Почему все, но не я?»

— А? — он аж глазами захлопал.

— Бэ! Пиши! — я встал и заходил перед доской, вспоминая, что мы там такое спрашивали, чтобы главные вопросы — про отношения и секс — были замаскированы. — Итак, первый вопрос! Получали ли вы за свою работу деньги в этом году? Записал?… Ага, варианты ответов: нет, иногда, да — регулярно подрабатываю. Следующий вопрос! Как вы думаете, зарабатывают ли деньги своим трудом ваши сверстники?.. Варианты: почти никто, некоторые из них, почти все — это распространённое явление. Так, дальше…

В общем, я поймал кураж. Успеваемость, работа, физическое насилие и драки, отношения и интим — это понятие гораздо более широкое, чем просто секс — и оценка раннего начала половой жизни, а еще — оценка своей внешности, оценка (по мнению респондента) сверстниками своей внешности, и умственных способностей… Я-то знал, чего хочу этим добиться. А вот Ляшков и все остальные местные тинейджеры этого еще даже и не подозревали.

Штука была в том, что там, на Земле, выверт получился знатный! По результатам опроса почти тысячи учащихся выпускных классов, оказалось, что все на самом деле — хорошие, но боятся в этом признаться. Все думают, что остальные — плохие, и что остальные считают, что хорошим быть непрестижно. Как оказалось, почти все юноши и девушки — каждый в отдельности — придерживаются вполне традиционных представлений о добре и зле, о насилии, интиме, деньгах, и имеют вполне адекватную самооценку. Но по какой-то непонятной причине считают, что озвучивать это вслух — стыдно, ибо остальные круче, опытнее, прожженнее.

Те самые остальные, которые думают точно так же. Но боятся в этом признаться.

Посмотрим, что получится на этот раз, здесь, на Тверди?

* * *

Глава 11
Общественная нагрузка

Около моего подъезда стоял грузовик — явно армейский, выкрашенный в оливковый цвет. Кравченко — бывший земский активист и депутат, в теплом бушлате и с красной повязкой на левом плече раздавал народу автоматы Татаринова. АТ-74 — старые, но надежные машинки, которыми до сих пор вооружали пехотные земские части в Государстве Российском. Я сунул руки в карманы куртки и подошел поближе.

Знакомые мужики-снага из беседочного Клуба любителей бырла и настольных игр теперь выглядели куда как грозно: как настоящие партизаны! Мохнатые шапки-треухи, стеганые толстые ватники оливкового цвета, красные повязки, трехпалые варежки, валенки… Отто Шифер тоже был здесь, и другие мужчины из нашего дома — все в оливе. Они негромко переговаривались, кто-то курил, другие — подтягивали ремешки разгрузок, приноравливались к снаряжению, распихивали по кармашкам автоматные магазины: каждому полагалось по три штуки.

— Здорово, Серафимыч! Ты тоже — гражданский долг исполнять? — спросил Кравченко.

Я развел руками и кивнул. Конечно, чисто теоретически можно и плюнуть на эту самую Добровольную Народную Дружину, и не дежурить на блокпосту и не ходить в патруль, в конце концов — я же аристократ! Но живу-то в земщине, и выбор этот только мой и ничей больше, так что и ответственность за него нести мне. Все должно быть чудовищно и однообразно: раз ты здесь, будь добр — соответствуй. Что может быть тупее, чем дракон, рыцарь и землевладелец, мерзнущий на блокпосту с автоматиком в руках? Да ничего! Ничего тут тупого нет!

Сегодня была очередь нашего микрорайона, поэтому жены уже собрали мужьям тормозки, на работах в отделах кадров уже подписали отгулы, а представители власти уже раздали командирам групп закупленные из резервного фонда негаторы и сканеры магических эманаций.

Казенный ватник я надевать не собирался: термобелье, хемингуэевский свитер, две пары толстенных носков, родная олива и прочее наследие армейской жизни все еще служило мне добрую службу. У нас в Поисковом народ в ватники не наряжали, все-таки личный его высочества Федора Иоанновича батальон, под высочайшим патронажем — снабжение было на уровне! Разгрузку я, правда, взял стандартную, и автомат — тоже, чего

выделяться? Вот лопатка — это да. Лопатка у меня своя, и она нашла свое место в специальном креплении у бедра.

— Давай, завяжу, — Шифер принялся возиться с куском красной материи с буквами ДНД, закрепляя повязку у меня на плече.

Дверь подъезда хлопнула и появился Зборовский — в таком же как у Кравченко бушлате, в разгрузке и с рюкзаком.

— О, предводитель — с нами! Неужто других важных дел нет у градоначальника? — загомонили мужики.

— Ой, да успокойтесь. Обойдутся без меня в управе денек, там сейчас ревизия идет и дым коромыслом — я по итогу отчет посмотрю. Я что — не земский что ли? — отмахнулся Женя. — Или — не мужик? Дежурство — значит дежурство. Погнали, а? Командуйте, Кравченко, я все равно в этом ни черта не смыслю.

— По ко-о-о-оням! — гаркнул Кравченко.

И мы полезли в кузов грузовика. Конь-то был у нас один на всех!

— Сегодня на съезде с тракта у моста через Днепр дежурим. Тормозим машины, пропускаем их под сканером, ищем магов и магические предметы. Если находим — регистрируем, уточняем цель визита в славный град Вышемир и настойчиво предлагаем господам магам на территории Вышемирского уезда носить идентификационный браслет с включенной геолокацией… А если не согласятся — сообщаем в милицию, и за таковыми будет кататься машина с сотрудниками. Ну и в случае обнаружения сомнительных веществ, оружия, технологической или магической контрабанды — мордуем гадов изо всех сил, — Кравченко так и сказал — «мордуем». — Хватит им у нас свои порядки наводить, достали!

Мужики в кузове злобно загудели. Выбесили земщину, земщина показывает зубы. Двадцать автоматов — это большая проблема даже для мага средней руки. Учитывая тот факт, что все дружинники — служившие, и как минимум половина, считая меня — воевавшие, получалось, что блокпосты и патрули — это не показуха, а реальная попытка решения серьезных проблем. Уличная преступность и незаконная магическая активность в Вышемире за три недели введенного Зборовским чрезвычайного положения ощутимо пошли на спад. Но за каким бесом наш славный предводитель прется сам на дежурство? Кому и что доказывает?

С другой стороны — а я? Я тут за каким бесом? Наверное и он — поэтому…

Я повернулся к бывшему журналисту, желая уточнить этот вопрос, но Женя общался со снага, и орки ему живо втирали что-

то про свою армейскую жизнь:

— Так в пехоте-на, в Желтугинской-ять республике-на с хунхузами-ска… Уж мы их мочили-мочили, мочили-мочили… Вся Маньчжурия-ять сралась кипятком, когда батальонная колонна саянов-ять — тобиш-та нас-х по большаку траками громыхала-врот!

Саянами китайцы русских зовут. И наплевать им — орки это, гномы или белоголовые вологодские парни. Все русские на одно лицо! Наконец Зборовский повернулся ко мне:

— Ну что, Пепеляев, как думаешь — мое лекарство не хуже болезни? — и похлопал по цевью автомата. — Не перебор?

— Лекарство хуже болезни? — я призадумался. — Знаешь, это даже не лекарство. Это вакцинация.

— Вот как? — удивился молодой градоначальник. — А ну — отсядем!

Мы отодвинулись к самому заднему борту, туда, где из-под колышущегося края брезента задувал морозный ветер. Мужики уже достали термосы и грелись взятым из дома чаем — до моста было ехать минут двадцать.

— Ты что-то знаешь, чего не знаю я? — поинтересовался Зборовский. — Это как-то связано с демонстрацией, которую провели опричники?

— Какой демонстрацией? — удивился я.

В последние дни я с головой окунулся в школьную жизнь и малость выпал из информационного пространства.

— Так Игнатия Чарторыйского колесовали, не слыхал? — поморщился Женя. — По телику же показывали казнь в прямом эфире! За сношения с заведомо враждебной державой. Это командира Белорусского опричного полка, представь! Приехали специалисты из Александровской Слободы, менталисты из Рюриковичей — и раскололи его в два счета. Его, еще пятнадцать офицеров от штабс-капитана и выше буквально вчера предали лютой смерти. Чистка рядов по самым строгим лекалам! Плюс — аппарат наместника трясут страшно, головы летят пачками. Правых, виноватых — черт его знает… По официальной линии информация дошла, это пока не разглашается.

— Засучили рукава, — сказал я. — Аврально работают, чтоб меня. Я даже не знаю, что страшнее — когда опричники засучивают рукава, или…

— Или? — наклонил голову Зборовский.

— Или то, что случается, когда засучить не успели.

Откровения царевича Федора заиграли новыми яркими красками. Что там с планами Дмитрия Иоанновича вырисовывалось? Десять опричных полков? Тотальный сыск? Вот

уж где воистину лекарство может быть хуже болезни. Если служивым государевым людям доведут план — арестовать сто изменников и подпанков на квадратный километр, они найдут сто десять, потому как — показатели! И в местных реалиях это будет не пятнадцать суток и штраф в тысячу денег, о, нет!

Хотя Чарторыйского мне, если честно, жалко не было, во время дела с Инлуном он показал себя настоящим говнюком, но… Колесование, серьезно? Какое-то варварство.

— Зборовский, — я хлопнул его по плечу. — Ты — лучшее, что могло случиться с Вышемиром. Мы как-нибудь сами у себя разберемся, в своей дремучей земщине, м? Без опричников и всяких прочих… Нам бы бандюг изжить, и канализацию починить — и будет счастье!

— О, да, — Женя радостно улыбнулся. — Прикинь — Холод в дружину записался. Вместе с Рыбаком милоградское направление сейчас отрабатывают, в районе паромной переправы.

— Почуял, куда ветер дует… — вернул ему улыбку я. — Ну, раз Рыбак там — можно быть спокойным, и мышь не проскочит!

Грузовик остановился и Кравченко гаркнул:

— Приехали мужики!

И мы полезли наружу — сменять группу ДНД с улицы Бакланова. Заснеженные, усталые и веселые вышемирские дружинники встречали нас радостно.

— Нормально все было, гада одного только с нудистскими очками поймали, извращенец хренов, на баб наших пялится хотел! — пояснил Атрощенко — один из ветеранов Балканской войны с улицы Бакланова, командир группы. — Удачи вам, мужики! А мы по домам… В баньку охота сил нет!

Они свои сутки оттрубили, им пора было домой, к женам и детям, в заводские цехи и конторы, к мирной, самой обычной жизни. Кравченко переговорил с комгруппы, провел ревизию бетонного пакгауза и укреплений из бетонных же блоков и мешков с песком. Земляки уже махали нам из кузова, их командир, хрупая подошвами по снегу, подбежал к кабине, влез на сидение рядом с водителем. Грузовик посигналил и укатил, и мы остались у моста.

— А что такое нудистские очки? — спросил какой-то молодой пацан, кажется — из соседнего дома.

— Дык! Елы-палы! Смотришь на бабу-ска — и через одежу-врот цыцки видно, га! — объяснил кто-то из снага.

* * *

Честно говоря — было холодно и скучно. Машин мимо проезжало не так чтобы очень много, да и арка сканера, установленная над шоссе, позволяла не тормозить каждую встречную-поперечную легковушку. Водители с вышемирскими номерами сигналили нам одобрительно, махали руками, здоровались со знакомыми. Остальные — замедляли ход, осторожно проезжали под прицелом десятка автоматных стволов.

Аристократы на дорогущих люксовых электрокарах или сервитутские жители бес знает на чем — эти явно злились, но ничего поделать не могли: мы были в своем праве, трасса Гомель-Брест относилась к трактам, находящимся в государевой юрисдикции, и по ней мог ехать кто угодно, а вот дорога на Вышемир — обычная, земская, и распоряжаются ей уездные власти. Так что будьте любезны, следуйте земским правилам, главное из которых… Да, да, про чудовищность и однообразность. Иногда выстраивалась очередь из машин, и кто-то из нас подходил к водительской дверце:

— С какой целью следуете в Вышемирский уезд?

Реакции были самые разные:

— В Мозырь еду! Мне ваш Вышемир и нахрен не нужен! — сердито ворчал молодой кхазад.

— К Солтанам на прием, я — Грахоцкий! — возмущался усатый-волосатый седой мужчина с таким видом, как будто он как минимум светлейший князь, а не застенковый шляхтич на потрепанном электрокаре с жуками по кузову.

— В Пинск, мимо… А что тут у вас, мужики, какой-то кипишь? Случилось что-то? — с искренним интересом спрашивал отец семейства в видавшем виде минивэне.

— А что, хлопцы, может вам шоколаду? Я на магаз к себе везу, вам по плитке дам! Я ж вышемирский, знаете «Сладкоёжик»? Во! Эт мой магаз! Я в четверг на дежурство, в дружину! Давайте, давайте, открывайте багажник! О, йопта, Зборовский? Да ну нафиг! Предводителю — две шоколадки! Власть с народом, и народ — за такую власть! — суетился местный предприниматель.

В общем — с одной стороны разнообразно, с другой стороны — однообразно.

А потом раздался визг шин, и мы увидели, как по мосту с дикой скоростью несется белый мощный электрокар, чем-то напоминающий наш, земной «крайслер». Такой же мордатый и прямоугольный, респектабельный и внушающий уважение. Грохотали басы — из салона авто несся зубодробительный тяжелый рок.

— Полундра-а-а! — крикнул Кравченко. Он в свое время служил в морпехах.

Так или иначе — мы его прекрасно поняли. Дружинники, которые были на улице, занимали позиции за мешками с песком, выставляли автоматы в амбразуры бетонных укрытий. Из пакгауза выбегали бойцы отдыхающего десятка.

Кравченко взмахнул жезлом с катафотом на конце, призывая машину остановиться. Мы с Шифером стояли рядом с ним, в качестве силовой поддержки, снага во главе со Зборовским уже готовились выкинуть на проезжую часть ленту с шипами — уж больно борзо и лихо давил на газ водитель белой электрической колесницы. Хотя в электрической машине — какой газ? В любом случае, я до последнего гадал — остановиться или так и проскочить арку сканера?

Стоило только мощному рылу авто продвинуться на пару сантиметров за сканер — арка замигала огоньками как новогодняя гирлянда, заверещала сигналка — от машины фонило магией.

— А й-о-о-оп… — снага швырнули ленту, мужики приложились к автоматам и уже вот-вот мог разразиться ад, но — благоразумие у водителя возобладало и псевдо-крайслер остановился в самый последний момент.

— Подойдем? — кивнул нам Кравченко.

Он знал, что я — нулевка, и что у Шифера под бушлатом какая-то невероятная гномская кираса, чуть ли не с Магнитки. По сравнению со снага в ватниках мы оба были куда как хорошо защищены! Пока наша троица шагала в сторону машины, оттуда уже полезли водитель и пассажиры. Очень характерные и очень пугающие пассажиры, если честно!

Честно говоря, последнее, что я ожидал увидеть — это троих бесовых черных уруков в меховых безрукавках и кожаных штанах. Уруки — это всегда беда. Дас ист катастроф, как сказала бы Ингрида Клаусовна. Она бы еще добавила про бледный вид, точно.

Каждый из этих чудовищно здоровенных диких молодчиков — настоящий Конан Варвар и кхал Дрого под одной обложкой. Мощные, как удар молотом по черепу и резкие, как свист серпа у тестикул. На шеях их побрякивали ожерелья из клыков, амулетов и, кажется, сушеных пальцев, кудлатые черные гривы развевались на морозном ветру, на запястьях красовались широкие бронзовые браслеты, а высокие сапоги типа байкерских оставляли в снегу обочины глубокие следы. Еще бы! Эти гиганты весили каждый по полтора центнера, не меньше, и росточком их Боженька наградил соответствующим — явно более двух метров… Да и физиономии у них выглядели, прямо скажем, преестественно!

Дяденька в красивом белом пальто на их фоне явно терялся.

Нормальный в целом был дяденька — лет тридцати пяти, ухоженный, даже красивый, но — нервный. Почему нервный? Так у него глаз дергался, и пальцами он постоянно шевелил. Я моргнул — и одними губами ругнулся: это был маг! Эфир вокруг него так и бурлил! «Штось калдует!» — сказала бы баба Тома.

Уруки остановились, пропуская его вперед и обозначая главенство мага. Скорее всего, звероватые ребята подрабатывали наемниками-телохранителями — вон как глумливо скалились и перемигивались. Будь он их взаправдашним лидером, силу которого эти самые страшные из орков признают — спрятали бы свои оскалы куда подальше.

Их только и исключительно денежная, а не идейная заинтересованность немного упрощала дело, но не очень.

— Это что за произвол? — дядечка в изящном белом пальто сунул руки в карманы. — Какое вы право имеете…

— Добровольная Народная Дружина Вышемирского уезда, командир группы Кравченко, — ничтоже сумняшеся откликнулся Кравченко и взмахнул жезлом. — Решением Земского собрания у нас объявлено чрезвычайное положение в связи с ухудшением криминогенной обстановки и увеличением числа магпреступлений. У меня имеется приказ за подписью предводителя — досматривать все машины, при обнаружении магов и магфона — регистрировать фамилию-имя-отчество, цель визита в Вышемир и предлагать добровольно перевести идентификационный браслет в режим передачи геолокационных данных с целью установления…

— Так! — перебил Кравченку маг. — Во-первых — обращайся ко мне ваша милость, я — аристократ. Во-вторых — у меня в Вышемире дело личного характера, и ни перед кем я за это отчитываться не собираюсь, и в-третих…

Он снова пошевелил пальцами, потом — глянул на уруков и закончил:

— … в-третьих, вы не сможете мне помешать. Да и не захотите.

Кравченко шагнул назад и махнул рукой. Заклацали затворы автоматов, уруки ощерились — в их руках быстро, как по мановению волшебной палочки появились страшные орочьи мечи — карды, те самые, похожие на кочерги, с зубом.

Обстановка накалилась. Бес его знает, двадцать автоматов против трех уруков и одного мага — этого хватит или нет? Без потерь с нашей стороны — точно не хватит… Я видел, как воюет Бахар Двухголовый, я представлял себе возможности магов — и потому шагнул вперед, закинув автомат за спину.

— Разрешите вас на пару слов, ваша милость? — проговорил

я максимально вежливо. — Будьте так любезны. Есть один нюанс…

Его милость поднял бровь. Мое обходительно обращение понравилось ему гораздо больше, чем сытое металлическое клацанье затворов. Он даже сделал некий успокоительный жест своим охранникам, так что они слегка расслабились, не переставая при этом пучить на нас свои бельмища. Я шагнул к нему близко-близко. Маг выжидающе смотрел на меня.

— Нынче у нас настали такие времена… — начал говорить я тоном былинного сказителя. — Такие времена, что дела личного характера в Вышемире у всякого неизвестного местным властям мага представляют опасность для общества, и ежели такой маг на сотрудничество не идет — то за ним начинают следить весьма пристально…

— Вы мне угрожаете? — искренне удивился маг. — Мещане угрожают полноценному магу? Вы знаете, кто я?

— Нет, но очень хотим узнать, ваша милость. Назовите вашу без сомнения благородную фамилию, ваше не менее благородное имя и весьма достойное отчество, и цель визита. Или — сворачивайте на тракт и езжайте куда угодно…

— Ты еще не понял, господин хороший? Я не собираюсь! И никто из вас не сможет…

И тут я — цап! — и ухватил его за запястье.

— Однако, смогу, — говорю. — И захочу.

Его лицо вдруг подернулось странной рябью, черты поплыли, стали трансформироваться, менять форму… Выглядело это очень странно, но руку я его не выпускал. Вдруг его физиономия точь-в-точь скопировала мою:

— Однако! — проговорил рыжебородый молодой мужчина с нехорошим прищуром. — На случай встречи с нулевками и тому подобными типами я и взял с собой друзей.

Я понятия не имел, что за существо сейчас ухватил за руку, но в голову приходили в первую очередь допплеры Сапковского — метаморфы, которые могли копировать внешность кого угодно. Если честно — я растерялся. Он на это и рассчитывал, точно. Вот только не учел, что мне уже приходилось общаться со своими альтер-эго, и что они могут вырваться из-под контроля, если я этот контроль ослаблю.

— А НА ЭТОТ СЛУЧАЙ ТЫ КОГО С СОБОЙ ВЗЯЛ, ГРЕБАНЫЙ ТЫ КОМЕДИАНТ? — из моей глотки раздался страшный драконий рык, а глаза заполыхали огнем.

Благо, мужики моей рожи в этот момент не видели. А вот уруки — видели. И реакция их была весьма неожиданной.

— Гарн! — почесал себе мечом затылок один. — За гхаш-

тарг?

— Мал? — удивился второй.

Они казались сильно озадаченными. И явно — по моему поводу.

— Да вот, этот чел! — ткнул кардом в мою сторону третий. — Гля!

Я не растерялся — и ухватил мага за второе запястье. Так надежнее. Теперь не наколдует особо! В тот момент я и забыл про негатор у Кравченки в кармане, если честно, больше рассчитывал на свои способности нулевки, а точнее — на их полное отсутствие.

Уруки меж тем, очевидно не переживая за судьбу своего нанимателя, принялись громко и переговариваться на черном наречии, перемежая его вполне понятными русскими словами, а потом тот, что чесал башку мечом, как-то задумчиво пророкотал:

— Слушай, твоя милость, давай — иди это… Напиши им там все, чего они хотят и натыркай в своем этом браслетике. Или мы поднимаем оплату за найм. В связи с возникновением обстоятельств форсмажорного характера. Не, мы от найма не отказываемся, но пункт номер двенадцать ты читал. Это как раз тот случай. Захочешь пояснений — мы поясним, это как два пальца обоссать. Десятикратную таксу потянешь — и мы ща-а-а тут кишки на деревьях развешивать начнем, душевно и лихо, и этого… Который гхаш-тарг — его тоже выпотрошить попробуем. Не победим — хоть сдохнем красиво и легендарно, ы-ы-ы-ы! Но за тыщу денег — это только как договаривались. За тыщу на троих — хлебальниками поторговать и охренительное впечатление произвести.

Лицо мага снова размылось. Сначала оно стало похожим на уручью рожу, потом — на лик Государя, потом — на личико распрекрасной авалонской эльфийки… А потом дядечка в красивом белом пальто сказал досадливо:

— Курбский моя фамилия. Ипполит Матвеевич. Так и запишите. В «Бегемот» еду, свидание у меня.

* * *

По сравнению с Курбским и уруками все остальные ситуации и конфликты на блокпосту уже казались какими-то пресными. Народ до конца дежурства пребывал в неком дуроватом возбуждении: все-таки целый маг-метаморф и три машины смерти — такое не каждый день увидишь! И мы их вроде как призвали к порядку и заставили играть по правилам! Молодцы?

Еще какие?

Конечно, мы связались с Холодом и рассказали ему о свидании в «Бегемоте», он обещал держать нас в курсе. И сообщили Криштопову — он обещал пригнать к «Бегемоту» ребят с гранатометами, и с негаторами — тоже, потому как о точных возможностях загадочного Курбского оставалось только гадать.

Обратно Ипполит Матвеевич с уруками на своем псевдокрайслере проследовали ближе к полуночи, и уруки корчили нам дикие рожи из окон, высовывали языки самым похабным образом и показывали неприличные жесты — персонально мне. Вот же бедовый народ! Совершенно понятно, почему у них такая высокая смертность в подростковом возрасте!

Грузовик со сменой — группой дружинников с улицы Ивана Грозного приехал утром. Их командир — молодой отставник-офицер, служивший во время войны где-то в Нахичевани — провел ревизию пакгауза и всего остального оборудования, переговорил с Кравченко, а потом, провожая нас, похлопал ладонью по борту грузовика. Традиция такая!

Заметно потеплело, начиналась оттепель. Грузовик шелестел шинами и покачивался, неспешно двигаясь к Вышемиру. Над утренней дорогой стоял туман, тент кузова мы отбросили и теперь пялились на заснеженные поля и теряющийся в дымке блокпост с земляками дружинниками.

— Когда мы были на войне,

Когда мы были на войне!

То каждый думал о своей

Любимой, или о жене! — затянул один из снага неожиданно чистым голосом.

Несколько человек подхватили:

— И я бы тоже думать мог,

И я бы тоже думать мог,

Когда на трубочку глядел,

На голубой её дымок…

Получалось у них, если честно, здорово.

Я откинулся на скамье, оперся затылком о борт и закрыл глаза, чувствуя, что начинаю задремывать, несмотря на пение соратников. Впереди меня ждал тяжелый день.

* * *

Глава 12
Девиантное поведение

Меня вызвали в военкомат — просто позвонили на мобильный, и вручили награду. Военком — средних лет, аккуратно подстриженный и гладко выбритый подполковник с танкистскими погонами земских войск пожал мне руку и сказал:

— Благодарю за службу! — и прицепил мне на лацкан орден святого Георгия Драконоборца четвертой степени. Подполковник оглядел меня стогим, но одобрительным взглядом и проговорил: — Насколько известно — за подвиги как раз на ниве защиты богохранимого отечества от драконьей напасти вам и третья степень скоро на грудь упадет. Но это уже по другому ведомству… Вы у сыскарей ведь работаете?

Мне — и Георгия Драконоборца! Однако, какая-то трагикомедия получается! Но вслух я ответил:

— Подрабатываю.

Похоже — имелся в виду почивший в Бозе от апоплексического удара тростью по голове Инлун Ао-Джун! Это что, где-то в верхах пересмотрели оценку событий? Теперь Пепеляев — молодец, а не Чарторыйский сотоварищи? Тут я едва сдержался, чтоб не выматериться, пожал руку военному комиссару, и быстро-быстро покинул стены казенного здания на улице Земской. И орден в карман спрятал — пусть это и нарушение статута. Ясе потом покажу, посмеемся вместе над дурацким каламбуром, а так — награда эта Гошина, не моя.

— *Я и есть ты,* — вдруг раздался тихий шепот.

— Гоша? — моему удивлению не было предела.

Что-то слишком много событий для одного дня! Это его так общение с менталистом раздухарило, что скромняга решил высказаться вне Чертогов Разума? Впервые за все эти месяцы!

— *Мне нравится все, что ты делаешь. Я бы и сам делал то же самое. Если бы у меня было такое бешеное желание жить, как у тебя — я бы был точно таким же, как ты. Все мое — твое, все твое — мое. Орден — твой! И третья степень будет тоже — наша.*

— ГЫ-ГЫ-ГЫ! — сказал дракон. — ХРЕНА С ДВА У НАС БЫЛ БЫ ОРДЕН, ЕСЛИ БЫ ЧАРТОРЫЙСКОМУ НЕ ПЕРЕЛОМАЛИ ВСЕ КОСТИ И НЕ ЗАПИХАЛИ ЕГО В КОЛЕСО!

— Так, все, кончаем бардак внутри общей черепной коробки! — прошипел я. — Куча дел впереди!

— ЗА ВОДКОЙ ЗАЕХАТЬ НЕ ЗАБУДЬ! — снова подал голос

дракон. — СОСЛУЖИВЦЫ ОЦЕНЯТ!

— За алкоголь у нас Радзивилл отвечает, обещал все организовать… — неуверенно проговорил я. — Но в магазин, наверное, нужно зайти, да… В конце концов, коту и псу чего-нибудь купить, рыбки там копченой, костей мозговых. Сотрудников иногда надо баловать! Да и сослуживцам сладенького возьму.

Олежа Мельник, Дядька и Чума уже собрали команду из ветеранов Поискового батальона и с самого утра выехали из Мозыря в сторону Горыни. Старый Христофор Радзивилл в теле молодого Кшиштофа готовил им подробный план подземелий, а Тимофей Васильич Табачников и Клим Комиссаров — шустрили по поводу кормежки. Так что я, покинув военкомат, все-таки двинулся в сторону магазина — продукты лишними не будут, да и вообще — несколько бутылок крепкого, пожалуй, стоило взять. И каких-нибудь консервированных фабричных рулетов со вкусом клубничного ароматизатора или маленьких бисквитиков, от которых печет в горле из-за обилия в них стабилизаторов и эмульгаторов. Была такая тема в Поисковом — есть всякую сладкую гадость после удачного рейда, так что пацаны точно оценят!

Пока я бродил меж продуктовых рядов, радуясь царящему на полках изобилию, за мной ходил какой-то тип в панамке. И пялился на меня. Корзинка его была пуста, он как кретин шатался следом и посматривал, посматривал — то искоса, то в упор, то через зеркала витрин. А потом — трусцой побежал на выход, бросил корзинку, вышел на улицу и остался стоять у дверей, разглядывая меня через окно.

— Это что — местный болящий какой-то? — спросил я у продавщицы.

— В первый раз его вижу. Здравствуйте, Георгий Серафимович! — улыбнулась мне работница торговли. — А я — мама Толи Морковкина! Он вас очень любит и только хорошее про вас рассказывает. Он начал смотреть исторические фильмы, представляете? И нас с мужем подсадил…

На моем лице появилась дурацкая улыбка. Ну вот именно поэтому я и считаю, что быть педагогом — это лучшая работа в мире!

— Я их тоже очень люблю. Хороший парень ваш Толя, ему бы только терпения и внимательности… — кивнул я, и принялся складывать вещи в рюкзак. — Большое вам спасибо, подняли мне настроение! Всего хорошего!

Тип за дверью все так же бесцеремонно меня разглядывал. Какого беса ему надо? Я так и спросил, когда вышел из магазина:

— Тебе какого беса надо? — лицо его казалось знакомым.

— Крылатый владыка!!! — заорал он вдруг и бухнулся на колени, пытаясь обхватить мои ноги руками. — Забери меня с собой! Я пройду сквозь злые ночи! Я пойду туда где ты…

— Гос-с-с-поди Иисусе! — я отпрыгнул в сторону. — Дяденька, у вас все в порядке?

Бить егобыло жалко, но по всему его виду становилось понятно: просто так не отцепиться. В голове у него давно ум за разум зашел.

— … нарисуешь в небе солнце! Где разбитые мечты обретают снова силу высоты! — наконец до меня дошло, что он такое орет, и я почувствовал, как хрустят у меня в мозгу шестеренки.

Откуда городской сумасшедший знал песни Аллы Борисовны? Он уже попадался мне — на улицах и в парке, клянчил деньги, чего-то еще хотел… Парень с серьезной придурью. И вообще — в его устах слова известной в свое время песенки звучали как строчки из черной мессы, не меньше…

По тротуару уже бежали крепкие мужчины в оливковых бушлатах и с красными повязками — народная дружина бдительность не теряла! За амнистированных психов взялись крепко: стоило им вот так вот громко проявить себя на людях, и скорая вместе с дружинниками и милицией мигом определяла их в изолятор. Под него переоборудовали бывшее общежитие керамико-трубного завода, поскольку сам завод давно простаивал, и эта жилплощадь сомнительного качества — тоже.

Сумасшедший заметил погоню, попытался еще раз подползти ко мне на коленях и чуть ли не поцеловать в ботинок, но потом подскочил и огромными прыжками помчался по тротуару, распугивая прохожих:

— Я ищу среди снов безликих тебя! — кричал он, время от времени оборачиваясь на меня, и рукава его безразмерной куртки развевались на ветру в такт шагам. — Но в двери нового дня я вновь иду без тебя!

— Здра-а-асте! — притормозили дружинники возле крыльца магазина. — Что, псих атаковал?

— Ага, — не стал отнекиваться я. — На колени передо мной бухнулся…

— А вы…

— Пепеляев, Георгий Серафимович, — я полез за паспортом. — Школьный учитель!

— Это тот препод, слышь, Иваныч! Про которого в газете писали! — ткнул локтем в бок одного дружинника другой. — Ну, мы милицию вызвали и санитаров тоже, побежим догонять! Счастливенько!

И они побежали за психом, а псих побежал от них.

— Дурдом какой-то, однако! — сказал я и пошел к «Урсе».

— ПРИВЫКАЙ, — усмехнулся дракон. — ОТ ТЕБЯ У МНОГИХ БУДЕТ КРЫШУ СНОСИТЬ, ОСОБЕННО У ЭТИХ… С ТОНКОЙ ДУШЕВНОЙ ОРГАНИЗАЦИЕЙ. ЧУЮТ, С КЕМ ДЕЛО ИМЕЮТ. НА УРОВНЕ ВИБРАЦИЙ.

— Вроде солидная тварь, настоящий дракон, а тоже — туда же, — буркнул я, сунул продукты на заднее сидение и полез на водительское место. — Говоришь как просветленная деваха с профиля на «Пульсе»! Душевная организация, вибрации… Ты б еще к тарологу обратился или звездограмму составил. Фу!

— САМ ТЫ — ДЕВАХА! — обиделся дракон и молчал все время, пока мы ехали до Горыни.

* * *

Геодезисты с нивелирами, треногами и бес знает с какими еще приблудами стали первыми, кого я встретил на пути к усадьбе. На проталинах от сырой земли поднимался пар, тут и там виднелись полосы снега, с деревьев капала талая вода. Землемеры негромко переговаривались, что-то помечали в планшетах, двигали свои приспособления.

Рядом с парой погруженных в работу специалистов выплясывал Комиссаров, высунув язык и виляя хвостом. Песьеглавец все норовил заглянуть к ним в документы, понюхать карты и облизать объектив большого желтого прибора, который я по скудости своих познаний в этой области обозвал нивелиром.

— Хозяин! — обрадовался Клим и рванул наперерез «Урсе».

Мне пришлось открыть ему пассажирскую переднюю дверь и он влетел туда со всей своей собачьей мочи.

— Триста гектаров! Это мы теперь вдвое счастливей будем! — заорал он. — Там зверья просто уйма! Там на одной древесине можно деньгу срубить не-вер-р-р-роятную! Хозяин, ты кого убил, чтоб тебе такое прирезали?

— Кого прирезали? — не понял я.

— Землю! — снова заорал Комиссаров.

— Ты сдурел от радости, что ли?

— А? Да! — гавкнул он. — Я ж теперь вокруг озера круги нарезать могу, по озеру — плавать, и вообще — ух, заживем!

— Там будет центр паллиативной виртуальной медицины, — пояснил я, аккуратно выруливая на грунтовку, которая вела к усадьбе. — Минимум гектаров десять займет.

— Какой-какой поливательной вертельной медицины? —

помотал Комиссаров мохнатой башкой недоуменно. — А зачем она нам? Нам и так хорошо! Лес! Зверье! При-ро-да!

— Природу мы сохраним. Но десять гектаров придется выделить.

— Давай там, где ржавые склады? — предложил он. — Все равно ничего нормального не растет, только хвощ и прочее гав… Гав! Гав-ни-ще!

— Какие склады? — удивился я.

— Так Ходкевич тут раньше свою дружину держал, говорят. Лет пятьдесят назад. Вояки квартировали, техника стояла, они шагали стройными рядами нагав… Гав! На-гав-но! На-гав-но-гу! Вот! Большие склады. И казарма. Думаю, эту территорию тебе тоже прирежут. И домик охотничий… Но его мы не отдадим. Он… Он это… Р-р-рар! Раритет! Хозяйке понравится! Пока усадьбу не починим — там жить можете!

— Однако, стоп! Хватит, Комиссаров, я уже потерялся от такого обилия информации! — запросил пощады я. — По толку скажи: пацаны мои приехали?

— Приехали! Набухали Котофея, накурили Радзивилла, сейчас с дедом в прятки играют! — скорбно потряс головой пес. — А мне дали мясо с табаско. Я столько много съел, что теперь когда пержу — у меня в жопе печет.

— К-какие прятки? — выпучил глаза я. — С каким дедом? Причем тут табаско? И не смей пердеть в машине!

— По всему лесу… — печально сообщил песель, загадочно помахивая хвостом. — С Вишневецким дедом, с каким еще? Зверье распугали, орут матерно.

Я ничего не ответил — только выбил на руле барабанную дробь ладонями. Умеют же некоторые развлекаться, а?

* * *

Над дорогой, на ветке, вниз головой, зацепившись под коленками, болтался Вишневецкий — на высоте метров десяти. Его седые космы свисали, на лице отражалось полное довольство жизнью. По обочине, у самой колеи, крались Чума и Дядька, внимательно осматривая кусты и не глядя вверх. Уже смеркалось, так что я ехал с включенными фарами — и их лучи выхватили из темноты силуэты этих двух матерых поисковиков.

Остановив машину, я опустил стекло и спросил:

— Потеряли что-то? Может помочь?

— О! — обрадовался Дядька. Его дикая рожа приобрела радостное, благодушное выражение. — Пепел! А мы деда этого

ищем!

— Вот этого? — кивнул я им за спину.

Мужики резко обернулись: дед висел вниз головой уже близко-близко к земле, как он сумел тихо, легко и непринужденно переместиться на четыре ветки вниз — загадка, но его совершенно невозмутимое лицо и седые космы, похоже, произвели на моих бывших сослуживцев-поисковиков самое яркое впечатление: Чума тут же ушел в перекат, выхватывая невесть откуда взявшуюся лопатку, а Дядька — он дал деду прямо в морду, и заорал:

— А-А-А-А-А!!!

В смысле, съездил по княжеской физиономии. Очень крепко, так, что Вишневецкий слетел с ветки и ляпнулся на обочину ничком. Я мигом выскочил из машины и рванул к нему. Все-таки Иеремия Михайлович мне кто-то типа тестя и крестного отца одновременно, боязно за него!

— Обожаю нулевок, — глухо прозвучало где-то под растрепанными седыми космами. — Не то что дурацкие маги. Интересно с вами! А это кто там приехал — Пепеляев? Дай мне руку, Пепеляев! Мне впервые за пятьдесят лет кто-то съездил по роже, понимаешь? Это замечательное ощущение, я просто как молодой, честное слово! Сейчас бы каши манной навернуть и в кроватку — совсем лепота была бы!

Вишневецкого мы подняли втроем. Дядька — он же Пинчук — тревожно всматривался в лицо его светлости. Прогнозы были неутешительные: Вишневецкий поимеет себе большой и красивый бланш под левым глазом! С другой стороны он маг и несусветный богач — залечить травму для Иеремии Михайловича — плевое дело, но захочет ли?

— Михалыч, это самое… — поисковик растерянно развел руками — Я перепугался, понимаешь? А я когда пугаюсь — дерусь как черт… Мне баушка еще когда я в садик ходил говорила: «Кали бачыш нешта страшнае — лупи яго дрынам!»

— Познакомишь? — вдруг подмигнул князь, внезапно ставший Михалычем. — Сколько лет бабуле? Моя весовая категория? Харизматичная, должно быть, женщина! А из себя какая? Симпатичная бабка-то?

— Миха-а-алыч! — Дядька рассмеялся. — Ну о чем разговор вообще? Нет, мировой он мужик, Пепел, слышишь? Посмеешь его уволить — я его к нам устрою, на склад! Олежа точно одобрит!

— Уволить? Йа-а-а? — у меня глаза на лоб полезли.

Вишневецкий корчил страшные рожи и всячески делал мне невербальные намеки, чтобы я не смел раскрывать его инкогнито.

— Да понятно — не уволишь, — подошел Чума, который уже

спрятал лопатку в чехол, хитро закрепленный на пояснице. — Таких антикваров еще поискать… И этот его — младший сотрудник, тоже большой специалист, хотя на дыхалку и слабый.

— Так, ребята! Я конечно рад вас видеть, и все такое, но — мигом признавайтесь: чем вы напоили Котофея, и чем накурили Христофора? — я уже и не знал, какой еще дребедени наговорили старики-волшебники поисковикам, и потому держался осторожно. — И что за дичь вы тут устроили?

— Валерьянкой! — честно признались поисковики. — И того, и другого! И это не дичь! Мы просто в отпуске!

— Однако! — только и смог сказать я.

* * *

В общем, к работе по изъятию ценностей из склепа мы приступили только через три часа, потому как обстановка в усадьбе к немедленной продуктивной деятельности не располагала. Она вообще мало к чему располагала, и я никак не мог отойти от ощущения нереальности происходящего: после удивительных приключений во время курсов повышения квалификации, бесконечной суеты в школе и напряженных суток на дежурстве в ДНД у моста, местный театр абсурда мозгом не воспринимался.

Старый Радзивилл в теле молодого спал на древнем потертом диване, как говорится, без задних ног, и храпел в ритме старинного вальса. Табачников сидел на подоконнике и орал дурным голосом песни под гитару, что-то про большую любовь и месяц март. В воздухе витал отчетливый запах валерьянки. Мельник и еще четверо незнакомых мне поисковиков-нулевок — возрастом постарше, служивших в батальоне явно на десять или пятнадцать лет раньше, чем я, пили какое-то очень крепкое и густое вино из граненых стаканов и резались в нарды, громко называя выпавшие значения на кубиках почему-то по-персидски:

— Шеш-беш!

— Чари-ду!

— Сэ бай ду!

— Пянджи-як!

— Пепел пришел! Выпьешь?

Хорошо хоть карту нашли, с пометками, которую Николай Христофор Радзивилл Черный составил накануне, до того как угасился валерьянкой. Я уже бывал внизу, так что о расположении галерей и переходов представление и имел, да и составленную гоблинами-проходчиками схему видал. Но на

радзивилловой карте была не одна, а две окружности! И условные обозначения, и легенда карты прямо свидетельствовали о том, что если первая, ближайшая ко входу, действительно служила склепом, то наружная выполняла роль чуть ли не склада стратегического резерва.

— Орудия? Порох? Зерцала? — читал Чумасов с вопросительной интонацией. — Это что такое вообще? Откуда? О — казна! Казна — вот что нам нужно!

— Януш Радзивилл Рыжий, получается, — совершенно нормальным голосом произнес Христофор Радзивилл с дивана. — Это его запасы. Когда он готовился к унии со Швецией и мечтал наше княжество Карлу Густаву Шведскому под руку отдать — то много где такие захоронки делал. Но тут — главная! Те славные шляхтичи, которых ты в подземельях успокоил должны были войти в его войско. Он много откуда гробы с покойничками стаскивал, со всех земель Жемайтии, Аукштайтии, Руси Белой, Руси Черной, Красной и Малой! Готовился! Ежели бы не казаки Хмельницкого — жили бы сейчас под шведами…

Действительно, тут события Хмельниччины и следующей войны России с Речью Посполитой выглядели намного иначе. Тут «Кровавый Потоп» середины семнадцатого века тоже случился как война трех держав — Речи Посполитой, Швеции и России — но восстали не казаки, а магнаты и шляхта, и главным лейтмотивом стало не присоединение Левобережной Украины к России, а попытка великокняжеской аристократии сменить хозяина и добиться возвращения «Золотых вольностей», и желание Польши этим воспользоваться.

— Но что казна, что вещички — все старательно зачаровано и защищено боевыми артефактами, — добавил Радзивилл, привставая на локтях. — Мой внучатый племянник в этом плане был очень дотошным паном.

— Ну, на чары нам, пожалуй, плевать, — наконец, отвлекся от нард Мельник. — А вот каким образом Януш Радзивилл Рыжий, который жил в семнадцатом, дай Бог памяти, веке, может быть твоим внучатым племянником — это надо прояснить.

И все нулевки-поисковики синхронно повернули голову в нашу сторону.

* * *

Глава 13
Внебюджетное финансирование

Конечно, тот факт, что корнем валерианы пополам с табаком накурили самого настоящего лича пятивековой выдержки, поисковиков впечатлил. Да и личность древнего духа внушала — Николай Христофор Радзивилл Черный был фигурой довольно известной в княжестве. Что характерно — именно из-за своей просветительской деятельности. Даже колледж один в Бресте в честь него назывался.

Но в принципе сам по себе казус особого удивления не вызвал:

— Попаданец из прошлого, получается. Бывает! — пожал плечами Мельник и повернулся к Радзивиллу: — Ты главное Пепеляева держись, Христофор. Серафимыч — он мужик правильный и интеллигентный, пояснит чего и как в нашем нынешнем ёпществе. А то впросак попадешь и за дурня сойдешь, нынче правило «магам можно все» не работает… А Кшиштоф-то, который до тебя в этой черепушке обитал — он, говорят, тот еще сукин сын был, так что вообще не жалко. Небось его черти сейчас кочергами в аду сношают.

Вот это меня в местной ментальности восхищало: абсолютная уверенность в том, что человеческое сознание — или душа, если угодно — это совершенно отдельное, пусть и связанное с телом явление. Они ни капельки в этом не сомневались, как не сомневались и в том, что после смерти жизнь продолжается. Может — дело как раз вот в таких вот попаданцах?

— А Михалыч? — покосился Дядька на Вишневецкого, который снова что-то ел, набив полный рот. И как это у него получалось — вниз головой? — Он тоже — попаданец? Откуда?

— Нет, это просто князь крови, суверенный принц и светлейший князь Збаражский — Иеремия Корибут-Вишневецкий, — пояснил я как можно более безмятежно. — Дед моей невести. Он притворяется что сумасшедший, но точно уверенным быть нельзя. Говорят, он так от обязанностей главы клана отлынивает.

— Ять, — почесал голову Чумасов. — Ты втравил нас в какой-то блудняк! Личи, принцы, попаданцы… Сам-то ты хоть…

Я только тяжко вздохнул, а потом очень неуклюже спрыгнул с темы:

— Тут, джентльмены, не то что блудняк — тут полный аллес капут. Такой замес что сил нет, работы очень много впереди! Сразу всего рассказать не могу, но… Много денег понадобится.

Очень много. И много верных людей. Вы уже знаете, что я вроде как снова аристократ, и это все, все пятьсот гектаров — это моя юридика теперь, здесь можно развернуться… Нужна база для ваших грузовиков — Бога ради, нарежем вам место под парковку, гараж и станцию техобслуживания! Хотите ко мне в вассалы — приму. Даже по гектару на брата выделю, под приусадебное хозяйство, отстроитесь. Не хотите — контракт подпишем, честь по чести… На один день, на месяц, на год — как угодно. Ну и вот это вот наше будущее изъятие ценностей из подземелья с нейтрализацией нежити и игнорированием ловушек — про него мы тоже как-то не договорились. Какая такса, джентльмены? Как работать будем?

— Э, брат, падажжи! — один из любителей игры в нарды, чернявый мужик лет сорока, самой южной наружности, вдруг вскочил со своего места. — Ты же наш Пепел, да? Я — Шеш-Беш, в две тысячи восьмом дембельнулся из Поискового, в последнюю Балканскую добровольцем шоферил… Ежжи вот это вот — братство нулевок там, то, сё… Слушай, дорогой, а если… Просто вот подумай над этим: если тут сделать дом родной для нулевок? Там привилегии какие-то, то, се… А то у всех вот оно есть, а у нас вот его нет! У эльфов — Ород-Рав на Байкале, у гномов — Магнитка, Железногорск, еще что-то где-то, у цивильных — вся земщина! У магов — юридики ежжи! А можем мы — нулевки где-то чувствовать себя как дома? Ну чтоб больничка была специальная, где нашу нулевочность учитывают, свой клуб какой-то, где посидеть вот так вот, в нарды сыграть, что-т обсудить… Чтоб общага какая-то где кости можно кинуть, отдохнуть, чтоб свое движение, только для самых близких, а?

Я стоял и хлопал глазами. Ничего себе — спич на злободневную тему! Оно и в голову не приходило, что нулевки себя как-то выделяют из массы народа, чувствуют свое единство и общность вне узкого братства ветеранов Поискового батальона… А ведь по сути — это отдельная социальная группа! Тонкая прослойка между магами-аристократами и простолюдинами-цивильными, которая вполне может чувствовать дискриминацию — ведь даже распоследний цивильный из земщины чисто теоретически может поехать в сервитут, нанять лекаря или купить зелье регенерации — и вылечить, скажем, онкологию! А нулевка — нет.

— О! — сказал Вишневецкий, прогуливаясь по потолку. — И это самое… Дом отдыха для уставших архимагов. Ретрит! Когда рядом нулевки — душа отдыхает! Возможность получить в рожу невзирая на социальное положение и не-ве-ро-ят-ну-ю магическую мощь — это прям рас-пре-крас-но!

Онкологию, получается, вылечить нулевка у себя не может, но зато дать в зубы тому, кто может — это запросто! Вот такой вот пердимонокль получается…

— Так! — я с удивлением обнаружил, что поисковики неожиданно оживленно восприняли слова Шеш-Беша. — Об этом стоит конкретно так подумать. Идея впечатляющая, я и не думал о таком, но… Но мне нравится! И нам, определенно, понадобится больше земли. И больше денег. И — заявить о себе, чтобы леди и джентльмены нашего роду-племени съезжались к нам со всех концов богохранимого отечества! Поэтому — займемся тем, что лежит у нас под ногами. Перебьем нежить, достанем ценности, наши вельможные и ясновельможные антиквары проведут оценку добытого, и имея перед глазами табличку с примерными суммами уже будем планировать траты и точки приложения сил. Одно скажу точно: рабочих мест для нулевок, да еще и с боевым опытом, и с командирской жилкой скоро будет чертовски много… Давайте так: за сегодняшний выход возьмете себе каждый по одной вещице. Хоть саблю панскую, хоть кубок с брильянтами, хоть бочонок с порохом. А там — разберемся.

— Погнали в данж! — оживились поисковики. — За дело, браты! За дело!

Мигом на головах у них появились каски, на лбах — фонарики, в руках — лопатки. Бронежилеты, наколенники, налокотники, прочные перчатки, светошумовые гранаты и химические фальшфейеры — все у ребят оказалось с собой, в рюкзаках! У меня, впрочем, тоже. С ними было легко — одним миром мазаны, одну школу прошли…

— А Христофор? — спросил Чума. — Лич с нами не пойдет?

— Кур-р-р-ва пердолена, — отмахнулся лич. — Я уже не лич! Я — Христофор, живой и здоровый, и молодой. И хрен у меня теперь стоит, и сила в мускулах имеется, и вкус еды я ощущаю — и сие дуже добре. Но с вами не пойду. Я там столько времени просидел, с таким трудом выбрался, что ну его к дьяволу! Карта есть, зомбей там немного осталось — ваш Пепеляев их здорово накрошил в первый свой визит, так что справитесь! Главное, тащите все сюда, мы с Ярэмой будем разбираться с трофеями.

— Найдите мне, пожалуйста, красивый череп, — попросил Ярэма — он же Иеремия Михайлович. — И принесите. Можно с мясом и волосами, это не беда. Я его выскоблю и себе сделаю чашу, буду из нее пить кофе и бесить жену.

— Лады, Михалыч, выберем самый изящный и крупный! — и глазом не моргнул Дядька. — Пошли, что ли?

И мы пошли.

* * *

— Н-на! — лопатка одного из поисковиков-ветеранов резким ударом отсекла руку зомби по локоть.

Мертвец недоуменно взвыл, шатнулся в сторону, но нарвался на мощный выпад Шеш-Беша — острие его МПЛ сокрушило зубы и оторвало челюсть от серой хари древнего беспокойного покойничка. Пинок свалил зомби на землю, и по нему тут же отработали сразу три шанцевых инструмента, четвертуя его и отделяя голову от тела.

— Ну вот — снова черепушку испортили, — огорчился Чумасов. — Что Михалычу понесем?

— Найдется еще… Вот этот, например! Ты побачь, яки вялики! — Дядька-Пинчук ткнул окровавленной лопаткой в дальний конец коридора. — А ну иди сюда, падла!

Гигант в доспехах пошел нам навстречу, побрякивая железом. Интересно, а если бы его не окликнули — внимание на нас сей великан обратил бы или нет? Мы же нулевки! Он почти сгнил, на оплывшем лице виднелись яростно топорщащиеся усы, в руках сей рыцарь в ржавом зерцале сжимал длинный цвайхандер.

— Йа-а-а! — заревел этот мрачный тип.

Любопытно, а как он ревет? Легкие-то у него, небось, того! Тоже — сгнили!

— Немец, что ли? — поинтересовался кто-то из ветеранов.

— Йа-а-а пан Сбейнабойка из Песикишок герба Сорвиштанец! И я заберу вас с собой в могилу! — он воздел огромный меч в огромных руках своих, размахнулся и… — О, курва!

Цвайхандер застрял в потолке галереи!

— Мочи его! — заорали нулевки и кинулись лупцевать огромного зомби лопатками. — Черепушку, черепушку берегите!

Я даже и в дело вступить не успел, и это нам здорово помогло: из ниши в стене шагнул какой-то силуэт с топориком в руках, за ним — еще и еще…

— Джентльмены! — рявкнул я. — Тут еще есть! Хватит на всез

И кинулся в драку, пиная и разрубая лопаткой ходячих мертвецов. Без трости было несподручно, но я и с лопаткой справлялся. Тем более, вскоре подоспел Мельник, и мы с ним на двоих уделали тройку топористов в два счета. Топорников? Секироносцев? Как называются воины с секирами? С копейщиками, мечниками и лучниками все ясно… Но вот топоры — это целая терминологическая проблема.

— Чего задумался? Черепушка у нас, двигаем дальше! — поторопил меня Олежа.

— Однако, как правильно: топорники или топористы?

— Чего? Бр-р-р, тебе походу душно стало, да? Не дури мне голову, Пепел! Двинули, двинули!

Мы побежали по светящимся плитам пола, сплошь исписанным странными символами, миновали фиолетового цвета лучи, пересекающие коридор во множестве мест и, наконец, добрались до первого складского помещения. Хорошо быть нулевкой: плевали мы и на знаки с символами, и на колдовской огонь, и на волшебные лазеры с бластерами!

Ботинки наши стучали по каменным плитам пола, горячее дыхание вырывалось из легких, налобные фонарики освещали путь, руки сжимали черенки лопаток. Нас было много, мы были вместе, мы ни черта не боялись и нам все очень нравилось. Я всем своим нутром чувствовал: мужики поймали кураж!

— Ну — открывай! — поторопил меня Чумасов, когда мы, наконец, добежали до первой двери хранилища.

— В смысле? — удивился я. — Ключей у меня нет… Они, наверное, у Януша Радзивилла Рыжего остались! Но где ж мы его найдем? Он помер четыреста лет назад!

— Э-э-э… — все стали недоуменно переглядываться, а Шеш-Беш — он не растерялся.

Южанин достал из разгрузки брусок взрывчатки, прилепил его к створкам, сунул куда нужно детонатор и сказал:

— Всэх взарву, адын астанусь! — а потом осмотрел нас и нахмурился: — Чего непонятного? Русским языком говорю, настало время обратить тыл! Бегом за угол!

Мы ломанулись за угол, Шеш-Беш начал громко вести обратный отсчет по-персидски, как в нардах:

— Чари, се, ду, як… Бабах!

После того, как он сказал «бабах» — рвануло знатно, грохнуло так, что содрогнулось все подземелья, поднялись клубы пыли, мы принялись чихать и кашлять, а какой-то заунывный голос произнес:

— Кто-о-о нарушил мо-о-ой покой? — что-то зазвенело и запахло затхлостью. — Пся крев, вот я вас!

— Ненавижу призраков, — вздохнул Мельник. — Будет теперь за нами таскаться и нести всякий бред.

Призраки нулевкам серьезного вреда причинить не могли, поскольку в отличие от тех же зомби физический урон нанести были не в состоянии. А вот на психику давить своим нытьем — это да, это привидения практиковали. Если прицепиться какой-нибудь старинный зануда, который и при жизни тем еще нытиком был — это настоящее бедствие! Ни поесть, ни поспать, ни в туалет сходить по-человечески… Или наоборот — сходить, но

слишком быстро и очень не вовремя. Удовольствие ниже среднего, прямо скажем.

— Ладно, — проговорил я, отряхиваясь от пыли. — Пойду пообщаюсь с ним. В конце концов — может у него есть какие-то пожелания, жалобы и предложения? Может он вообще на тот свет уже хочет, а у нас есть шанс ему помочь?

— Гуманный ты, Пепел, до безобразия, — покачал головой Чумасов. — Я б до ближайшей церкви сбегал, зарядил патроны освященной солью и гонял бы падлу по всем подземельям до морковкина заговенья!

— Это потому что у тебя энергии много, нерастраченной, — цыкнул зубом Дядька. — Жениться тебе надо, Чума, и детишек завести. Двух, а лучше трех! Тогда такие дебильные предложения выдвигать не будешь! Тут до ближайшей церкви — восемь километров!

— А сам ты типа женат? — огрызнулся Чума. — Где твои детишки, Дядька?

— А я в многодетной семье вырос, у меня три старших и три младших! Я знаю о чем говорю! И вообще — у меня девчонка в Дрогичине, я денег насобираю и женюсь на ней! Танцорка, красавица!

— Она хоть рожу-то твою видала? Или ты ей только аватарку в «Пульсе» показываешь?.. — продолжил язвить Чумасов.

Пока они шутливо переругивались, я двинул к взорванной двери. Вынесло ее всерьез, вместе с косяком, Шеш-Беш армейские навыки минера явно не потерял. Створки унесло куда-то внутрь древнего хранилища, в дверном проеме размахивал руками призрак: классическое такое привидение в саване, похожее на Карлсона из мультика, когда он воров пугал. С черными провалами глаз и кривым, как будто небрежно намалеванным ртом, он выглядел и пугающе, и комично одновременно.

— Здрав буди, призрак бестелесный! — вежливо проговорил я.

— Издеваешься, сучий ты потрох? — воззрился на меня дух своими глазами без зрачков. — Как я могу быть здрав, если сдох четыреста назад?

— Однако! — задумался я. — Ну, как говорят кхазады — «умер, шмумер, лишь бы был здоровенький»!

— Кхазады тебя понаучивают… Крохоборы! Скупердяи! Скопидомы! — принялся ворчать призрак. — А ты чьих будешь, боярин?

— Не боярин, а свободный рыцарь Георгий Серафимович Пепеляев-Горинович! — представился я. — Хозяин всего вот этого вот поместья, а также недр, воздушного пространства и акватории

по праву крови и волей князя Иеремии Вишневецкого, который мне все это и даровал за подвиги, совершенные для защиты его княжеской чести и чести его внучки. Так что решай — ты мой человек и вассал, или самовольно занимаешь жилплощадь?

— Издеваешься, рыцарская твоя морда? — возмутился призрак. — В каком смысле — жил-площадь, если я подох? Какая «жил»? Я помер давно!

— Помереть-то ты помер, но душный до ужаса… Эх, прав был Чума — надо в церковь за освященной солью идти, так, я вижу, мы с тобой толку не добьемся! — вздохнул я. — Мне от тебя ни вреда, ни пользы — я, можешь заметить, нулевка, и на стенания твои плевать хотел, как и мои товарищи. Но чисто теоретически, если тебе надоело тут уже, и ты готов к встрече с… Ну, с кем ты там планируешь на том свете встречаться? То мы могли бы поспособствовать. Урну там с прахом развеять над речкой, не знаю — вещь зачарованную огню предать, что там тебе нужно?

— Э-э-э-э-э… — призрак метнулся к одной стенке, потом — ко второй, ухватил себя обмотанными саваном верхними конечностями за чисто условную башку и как-то смущенно проговорил. — Слушай, рыцарь… А может не надо, а? Тут мне все в общем-то хорошо знакомо, разве что скучновато… А там оно как-то страшновато…

— Это почему? — поинтересовался я.

— Ну, понимаешь… Если говорить честно — я был при жизни тем еще сукиным сыном. Лисовский моя фамилия, может слыхали? Александер Юзеф Лисовский, вот кто я такой.

Я почесал голову, вспоминая. В моем мире Лисовский и его «лисовчики» были известны как одни из самых кровожадных и активных участников событий Смутного времени. А тут — как не менее активные и не менее кровожадные повстанцы против власти Грозных в начале семнадцатого века. Они относились к тому самому виду повстанцев, которым в целом не важно, против кого бороться — главное, чтобы имелась возможность пограбить вволю под аккомпанемент красивых лозунгов. Сначала — эти, потом, через тридцать лет — Януш Радзивилл с его идеей унии со Швецией… Та самая Панская Дурь, о которой говорил царевич Федор. Сарматское Проклятье.

— А какой мне в этом толк? — поинтересовался я. — Зачем ты мне нужен?

— Ну, я это… Могу за сторожа поработать, — предложил Лисовский. — Предупреждать об опасности! Пугать непрошенных гостей на подходе! Являть неугодным тебе постояльцам всякие ужасы во снах: кровавых младенцев, обнаженных старух, или лик Государя, который грозит пальцем!

— Однако! Я подумаю, посмотрим на твое поведение… Давай, поработаешь провожатым, Александер Юзеф. Покажешь нам, что тут и где. В первую очередь интересуют…

— Сундуки с казной, конечно! — закивал призрак Лисовского. — Пшепрашем, панове! А потом покажу вам добже справную зброю, там такие карабелы, такие мушкеты…

И показал, что характерно. С ним никакие ключи не были нужны: оказывается, в стенах имелись самые простые, механические тайники кхазадской работы. Крутанул там, потянул за рычаг здесь — и вуаля! Двери открываются! Очень логично, учитывая страсть аристократии к использованию магии даже в мелочах. Воры с волшебными талантами или артефактами до такого бы даже не додумались!

— Вот, со всей пшиязнью… — призрак продемонстрировал комнату, разделенную на две части решеткой.

За решеткой стояли сундуки — дюжина огромных, окованных железными полосами мастодонтов!

— А это как открывается? — спросил я.

— На защелочку… — сказал Лисовский. — Уж если сюда вражина дошел — что ему решетка, точно вскроет… Потому — на защелочку.

— А! — смутился Шеш-Беш и стал прятать в разгрузку пластит.

— Погоди прятать! — махнул ему рукой я. — А сундуки?

— Дык! — сказал Дядька. — У меня плазморез есть!

Волна искреннего умиления накрыла мою душу. Все-таки хорошо, когда работают профессионалы! Проверив решетку, пол и стены на наличие растяжек, капканов, вылетающих лезвий и продавливающихся в бездну плит, мы пустили Дядьку к сундукам. Он достал из рюкзака аппарат, похожий на какое-то футуристическое оружие и приступил к делу. Загудело, заискрило, а потом — дац! — замок отлетел в сторону, крышка подскочила, как на пружине, и комната наполнилась золотым блеском.

— Кабздец, Пепел, ты теперь богатей… — выдохнул Дядька. — И мы тоже теперь все — кабздец какие обеспеченные люди.

* * *

Глава 14
Цели и средства

Говорят, нечаянное богатство может свести с ума. Вон, некоторые после выигрыша в лотерею или получения наследства выезжают на природу, в тайгу какую-нибудь с медведями обниматься, или на далекое тропическое побережье — под звуки регги медитировать и планы строить, не отвлекаясь на мирскую суету. А отмедитировав — уже возвращаются и находят денежкам применение…

Другие же пускаются во все тяжкие, типа покупки золотых унитазов и золотых батонов, например.

Мне ни то, ни другое было не нужно. Богатство, в принципе, в моей жизни появилось закономерно — в конце концов, оно пришло после получения аристократического статуса, и становления меня землевладельцем, это несколько смягчало психологическую травму. Да и Вишневецкий изначально какие-то намеки делал по поводу имения Горынь, мол это не просто развалюхе и кусок земли, а вещь в себе. Да и я предполагал что смогу неплохо навариться на продаже старинных доспехов и украшений из некрополя. Безнравственно? Мародерство? Я вас умоляю… Если для того, чтобы спасти много тысяч детей от ужасов гражданской (или, если угодно, феодальной) войны нужно покопаться в старинных гробах и потревожить древние кости — я покопаюсь и потревожу!

Я и не на такое еще пойти готов. Я прекрасно знаю, куда можно потратить бесконечное количество денег, и всегда их будет мало! Школа — это всегда благотворительность, да?

И золотой унитаз мне не нужен, у меня есть золотой ночной горшок! С самоцветами. Нашелся в одном из сундуков, эдакий модный аксессуар с ручкой и крышкой, очень удобный и практичный… Практичный, если менять по лекалам века эдак шестнадцатого. Нынче-то представить себе его использование по назначению у меня не очень получалось.

Золотой батон мне тоже был без надобности — я обычные батоны люблю, пшеничные, свежие, обязательно — толстыми кусками и со сливочным маслом…

В животе у меня заурчало.

— Так, сударь миллионер, — проговорил Олежа. — Твои слова про одну вещь все еще в силе? Тут вещички-то ого-го!

— Конечно, в силе! — сказал я, рассматривая золотой ночной горшок, который до сих пор вертел в руках. — Хочешь — вот

возьми, серьезная вещь! Тут живого весу килограмма два, не меньше! И самоцветы.

— Это что — кастрюлька? — заинтересовался Чумасов. — Может я возьму?

— Кастрюлька-говнюлька,- заржал Дядька. — Это сральник! Не жили красиво — нехрен и начинать, Чума! Или ты так презрение к материальному благосостоянию хочешь выказать? Типа, срал я на ваше золото!

— Ничего ты не понимаешь, — Чумасов взял у меня из рук ночной горшок.- Удобная штука. И ценная! Крышка, кстати, в комплекте? Или как вторая вещь?

— Я что — кхазад? — показушно оскорбился я. — Бери крышку! Мое рыцарское слово твердое: любую одну вещь! Только пожалуйста — прежде чем везти домой покажите Иеремии Михайловичу или Христофору, чтобы какую магическую заразу с собой не притащить…

Честно говоря, такая моя щедрость все-таки была вызвана отчасти и легким шоком — он таки меня настиг. Двенадцать сундуков с золотыми и серебряными монетами и слитками, драгоценной утварью и украшениями — это, конечно… Януш Радзивилл подготовился к шведскому аншлюсу земель бывшего Великого княжества Литовского, Русского и Жемойтского всерьез — пожалуй, целую армию мог бы нанять! Одними мертвяками многого не навоюешь…

— Ну что — потащили? — поинтересовался Шеш-Беш, который себе выбрал толстенную золотую цепь, и тут же надел ее на шею.

С такой цепью, каждый месяц отковыривая по звену, можно как сыр в масле лет пять кататься… Если в одиночку, конечно. Если семья, дети — там совсем другая история…

— Потащили…

Это звучало так просто. На самом деле — сундуки оказались ужасно тяжелые. Золото вообще — очень тяжелый металл, а там кроме золота чего только не было! Чтобы как-то двигаться с грузом, мы подводили под каждый из сундуков по очереди по три стропы, хватались вшестером и перли наверх.

Дух Лисовского указывал нам путь, размахивая спрятанными в саван руками и создавая неяркую мистическую подсветку. Она, на самом деле, и нафиг была не нужна — налобные фонарики работали, но бывший повстанец хотел чувствовать себя нужным.

Когда мы вытащили из цокольного этажа первый сундук, мигом протрезвевший Котофей сказал:

— Я и раньше с таким хозяином счастливый был, а теперь вдвое счастливей буду…

На втором сундуке он предположил:

— А давайте племенных коров из Германии закажем? Может быть сто? Или двести? И рыбами будем торговать, красивыми?

На третьем сундуке у него задергался глаз. Когда мы вытащили все двенадцать, обливаясь потом и матеря все материальные ценности в мире, он залез на шкаф и начал шипеть. И шипел до тех пор, пока не прибежал Комиссаров и не накинул на котяру одеяло.

— Теперь мы все тут друг друга убивя-а-а-у! — рыдал кот из-под одеяла. — Проклятое золотиш-ш-ш-шко! Все захотят забрать его себе и начнут убивя-а-а-у!

— Это с какого перепуга? — совершенно спокойно поинтересовался Мельник.

— Мяу? — высунул голову Табачников. — Это… Ну… Богатство же!

— Погоди, — погрозил пальцем Олежа. — Вот ты, кошачья морда, ты нас убивяу вот это вот собираешься? Когти там точишь, небось, или крысиный яд в чай подсыпать норовишь?

— Яа-а-а-а? — возмущению Котофея не было предела. — Я домяуправитель! У меня оклад, полный пансион, соцпакет и премиальные! И вообще — я идейный! Сделаем Горынь снова великой!

Я чуть не подавился от такого лозунга, но промолчал — мне было интересно все это послушать. Пожалуй, обратись я в имаго — справился бы со всеми сослуживцами, буде они соберутся предать и реально забрать себе драгметаллы. А вот с некромантом и Вишневецким — это вряд ли. Страшные дяди.

— Ну! — пожал плечами Мельник. — И мы так. Не про то, что снова великой, а про то, что есть уговор! Вот — у меня, например, ожерелье из рубинов. Я на транспортную компанию его пущу, тут куча денег получится. Закупим новые колесные тягачи, я на это потрачусь… Пацаны тоже свою долю внесут, уверен. И придем мы к Пепеляеву не с протянутой рукой, а вполне себе солидной конторой. ЗАО «Транспортная компания "Зеро»! Долгосрочная перспектива, друг мой мохнатый — она куда как важнее чем сиюминутная прибыль, которую мы не в силах проглотить…

— Да? — снова высунулся Табачников из-под одеяла.

— Балда ты, Табачников, — пояснил Комиссаров. — Наш хозяин — рыцарь и аристократ. Ежели он в банк хоть мильен мильенов принесет — никто не удивится. А если вот например Олежа — то фискалы его живьем жрать станут. Ровно в тот момент, как золото и камешки к оценщику попадут.

— Уже попало! — сказал Вишневецкий, появляясь как будто

из воздуха и выхватывая у Чумасова из рук ночной горшок. Он открыл крышку и, с интересом заглянул внутрь. — Христя, ты только посмотри какая штуковина! Это что же — фикусы растить? А зачем тогда крышка? И ручка?

— Ярэма… — вздохнул старый некромант в теле молодого. — Фикусы, конечно, в нем растить можно. Но в мое время это использовали по-другому…

— А Христя — это разве не женское имя? — поинтересовался Дядька в воздух.

Однако, с появлением умопомрачительного богатства, легкая и непринуждённая атмосфера в Горыни в целом и осталось таковой.

* * *

А вот в кулуарах власти все обстояло совсем иначе. Шагая по коридорам Вышемирской управы я наблюдал признаки общей нервозности и перманентного цейтнота. Бабоньки из экономического и юридического отдела носились как наскипидаренные, какая-то ярко накрашенная пигалица в ультракороткой юбке вылетела из кабинета Зборовского — вся красная, с шалыми глазами. Из папки, которую она прижимала к груди, во все стороны летели бумаги.

— … женатый человек! Или учитесь работать как следует — или подите к чертовой… — раздался из-за двери свирепый рев самого интеллигентного в мире журналиста. — МАТЕРИ!!!

Дверь грохнула так, что с потолка что-то посыпалась.

Я заглянул в приемную. Секретарь — взрослый, видавший виды дядечка с седыми висками давил в себе смех, пряча лицо в ладонях. Завидев меня он постарался успокоиться, но никак не мог, и время от времени взгыгыкивал:

— Вы к предводителю? Гы-ы-ы…Ох! А вам назначено? Приемный день, гы-гы, у нас второй четверг месяца.

— Пепеляев моя фамилия, — сказал я. — Что, Женька порядки наводит?

— Дал всем просраться Евгеньич! — радостно разулыбался секретарь. — Этот серпентарий думает — они им со своими сиськами и письками крутить смогут так же, как предыдущим градоначальником! Гы-гы! Но этот — он вам не тот! Евгеньич наш — идейный. Уже грозился разогнать весь аппарат и нанять гоблинов и киборгов на их места, но пока обещание не выполняет, потому что его политика — опираться на местные кадры… А киборгов местных у нас практически нет. Мы —

земщина!

— Зато гоблины есть. Между прочим — знаю пару толковых… Давайте, пропускайте меня уже. Как вас — Николай Васильевич? Вот, скажите мэру — Пепеляев пришел, решить сразу целую кучу проблем.

— Решать, а не создавать? — удивился Николай Васильевич и поднял телефонную трубку. — Очень странное предложение, никогда такого не слышал, гы-гы. Ох! Евгений Евгеньич, тут к вам Пепеляев пришел, говорит — какие-то проблемы решить готов.

Телефонная трубка ничего не ответила, но зато — открылась дверь и всклокоченный Зборовский в белой рубашке с закатанными рукавами, отутюженных брюках и почему-то босиком выбежал из кабинета, схватил меня и затащил внутрь.

А потом уселся на пол по-турецки и сказал:

— Пепеляев, это какие-то авгиевы конюшни. Я не вывезу! Во что я ввязался? Это какой-то кошмар, я хватаюсь за что-то, вроде как пытаюсь наладить — а тут валится следующее! Как оно вообще работало-то? Уф! Ты зачем пришел?

— Я пришел к тебе с приветом, рассказать что солнце встало… — запел я, по очереди раздвигая шторы на всех трех окнах. — Вечор, ты помнишь, вьюга злилась… И что-то там, и мгла носилась…

— Да, да, я знаю, — отмахнулся Зборовский со страдальческим выражением лица. — Под голубыми небесами, великолепными коврами искря на солнце снег лежит. Лежит, сука такая, прямо на проезжей части, потому что у коммунальщиков сгорели две снегоуборочные машины! Потому что, сука, начальника транспортного цеха у них нет, ибо зарплата нищенская, а начальник — лицо материально ответственное… И кто-то явно где-то что-то стибрил, или недокрутил, или перекрутил — и вот вам пожалуйста, пока тракторы с ферм по договору подряда не приедут — у меня телефон будет разрываться от жалоб недовольных граждан. И они кругом правы, что характерно, а я — мудак и сволочь, который не оправдал высокого доверия. А еще дрянь эта, в мини-юбке… Она же, сука, замужем! Мужик у нее — пожарный, классный парень! Уф-ф-ф… Ты чего пришел-то? Скажешь волшебное слово и пуф — все проблемы решены?

— Ага, — кивнул я. — Скажу — и решены. Ну, не все — но многие.

— Пепеляев! Ты даришь надежду почти отчаявшемуся человеку… Я уже подумывал забрать семью и уехать в Паннонию, Орду строить. Знаешь, как говорят: построить заново всегда легче чем восстанавливать развалины. Не смей обманывать мои

надежды, в общем… Говори! — он сделал пафосный жест рукой.

— Инвестиции, — сказал я. — По сумме не скажу, но в золотом эквиваленте это килограмм двести-триста.

— А? — повернулся ко мне Женя. — Но откуда?

— Эхо войны! — развел руками я. — Точнее — Кровавого Потопа. Наследие Януша Радзивилла, помнишь такого?

— Лично, как ты понимаешь, не знаком, — медленно проговорил Зборовский. — Но в школьной программе кое-что такое проходили. Это чьи деньги, скажи мне?

— Мои, — пожал плечами я. — Готов вложить в развитие родного города, в первую очередь — в создание высокооплачиваемых рабочих мест в сфере нефтяной промышленности, ну и машины две куплю снегоуборочные — без проблем.

— Та-а-ак! — проговорил Зборовский. — Но ты — аристократ, напрямую мы не можем…

— А напрямую и не надо. Подожди-ка! — я вынул телефон и мигом нашел нужный контакт.

Вместо гудков зазвучала какая-то цыганщина, а потом бодрый голос ответил:

— Здорово, племяш!

— Здорово, Броник! Есть дело на много миллионов! Мечик близко?

— В машине, рядом со мной, включаю громкую связь, мы тут только вдвоем, можешь говорить.

— Жителям Полесья — пламенный привет! — поздоровался Мечик. — Что понадобилось провинциальной интеллигенции от скромных минских бизнесменов?

Я расплылся в улыбке: балагурить они были мастера.

— Правильно ли я помню, дорогие мои минские бизнесмены, что один из ваших бизнесов когда-то включал в себя геологоразведку и бурение скважин?

— Было такое, — осторожно признался Броник. — Лет пять занимались. Потом нас большие дяди вежливо попросили подвинуться.

— Тогда — сразу к делу: как насчет того, чтобы войти в клиентелу славного рода Пепеляевых-Гориновичей и тут же стать совладельцами молодой и перспективной фирмы, которая займется доразведкой и уточнением границ и объемов нашего здешнего нефтяного месторождения? Если повезет — будете стоять у истоков Вышемирской нефтегазодобывающей компании!

— Ого! — сказали они хором.

— Название для компании — дерьмо, — после недолгого раздумья подал голос Мечик. — А так мы согласны, если без

ущерба для других проектов. Записывай нас в этот блудняк. Когда подъехать?

— Завтра у меня шесть уроков, я до двух занят, а вот после двух — самое оно будет, все обсудим!

— Уроков? Племяш — ты сдвинутый! — сообщили мне дяди. — Но мы приедем.

Збровский смотрел на меня широко раскрытыми глазами.

— Это как? То есть — швырь, швырь — и у нас тут экономическая активность, рабочие места, приезжие специалисты, оживление торговли и сферы общепита, новые поступления в бюджет и…

— … и так далее и так далее. Но без твоей подписи все мои планы — псу под хвост. Да и не разбираюсь я в нефтяном деле, и Машевские хоть бурением и занимались, но скважины были точно не нефтяные. Где они станут себе кадры искать — ума не приложу.

— А я думал ты возьмешь телефон, швырь-швырь, найдешь каких-то других дядей, которые приедут и все разрулят… — похоже, Зборовский действительно поверил в мои способности старика Хоттабыча. — Каких-нибудь бакинских или альметьевских нефтяников!

— Да откуда у меня… Так! Стоп! — я воззрился на нашего гениального мэра точно так же, как он смотрел до этого на меня. — Дяди говоришь? Бакинские?

— Только не говори, что у тебя реально есть дяди в Баку? — Женек наконец встал с пола и подошел к окну, глядя на снежный блестящий город снаружи.

— В Баку нет, а вот в Эриваньской юридике, у Паскевичей — там, вообще-то…

— Ты страшный человек, Пепеляев! — повернулся ко мне Зборовский. — Ты вообще — человек?

— А вот это, Женя, правильный вопрос… — вздохнул я.

* * *

Я сидел в своей квартирке на улице Мира, пил чай и глядел, как за окном на город падает снег. На Земской уже вовсю орудовали фермерские тракторы, расчищая дорогу, мы с соседями успели работнуть — покидали снежок лопатами, помогли дворничихе привести в порядок тротуары и стоянку для авто.

Честно говоря — я пребывал в жутких сомнениях — не ерундой ли занимаюсь?

Вишневецкий там, в Горынь, до сих наверняка получал удовольствие, рассматривая драгоценности и монеты, и записывая на листочке примерную стоимость той или иной вещицы или слитка. Они с Котофеем и песелем проводили колоссальную работу, лазая по фоорумам коллекционеров в сети и конвертируя стоимость слитков драгметалла в деньги. По всему выходило — что-то около тридцати пяти миллионов денег я теперь имел Это если по-землянски — более десяти миллионов долларов.

Много? Чудовищно много. Можно ли на эти деньги изменить мир? Нет, но да, как говорила одна комиссарша.

Я не разбирался в нефтянке, я никогда не занимался логистикой и грузоперевозками, и ни бельмеса не смыслил в виртуальной реальности и прочих киберпанковых штуках. Но я разбирался в преподавании, и точно знал что школа — это всегда благотворительность. Если мы не говорим о элитном и приторно-мажорном заведении для богатеев — то любое учреждение образования однозначно будет убыточным. Но зато если и можно с помощью чего-то начать менять мир, то это — школа. Вот что было мне совершенно точно известно.

Зазвонил телефон, и я дернулся от неожиданности, а потом улыбнулся: звонила Яся.

— Привет, Вишневецкая, — сказал я. — Ты разговариваешь с миллионером!

— У меня в Чернигов командировка, я думала к тебе заехать, — выпалила она, а потом осознала услышанное. — Пепеляев, что ты сказал?

— Мы с пацанами клад нашли, — пояснил я. — Бесова уйма золота. Твой дед в Горыни с моими котопесами сидит, считает деньги. Такие дела.

— Никуда не уходи, сейчас буду! — телефон зашуршал, явно брошенный на соседнее сиденье, а потом послышался визг шин — Ядвига была в своем репертуаре.

* * *

Глава 15
Антропология

Ядвига потянулась своей длинной стройной ногой к выключателю и зажгла таким образом свет. А потом — закуталась в одеяло, стянув его с меня, села, поджав ноги под попу, и спросила:

— Значит, попросил череп принести? Акцентировал на этом внимание? И сам лично рассматривал все находки? — она очень мило морщила нос, если честно.

— Ну, вместе с Христофором. То есть — с Николаем Радзивиллом Черным в теле Кшиштофа, — пояснил я. — Но Христя — тот в основном металл на безмене взвешивает и монеты считает, а Иеремия Михайлович — он с украшениями балуется. Наверное, до сих пор там сидят, в усадьбе.

— Та-а-ак! — девушка изящным движением отбросила волосы с лица, и белое золото потоком рассыпалось по обнаженным плечам. — Знаешь, мне все чаще кажется, что у деда помрачения рассудка происходят наплывами. Временами он впадает в детство, или типа того, но при этом те установки, на которые настроился в адекватном состоянии — продолжает выполнять. Чес-слово, начинаю думать, что он запланировал какую-то схему в тот самый момент, когда увидел тебя на пороге дома…

— Однако… — проговорил я, чтобы сказать хоть что-нибудь.

На самом деле я любовался ее ключицами, плечами и шеей, которые не были прикрыты одеялом. Ну и послушать дальше ее мысли было на самом деле интересно — подозрения по поводу Вишневецкого у меня тоже существовали. Не бывает такого: взял и подарил имение с золотым подвалом первому встречному-поперечному!

— Горыньское поместье долгие годы стояло заброшенным, хотя раньше дед там частенько гостил… До того, что случилось, ну… Ты понимаешь, — она принялась накручивать локон на палец.

Я понимал. Ядвига говорил о их семейной трагедии.

— Думаю, и про казну Януша Радзивилла, и про толпу мертвецов внутри ему было прекрасно известно, — кивала своим мыслям Вишневецкая. — По какой-то причине он не мог или не хотел доставать все это на свет Божий сам, так?

— Может быть — действительно не мог? — предположил я. — Черный Радзивилл ведь еще совсем недавно являлся личем, и…

— И великим архимагом-некромантом прошлого, — задумчиво проговорила Вишневецкая. — Сейчас мы можем только гадать о пределах его силы, но, очевидно, что тебе с ним сладить было проще… Ты — нулевка, и хозяин Горыни по крови.

— А еще — дракон, и нашел в куче мусора то самое копье… — хмыкнул я. — Вообще-то я даже и не пытался с ним «сладить», в смысле героического поединка. Я с ним договорился.

— Вот видишь! — кивнула она. — Похоже, деду что-то было нужно, что-то, что дороже трехсот килограмм золота. Конечно — деньги хорошие, но признаюсь честно — У Вишневецких имеется на порядок больше. Даже — на два порядка. Я бы предложила тебе съездить в Горынь прямо сейчас, на моей машине, чтобы вместе со всем этим разобраться и выудить у деда информацию, но…

— Но у тебя командировка в Черниговский университет, да? — я тоже сел на диване и запустил пальцы в ее волосы, а потом наклонился — и поцеловал в шею. — Кстати, а что там за тема конференции?

— Ты не поверишь, чес-слово! — Ядвига чуть отстранилась.

— Ну-ка, ну-ка… — мне было жутко интересно.

— Нешаманские инициации у снага! — выпалила она.

— А… Ого! Инициации у снага? — моему удивлению не было предела. — Я у гоблина видал — у Яшки, шаманскую! Так там ему мертвяки являться стали, и глаза горели, а тут — в каком смысле? Снага же неспособные к магии?

— Есть подозрение, что у них имеется что-то вроде менталистики, только на внутривидовом уровне. Знаешь, есть среди них такие выдающиеся товарищи — яркие, харизматичные, властные… Они выбиваются из общей массы, они каждым своим словом заставляют себя слушать… — она пощелкала пальцами. — Как звали того парнишку с автосервиса, который встречался с человеческой девчонкой? Берсерк? Лидер? Чес-слово, из головы вылетело.

— Вождь! — сообразил я. — И что, ты думаешь, что он — инициированный снага?

— Может быть — пустоцвет? В общем, это и есть предмет обсуждения. Профессор Хайдримайлов сделает доклад, потом — выступят узкие специалисты по снажьей проблематике… Ну и меня, как педагога, отправили. Может у нас на подготовительный факультет снага начнут принимать. Очнулись, когда активные и деловые орки тысячами стали уходить в Орду…

— Однако! — я был под впечатлением от услышанного. Мне даже захотелось поехать на автосервис к Вождю и глянуть на него драконьим взглядом.

Яся снова наморщила нос, а потом сказала:

— У меня — командировка, в одиннадцать я долдна быть там, у тебя — уроки с восьми до двух часов, — скорчила рожицу Яся. — Когда мы уже будем жить и работать вместе, м?

— О-о-о-о, — сказал я. — Слушай, Ясь… А какие у тебя планы на лето?

— Кроме того самого турпохода, после которого мы с тобой должны пожениться? — подняла бровь она.

— Кроме него. Это мы раньше устроим, однако. Весной, на байдарках, помнишь? Я вот о чем — ты когда-нибудь работала… — я чуть не сказал «пионервожатой». — В летнем лагере?

— Э-э-э-э… Ты хочешь поработать в скаутском лагере или вроде того? Но, насколько я знаю, в Великом Княжестве всего одна или две роты скаутов, и в Гомельской губернии их и вовсе нет… Скауты — эльфийская тема, если быть точным — эльдарская. У нас не очень прижились. На такие проекты из опричнины смотрят весьма скептически… Ну там, тлетворное влияние загнивающего Авалона и все такое…

— Ну, мыслишь в правильно направлении… — усмехнулся я. — Но раз скауты — эльдарские, то нам они и к бесу не сдались. Но ты, если что, со мной?

— Конечно я с тобой, скажи только — куда? — она вывернулась из моих объятий, встала с дивана, прекрасная в своей наготе, и, собирая одежду, разбросанную по всей комнате, двинулась в ванную.

На часах было шесть утра.

— Вместе поработать летом! С детьми! — сказал ей в догонку я.

— Я поняла. Ты уже придумал, куда потрать несусветные богатства, да? — высунулась она из-за дверей ванной.

— О, да… — я снова рухнул на диван. — Гораздо раньше, чем они у меня появились.

— Я ничего не слышу! — Яся включила воду и в щель под дверью потянулись клубы горячего пара.

Как девушки вообще моются в таком кипятке? Это ж свариться можно!

* * *

Хлопнув дверью «Урсы» я выбрался на свежий воздух и закашлялся: подморозило всерьез. Изо рта вырывались клубы горячего пара, уши начало щипать, так что я открыл заднюю дверь, мигом стянул с себя щегольское пальто и с огромным

наслаждением влез в сапеговскую доху на лисьем меху. Замечательная вещь! И малахай на голову нахлобучил. Не лисий — пыжиковый, наверное, хотя я понятия не имею что за зверь такой — «пыжик». Все познания в этом вопросе у меня из фильма «День выборов» и из песни «Чижик-пыжик», конечно.

В любом случае — теперь я чувствовал себя гораздо комфортнее. Нет, парковался бы я у школьного крыльца, как дешевый фанфарон — тогда да, можно было бы и в пальтишке три шага сделать… Даже если у калитки — и в этом случае добежал бы до школы и не промерз. Но у калитки — столпотворение. Там родители побогаче на своих пепелацах и шушпанцерах всех форм и размеров приводят детишек в храм науки и святилище духа… И в последнее время этих шушпанцеров стало куда как побольше, и многие из них своим видом намекали на люксовый или бизнес-класс.

Но детишки оттуда выходили самые обычные: их родители, воспитатели и наставники идиотами не были, и те же Пеговы или Невские носили точно такие же кофты, боты и штанцы как и любые другие школьники. В свете фар они по темному зимнему утру бежали к школе в толпе других ребят, точно так же поскальзывались на обледенелых дорожках, точно так же пищали и бросались снежками.

— Серафимыч!!! — заорала целая компания старшеклассников хором, явно сговорившись.

Я отсалютовал им кулаком.

— Классная шуба! — прокомментировал Вадим — тот самый заводила-десятиклассник.

— Это не шуба, это доха! — влез Ляшков. — Понимать надо!

— Доха? — загомонили пацаны. — Ха-ха-ха, хе-хе-хе, хорошо мне жить в дохе!

Все-таки дети намного лучше нас, взрослых.

— Доха что надо, — кивнул я. — Бегите в школу. А тебя, Ляшков, я заберу с литературы, и Дёмочкину тоже. Я распечатал бланки, сегодня приступим.

— Ого! — чуть не подпрыгнул Ляшков. — Я ей скажу!

— А че там, а? Че за бланки? Ляшок, давай рассказывай! — насели на него одноклассники постепенно удаляясь.

Я дождался, пока они отойдут подальше и двинулся следом, сунув руки в карманы и надвинув малахай на самый нос. Мне очень не хотелось встречаться и общаться с навязчивыми представителями знатных семейств. Я уже один раз имел с ними разговор о том, что никакого особого отношения к их подопечным не будет — ни в сторону негатива, ни в сторону позитива. И предупредил, что стоит кому-то из них шагнуть на школьный

двор — и будет драка. Поэтому все эти серьезные дяди и тети — вассалы великих родов Великого Княжества — стояли у своих машин и помалкивали.

Я зашел в школу и Кох, который нынче был за вахтера, сказал мне, скаля свою клыкастую пасть:

— Восхитительная доха. Просто восхитительная. Дай померять? — он точно хотел сказать другое слово, в рифму, но очень старался быть культурным снагой при детях.

— Табачищщем от тебя прет, сударь Кох, и сивушными маслами! — возразил я. — Я если после тебя ее надену — то опьянею сразу.

— Резонно! — сказал Кох. — Протрезвею — тогда дашь в зеркало посмотреться, чтоб я хоть на секунду понял, каково это — дорого-богато. А малахай — волчий?

— Пыжиковый, — я стянул с себя малахай. — Жарко сегодня. Хорошо топят!

— Коммунальщики экономить перестали, у них поставки угля на котельные наладились. Кого-то вроде бы где-то посадили, и еще кого-то выпороли. Новый предводитель — голова-а-а! Его бы в наместники!

Я очень живо представил себе физиономию Зборовского, если бы его выдвинули на должность наместника всего Великого Княжества, и едва не расхохотался. В учительскую я шел в очень хорошем настроении, и в свой кабинет — тоже. Но в мой кабинет меня не пустили!

* * *

— Карантин! — сказала учитель русского языка и литературы Мария Александровна. — Ветрянка!

— Однако! — я пребывал в растерянности. — А почему в моем кабинете?

— Потому что в углу и туалет рядом! — отбрила она. — У вас своего класса нет, у пятого бэ — своего кабинета! Принято решение разместить в вашем кабинете.

— Э-э-э-э… Ну материалы-то свои я могу забрать? — стараясь сохранять спокойствие, спросил я.

— А вы ветрянкой болели?! — подозрительно уставилась на меня русичка.

И что я ей мог ответить? Там, на земле, точно болел! У меня и фото имелось в семейном альбоме — черно-белое, где я-трехлетний сижу в тазу, весь пятнистый аки леопард. А болел ли ветрянкой Гоша — вот об этом я понятия не имел.

— Болел, в университете, и это был адский ад…

Я едва до потолка не подпрыгнул: снова Гоша подал голос! Но понять его было можно: ветряная оспа во взрослом возрасте — штука довольно опасная. Вообще, я как бы был в курсе что несмотря на все магические и кибернетические примочки здесь не победили еще геморрой, изжогу и насморк. Но ветрянка?

— Болел, — проговорил я. — В университете. Я зайду за картами, ладно?

— Ну, раз болели… — Мария Александровна шагнула в сторону.

Пока пятиклашки разносили мой кабинет, я выуживал из ящиков и полок все необходимое для уроков, стараясь при этом не споткнуться ни об кого и никого ненароком не зашибить. Из кабинета выбрался нагруженный пособиями, картами и распечатками как марианский мул. Тут, кстати, тоже имелся свой Гай Марий. И Гай Цезарь, и Гней Помпей… Вообще — Рим тут был первым в Европе чисто человеческим государством, которое потом трансформировалось в Империю Людей. Легендарный период с его мифическими Гондорами и Умбарами — это удел эльфийской историографии, а вот что касается письменной человеческой истории — тут да, тут Рим держал пальму первенства…

* * *

С мыслями о Pax Romana я и вошел в кабинет 2–3. Он располагался на втором этаже, прямо напротив двери в директорскую приемную. Из приемной воняло лаком — Верочка красила ногти. Наверняка получится и-де-аль-но, даже не сомневаюсь.

Дверь в учебный класс была открыта, и никто оттуда не галдел, хотя звонок и прозвенел минуты три назад.

А все почему? Потому что к старшим классам у детишек в целом пропадает желание просто бегать и орать, них начинают преобладать другие способы самоутверждения. А мне как раз предстоял урок в девятом классе — география, тема — «Население Тверди». Грохоча партами и стульями девятый класс встал. Девятый — это как привычный мне по белорусской школе десятый. Вполне себе оформившиеся девушки и резко погнавшие в рост и раздавшиеся в плечах юноши шестнадцати лет.

— Доброго утра! — сказал я и усмехнулся.

Если у меня была такая же сонная физиономия как и у них, то утро добрым явно не было ни для кого в этом классе.

За окном, над крышами частного сектора, медленно вставало ленивое зимнее солнце, красные его лучи бросали отблески на заснеженное футбольное поле, мастерские Элессарова, котельную, из трубы которой валил дым… С этой стороны школы пейзаж за окном сильно отличался. С утра здесь было видно солнце! Все-таки — это утро можно считать добрым.

— Садитесь, открывайте тетрадки. Домашнее задание я вас спрашивать не буду, — я подумал, пусть и у них оно тоже будет добрым. Но — не прям приторным. — Разве что в конце урока по карте погоняю. География…

— … э-э-э-то ка-а-а-рты! — как в детском садике, нарочито растягивая гласные пропели четыре девчонки с ряда у окна и рассмеялись.

— Вы мне тут не это! — не улыбаться было не возможно. — И ничего я не так говорю! И вообще — будете буянить, рассажу по списку. Мальчик-девочка!

— Да-а-а-а, — басом прогудели гигантские мальчики.

— Не-е-е-т! — запищали девочки.

Интересно, как у них меняются приоритеты, а? В пятом классе все было с точностью до наоборот, точно!

— Так, записываем новую тему, а я пока карты повешу… «Население Тверди»!

Ляпая магнитами я прикрепил карту с плотностью населения — она плюс-минус совпадала с привычной мне земной: субтропики и побережья теплых морей максимально заселены, Сахара, тайга, полярные области и горы — пустуют. Только тут, как и на всех остальных твердянских картах имелись пятна Аномалий — постоянной Хтони, которую никто уже и не пытается уничтожить. А вот карта с распространением языков — эта сильно отличалась… Еще бы — тут кроме человеческих языковых семей типа индоевропейской или сино-тибетской, имелись еще такие экзотические лингвистические образования как квенья-синдарская, кхуздульская и бурзгашская семьи.

— Итак, население Тверди… Кто назовет цифру? — спросил я. — Общее число?

— Пять миллиардов! — откликнулся парень на задней парте.

— Пять миллиардов кого? — я провоцировал.

Откликнулись они вразнобой и в классе тут же воцарился бардак.

— Людей!

— Душ!

— Разумных!

— Хомо!

И все они принялись ругаться между собой. На самом деле в

местном русском языке такой казус действительно существовал. Еще пятьдесят лет назад все было очень просто — в России использовали слово «душ» для обозначения всех представителей рода «хомо сапиенс», будь то homo sapiens vulgaris — сиречь, человек обычный, или homo sapiens pulcheris — человек прекрасный, он же эльф, или там даже homo sapiens habilis — который умелый, или гном… Даже на орков — homo terribilis, то бишь, человеков ужасных всех видов.

Все — живые души! Но с последними веяниями в плане секуляризации и отделения церкви от науки и государства стало более политкорректным употреблять слово «разумный».

— А знаете, как этот вопрос решили на Авалоне? — спрашиваю.

— Как, Георгий Серафимович? — кому-то и вправду было интересно, надо же!

— То, что у них два языка — для эльдар и для людей вы в курсе, так? — пока рассказывал — записывал на доске новую тему и основные понятия: это не шестиклашки, к старшеклассникам спиной можно поворачиваться без опаски, что кто-то кого-то в это время скальпирует.

— Да-а-а… — отклинкулся класс.

— Так вот, на авалонском-человеческом десять миллионов населения — это ten million people. А десять миллионов людей — ten million humans. А для внутреннего пользования у эльдаров есть слово «эрухин» — дети Эру. Последние пятьсот лет они включают в это понятие не только эльфов и людей, но и все остальные расы тоже…

— А до этого? — спросил кто-то.

— А до этого остальные их не очень-то интересовали, — отрезал я. — Ну что, кто перечислит мне подвиды орочьей расы?

— Нет-ска никакой орочьей-нах расы-врот! — возмутился широкоплечий снага с последней парты.

Его звали Башка, и он был единственным орком в десятом классе. Он хотел поступать в военную академию, на факультет спецназа, и в целом имелась уверенность, что у этого парня — получится. Я подозрительно присмотрелся к зеленокожему, припоминая слова Вишневецкой об инициациях и предложил:

— Ну-ка поясни…

— Расой, или видом в биологии-ска называют эту, как бишь ее-ска… А! Совокупность особей-ять, сходных по критериям вида до такой степени-ска, что они могут в естественных условиях скрещиваться-врот и давать плодовитое потомство-нах! Какое, ять, потомство у тролля и гоблинши? Это же противоестественно, ять! Это фи-зи-чес-ки невозможно, ять! Вы башками-то своими

подумайте!

— Резонно, — признал я. — Зачет. Еще пара таких ответов — и будет у тебя десять баллов за урок. Ну и у карты ответишь… Но эти свои нахи засунь себе в рот и терпи, пока из школы не выйдешь, а то рядом с десяткой поставлю неуд за поведение…

— Резонно! — признал Башка и плюхнулся на стул, довольный собой.

А потом снова поднял руку:

— А можно-н-н-н… — он проглотил привычный полуматерный постфикс, сильно при этом напрягаясь.

— Можно — что?

— Можно я перечислю-с-с-с-с…

— Перечисляй! — улыбался я.

Одноклассники оглядывались на Башку. Знаете, как бывает, когда кто-то на последней парте все десять лет учебы молчит, а потом оказывается, что он умный и интересный парень? Вот так оно и тут было. Башка редко проявлял себя, но письменные работы делал на крепкие шестерки и семерки, а на физкультуре и вовсе имел потрясающие результаты, и на трудах — тоже. Хороший парень, а по снажьим меркам и вовсе — исключительный…

— Итак, есть гоблины, то есть хомо сапиенс террибилис кобалорис… — начал он. — Тролли — хомо сапиенс террибилис троглодитис…

В общем — урок прошел как положено. Все, как я люблю: с душой, огоньком и насыщенно.

На втором уроке, правда, прибежала биологичка Надеждина:

— Я после вас десятый класс не могу заставить замолчать! — ухватила меня за пуговицу она. — Они после вас какие-то нездорово активные! Как мне их успокоить

А я смотрел на вытянутые лица восьмого класса, которые косились на нее как бандерлоги на удава Каа и ловил острое чувство дежа вю:

— А я не могу после вас восьмой класс расшевелить! Такое чувство, что вы им там мантры вместо аллелей рассказываете, на своей биологии: это не дети, это сомнамбулы, из них слова не вытянешь! А между прочим — второй урок, пора проснуться! — менторским тоном выдал я и закрыл дверь прямо перед ее носом, и повернулся к детям: — Записываем новую тему: «Реки Великого Княжества»…

* * *

Глава 16
Социология

Анкеты мы распечатали на маленьких листочках — в четверть формата А4. Потому что большие бланки с серьезными вопросами вызывают отторжение, а маленькая филькина грамота вряд ли напугает хоть кого-нибудь. Начали с вопросов не очень эмоциональных, чтобы приучить отвечать правдиво. Про успеваемость: считаете ли вы престижным получать хорошие отметки? А ваши одноклассники? Ну и парочка, связанных с заработком подростками денег на карманные расходы. Продолжили насилием в школьной среде: мол, как часто вам приходилось драться? А как часто дерутся ваши сверстники?

Ближе к середине опросника настал черед самого пикантного. «Состояли ли вы в отношениях с девушкой (парнем) в последние два года?» «Имели ли вы интимный опыт, в том числе интимные ласки?» Ответы были составлены по принципу «нет», «да, с одним партнером», «да, у меня большой опыт». Ну и конечно, поинтересовались мнением старшеклассников о романтической и интимной жизни сверстников, куда без этого.

Для того, чтобы не осталось горького послевкусия и ощущения вывернутости души наизнанку, последние вопросы касались оценки своих умственных способностей (имелся даже откровенно комичный вариант «к сожалению я тупой»), и внешности.

Бланки предполагались анонимными, нужно было указать только пол (обязательно) и расу (по желанию). Ляшков и Демочкина сильно заморочились: обзвонили своих товарищей в других школах, даже — не постеснялись обратиться к директорам за разрешением, что там — саму Лючиэнь Иллидановну на пороге гимназии поймали и получили высочайшее соизволение — после того, как она ознакомилась с бланком и не увидела там ничего крамольного. «К сожалению, я тупой», видимо, крамольным ей не показалось.

Я обеспечил их доступом к безлимитной бумаге и принтеру для распечаток, и, конечно, отпрашивал с уроков и катал на «Урсе» по городским учебным заведениям, Джабраилов пустил ребят в кабинет информатики — сварганить презентацию. Варганили вместе. Арина Дёмочкина — типичная девочка-огонек, активистка, фигуристая брюнетка с аккуратненьким личиком, явно пыталась брать власть в свои руки и рулить процессом, но Ляшков был явно… Как бы это мягко сказать? Компетентнее. Он

был компетентнее, вот что. Да и за словом в карман не лез — на все бурные эмоции и суету подруги он находил каламбурчик, дурацкую шуточку или подкол. Молодчага он, однако! Рядом с предметом своей симпатии — и не теряется. Красавчик! Я-то знаю каково это, прекрасно помню мерзкое чувство тяжести в коленках и то самое «в зобу дыхание сперло»!

Во время самого проведения анкетирования, что характерно, и наши десятиклассники, из шестой школы, и другие вышемирские старшеклассники, вели себя вполне прилично. Ни разу, ни одного вообще раза, никто из них не загыгыкал, шум не поднимали, слушали Юру и Арину внимательно, иногда — требовали уточнения.

— А что вы имеете в виду под «интимными ласками»? — спрашивала голубоглазая блондинка из гимназии.

— Все, что происходит между мужчиной и женщиной наедине, но не может даже теоретически привести к появлению детей, — как ни в чем ни бывало отвечал Ляшков, академическим жестом поправляя очки.

В этот момент густо покрасневшая Арина смотрела на него едва ли не с обожанием. А самый популярный вопрос форменным образом проливал бальзам на мою преподскую душонку:

— Скажите, а где можно будет посмотреть результаты? Очень интересное исследование!

— Мы будем защищаться на Губернской школьной научно-практической конференции, — поясняла Демочкина.

— И обязательно опубликуем в районке, — пообещал я. — Сразу после мероприятия.

Уж Зборовский мне это устроит, я уверен. Найдет цветную полосу под такой эксклюзивный материал.

Честно говоря, заниматься с ребятами, возиться с этой работой было гораздо интереснее, чем жечь магнатские дворцы-палацы и заниматься бизнес-планированием. Не мое это, вообще — не мое! Но и деться от этого никуда не мог. Ест дороги, которые выбираем мы, а есть дороги, которые выбирают нас…

* * *

Шифер притопал ко мне прямо в квартиру, с целой командой крепкотелых бородатых кхазадов. Их было семь или восемь, около того. Главный каменщик, главный кровельщик, главный бетонщик, главный монтажник, главный… Все — главные, ни одного подчиненного. Одеты они были как строители из американской рекламы: джинсы, тяжелые ботинки, клетчатые

рубашки, жилеты, пояса с кучей кармашков для инструментов… Я думал — в касках оранжевых заявятся, ан нет — вместо касок у них имелись вполне гражданские головные уборы: от шапок-ушанок до вязаных «петушков», у каждого — по вкусу. Деловитые гномы мигом заполнили всю квартиру, рассевшись там и тут: на диване, подоконнике, тумбочке, стульях, табуретках с кухни.

— Итак, вот! — Отто положил себе на стол кожаный потертый портфель, щелкнул застежкой и вынул оттуда замусоленные бумаги. — Смета, проект, список оборудования, которое хорошо бы докупить, и договор долгосрочного найма.

— Долгосрочного? — поднял бровь я. — Однако!

— Таки да! — вот это выражение от Шифера услышать было очень забавно. — Оно слух прошел — триста гектаров к твоим двум сотням прирезали. И там склады, охотничий домик, небось еще планов громадье…

— Ага, планов даже слишком много, — я кивнул. — Профессор Дамблдор и профессор Ксавьер отдыхают. На год подпишем точно, а там как пойдет… Когда приступите к работе?

— Так это… Как деньги будут и сразу — дранг арбайтен! Хоть вечером! Приступим к работам первой очереди — реставрации Горыньского поместья! — гномы тут же засуетились. — Унд дас вирд кляйне плякарай!

— Ну, вечером, пожалуй, не стоит, у меня там жильцы беспокойные… — я почесал голову. — Я их это, предупрежу. Чтобы в охотничий домик перебирались. А дела вы будете вести с Тимофеем Табачниковым. Вы не пугайтесь, он это… Немного кот. Не повезло человеку, его ведьма прокляла, теперь представляет собой здоровенного кота. Однако — хватка у него деловая, дотошный, хозяйственный… С ним обсудите все нюансы, но — не раньше воскресенья.

— Хо! С котом мы сладим! — зашумели кхазады. — Коты — скотина полезная! Так что, хозяин — по рукам?

— Однако, подождите, — я погрозил пальцем. — Я документы изучу сегодня, и к Отто зайду. Вдруг вы там в смету автокран-шестидесятитонник включили или еще какой метростроительный землепроходчик!

— Обижаете, хозяин! Мы ж с понятием! Нам лишнего не надо, только все, что для дела! Тем паче — контракт долгосрочный, объектов впереди много… — их суета явно говорила о том, что где-то ни хитрили. — Ну какой шестидесятитонник, о чем вообще речь, за кого вы нас принимаете?

Спровадив кхазадов-строителей, я наконец, уселся за стол на кухне с чашкой любимого черного чая, с чабрецом, и разложил

перед собой потрепанные бумаги.

— Да ну к бесам! — я не выдержал и заржал.

Автокран там, в смете, все-таки был. Правда, не на шестьдесят тонн, а на шестнадцать, но все-таки, все-таки… Кхазады — страшный народ!

* * *

Рикович позвонил внезапно. После того, как мы с ним плотно отработали на зимних каникулах в Солигорских штольнях, где на месте гибели шахтеров открылся прорыв Хтони, и в Новой Гуте, на тамошних незамерзающих болотах с ядовитыми испарениями, от которых кожа слазит до самых костей у всех, кроме нулевок и сталкеров в скафандрах или костюмах РХБЗ… И вот теперь — телефон завибрировал и на экране высветилось дурацкое слово «Целовальник», которым у меня был подписан Иван Иванович. Медленно выдохнув, я свайпнул по экрану и сказал:

— Однако, здравствуйте.

— И вам добрейшего вечерочка… — голос Риковича источал елей, что обозначало надвигающиеся проблемы. — Не желаете ли автомобильную прогулку на сто семьдесят километров?

— В Хтонь? — обреченно спросил я.

— В нее, родимую, — показушно вздохнул сыскарь. — Поехали, забрали записи камер наружного наблюдения с сервера — и вернулись обратно. Мне проще тебя привлечь, чем по официальным каналам рейд организовывать.

— А куда едем-то? — я не мог не спросить.

— Не лезь поперед батьки в пекло! — отрезал Иван Иванович. — В машине и узнаешь, не телефонный разговор. Оденься тепло, утром будет минус пятнадцать!

— У меня уроки с двенадцати! — попытался побрыкаться я. — И ветрянка в кабинете, готовиться долго!

— В одиннадцать будешь в Вышемире, слово даю. Собирайся! Мы уже тут, — он просто форменным образом выкручивал мне руки!

— За кофе заскочим? — с надеждой спросил я, грустно глядя на замусоленные шиферовские бумажки.

— Будет тебе кофе, обеспечим, — с некоторым сомнением в голосе проговорил Рикович.

Если минус пятнадцать — то лисья доха была бы кстати, но я еще с ума не сошел, в Хтонь в дохе идти. Благо, родной Поисковый батальон обеспечил и зимним комплектом формы, и с собой его демобилизовавшимся тоже давали. Так что толстенная

куртка с капюшоном, утепленные штаны и шапка-ушанка мехом внутрь у меня имелись. Оливкового цвета. Конечно — олива для зимы не очень подходит, но в случае необходимости предполагался маскхалат. Его с собой, правда, нам не давали. Да и черт с ним…

Я сунул в рюкзак смену белья, аптечку, бутылку воды, кинул пару банок тушенки и начатую булку хлеба, прихватил лопатку и нож, допил в два глотка вкуснейший чай с чабрецом, швырнул кружку в раковину и, выйдя на лестничную площадку, стал закрывать дверь на все замки.

— На часах — двадцать один тридцать, — сообщил мне Зборовский, который сидел на ступенях со своим кофе. А потом спросил: — Куда тебя несет? Зачем это тебе? Пепеляев, у тебя не жизнь, а сплошная эклектика! Чего ты суетишься, определись уже с генеральной линией и гни ее!

— Не-а, — ухмыльнулся я. — Не пойдет. Слишком много всего вокруг происходит. Понимаешь, Женек, я ведь это… Ну, в состоянии овоща был…

Тут я ненадолго заткнулся, проглатывая часть фраз, которые хотел сказать. Все-таки местный Гоша в больничке пролежал не так долго. И всех прелестей кучи наследственных заболеваний вкусить не успел, ему ведь всего-то двадцать пять годиков, скоро будет двадцать шесть… Это я из тридцати пяти лет жизни пять лет глотал таблетки пригоршнями и передвигался со скоростью галапагосской черепахи.

— В общем, нравится мне жить, Зборовский, — подытожил я. — Жизнь она страшно интересная, и мне очень хочется всю ее пощупать. Но и школу я бросить не могу, потому как школа — это то, что я умею лучше всего.

— Даже лучше, чем бить всяких проходимцев лопаткой? — он кивнул на шанцевый инструмент, который я до сих пор не удосужился подцепить на положенное ему место.

— Даже лучше, чем это, ага, — закивал я. — Дай кофе, а? А то сыскари мои небось какую-нибудь бурду «три в одном пополам с говном» намешают а мне потом — пей…

— Погоди, сейчас! — он сделал успокаивающий жест.

И мэр города, уездный предводитель и земский лидер пошел в свою квартиру и через три минуты вынес мне кофе: в термокружке! Я принюхался и расплылся в довольной улыбке:

— Это что за напиток богов?

— Это с шоколадом, горой сахара и с коньяком. Самое оно для бессонной ночи. Шуруй давай, мир спасать! — хлопнул меня по плечу Зборовский. — Кружку завтра вернешь. Она дорога мне как память, кум подарил! Если меня не будет — супруге отдай.

— Так точно! — щелкнул каблуками ботинок я. — Верну в целости и сохранности!

И побежал по ступенькам вниз, туда, где у подъезда уже слышалось басовитое гудение мотора электроброневика сыскарей. Из открытой двери машины меня уже манил Рикович — в черной броне без знаков различия.

— Давай, давай, шустрее, транспорт ждать не будет!

Я запрыгнул в десантный отсек — прямо с термокружкой в руке, и скинул рюкзак под ноги. Броневик тут же сорвался с места и погнал по вечерним улицам Вышемира к выезду из города. Краем глаза и краем сознания я отметил: работающих фонарей стало больше, проезжая часть и тротуары были освещены гораздо лучше, чем пару месяцев назад.

Не снижая скорости мы проехали один из блокпостов Добровольной Народной Дружины.

— Партизаны, — усмехнулся Рикович. — Бдят! Молодцом!

— А как же? Спасение утопающих — дело рук самих утопающих… — пожал плечами я. — Эффект на лицо: девиантных личностей всех мастей в городе стало на порядок меньше! Так что за спешка-то? Куда мчим?

— Славутич! — сказал сыскарь. — Какого-то черта оттуда Хтонь рванула. Двадцать лет было тихо, а вчера — тварей заметили в десяти километрах, представь себе! Город новый, красивый, опричный, построили в одна тысяча девятьсот восемьдесят восьмом, для обслуживания атомной станции, а он и двенадцати лет не простоял — Прорыв! Людей эвакуировали, зона отчуждения, все дела… Переселили в Комарин, в Припять… Знаешь, какой красивый город? Каждый квартал — уникальный! Один — нахичеваньцы строили, второй — эриваньцы, третий — рижане, еще — виленцы, ревельцы, Сунулись туда министерские маги по горячим следам — и вернулись, очень быстро. Потом один повесился, другой — утопился, третий сейчас в дурдоме. Ходил менталист из… Из династии в общем. Вернулся, рукой махнул, сказал что проще забить, мол. Ядрен-батон кидать никто не будет, АЭС близко! А из волшебников там нормально только менталисты ходить-бродить и могут. Так что таким образом его не закрыть и до эпицентра не добраться…

— А Орда? Бабай этот ваш? — закинул удочку я.

— Ну так… Орда-то пару лет как на свет Божий явилась, — он почему то попытался почесать предплечье. — Да и инициации…

— Поня-а-атно! — вздохнул я. — В окрестных градах и весях увеличился процент инициированных ребятишек, и государство решило выставить кордоны и глаза предподзакрыть… Ничего

нового.

А в голове моей бушевала настоящая буря. Славутич! Там, на Земле, его построили как раз для того, чтобы переселить специалистов из Припяти, которые обслуживали ЧАЭС. И возводили его строительные бригады из Армении, Азербайджана, стран Прибалтики, из Москвы, Ленинграда и Киева — интернациональный был проект. А тут, оказывается, все произошло наоборот…

Воспоминания Гоши проносились в мозгу калейдоскопом: Припятская АЭС тут была, и авария на ней тоже случилась — но локальная, ее удалось быстро ликвидировать, в том числе благодаря вмешательству магов. Но под ж ты — прорыв Хтони оказался опаснее техногенной катастрофы. Вообще, я давно уже пытался логически совместить трагические и яркие события в нашей, земной истории и появление тут прорывов и аномалий. Географически — получалось, места хтонические часто имел драматичный и таинственный флер и на Земле. Но по времени — как-то ничего не выплясывало. Чернобыль-то жахнул в 1986, а тут прорыв в Славутиче — в двухтысячном! С другой стороны — и я сюда попал со смещением, на десять лет… Бес его знает, как это работает!

— А что сделать-то надо? Какова задача? — спросил я.

— Задача очень простая: пройти сквозь город, войти в Сервисный центр, подняться на второй этаж, достать из управляющего компьютера все блоки памяти — и вернуться назад. С тварями в контакт не вступать, ничего больше не делать, ничего больше не трогать.

— Управляющий компьютер? — мне, честно говоря, слабо верилось, что в двухтысячном году имелись мощности такого уровня, чтобы управлять городом. Или чем он там управлял?

Но Рикович мой вопрос истолковал по-своему:

— Ключ-карту я тебе дам. Да, да, там целая комната занята этим компом, но ты просто читай таблички — там русским по белому будет написано — «BLOK PAMYATI»…

В этот момент машину ощутимо тряхнуло, и кофе в моей кружке булькнул. Хорошо, что Зборовские такие продуманные — крышка сидела плотно!

— Однако, это что еще за дерьмо? — поинтересовался я, глядя на безмятежное лицо сыскаря.

— Это конвертоплан нас на брюхо подцепил, — пояснил он. — Полетим.

— Ты ж сказал…

— Автомобильная прогулка! Ты — в автомобиле, чего тебе не нравится? Кстати, кофе хочешь? — он постучал в перегородку

между десантным и водительским отсеком. — Пацаны, дайте кофе!

Отодвинулась задвижка, и рука в тактической перчатке передала что-то шуршащее.

— Держи! Протеиновый батончик «Медоед» со вкусом кофе! — он торжественно вручил мне его и подозрительно принюхался. — Это что там у тебя такое в кружечке?

— А этого вам знать не надобно, сударь мой целовальник! — погрозил я ему батончиком «Медоед». — Это мое личное дело! И теперь я буду пить кофе со вкусом коньяка и закусывать это дело батончиком со вкусом кофе — прямо у тебя на виду. А ты — смотри и завидуй, раз такой вредный! Ладно, ладно, Иван Иванович, стаканчик-то у тебя тут какой-нибудь есть? Отолью тебе половину, в конце концов…

— Добрейшей души ты человек! — расплылся в улыбке сыскарь. — Интеллигентный! Очень я тебя люблю-уважаю, Пепеляев!

— САМ ТЫ — ЧЕЛОВЕК! — подал голос дракон. — ГЕ-ОР-ГИЙ, НАС ВТЯГИВАЮТ В ЛЮТЫЙ БЛУДНЯК, ХВОСТОМ ЧУЮ!

И я вовсе не собирался с ним спорить. Я тоже это чувствовал — тем самым местом, откуда у человеков хвосты не растут, к какому бы виду хомо они ни относились.

* * *

Глава 17
Экология

Поразительно, как быстро природа забирает свое. Даже в Хтони, источающей странные губительные миазмы и оскверняющей все вокруг, трава и деревья, дикие животные, птицы и насекомые чувствовали себя порой довольно комфортно, пусть и принимали иногда весьма странные и причудливые формы.

Я смотрел на зимний Славутич и понять не мог, где видал нечто похожее? Поглощенный Аномалией город посреди окружающих его зимних лесов и заливных лугов, рядом с речной гладью Припяти, покрытой льдом, являлся настоящим островком осени. Ни единой крупинки снега, никакой изморози: деревья с неопавшими желтыми листьями, бурьян и ковыль, правивший бал на улицах и тротуарах… Молодые, тоже — желтые от пожухлой листвы, паростки деревьев пробивались сквозь бетонные козырьки крылечек и крыши домов. Бурые, иссохшие вьюнки и плющеподобные растения заплетали фасады домов, беседки, детские площадки… Тут и там можно было увидеть красные грудки снегирей, оккупировавших рябину. Снег вокруг города был покрыт многочисленными следами: уж характерный заячий рисунок, или очень напоминающие собачьи отпечатки лап пары лис я различить мог!

Да что там — у окраин домов паслось стадо косуль, уж не знаю, что они там нашли съедобного… Грациозные животные прядали ушами, переступали с ноги на ногу, поднимали головы, оглядываясь — и сорвались в галоп, прочь от города по снежному полю, едва увидев меня.

Почему я все это разглядел ночной порой, в густой тьме, едва-едва разбавленной лунным и звездным светом? Да потому, что драконье зрение лучше любого прибора ночного видения!

Именно благодаря чудо-глазкам я мог авторитетно заявить: летом здесь наверняка и вовсе были настоящие джунгли! И это все совсем не походило ни на одну из Хтоней, которые я повидал до этого. Где странные существа, измененные скверной? Големы, чудища, ожившие растения и хищные лужи? Где кровавые фонтаны, гигантские насекомые и порождения ночных кошмаров типа пауков с человеческими телами или зубастых сараев? Ни-чего!

— Сервисный центр, второй этаж, блок памяти, — пробормотал я, и быстрым шагом двинул к городу. — Что может

пойти не так?

Дерьмовые предчувствия глодали меня изнутри. События последних недель весьма прозрачно намекали: в покое меня не оставят. Нет, я не думал, что Рикович мог меня подставить, слишком многим мы были повязаны. Да и знал он обо мне тоже много, и понимал, что я — парень способный, и всегда остается вероятность, что мне удастся выбраться из самой изощренной ловушки. Потому что дракон — это… Это дракон. И нулевка — это нулевка. А когда они оба вместе — то получается…

— ДА ХОРОШ УЖЕ СЕБЯ НАХВАЛИВАТЬ! — буркнул Пепел. — ГЛЯ, КАКАЯ УБЛЮДСКАЯ ШТУКА НАД ГОРОДОМ ЛЕТАЕТ!

Над Ревельским кварталом, выполненном в стиле эдакой патриархальной фахверковой Европы, действительно летала ШТУКА. Что-то типа морского ежа метров двух в диаметре парило себе, нарезало спирали над черепичными крышами уютных трехэтажных многоквартирных домиков. Вокруг этой ШТУКИ воздух рябил, как будто горячее марево над раскаленным летним асфальтом. Спустя несколько мгновений откуда-то появился еще один игольчатый шар — чуть крупнее первого, и они стали кружить вместе, в неком странном танце.

— Однако! — сказал я, и пошел в сторону города, насвистывая под нос мелодию, которую слышал миллион раз неизвестно где, но точно не на Тверди — «Полет Кондора», и поглядывая на небо.

Штук было уже три.

* * *

Ревельский квартал с его эстляндскими уютными домишками сменился кварталом Эриваньским — с явно южным колоритом. Строения здесь были сплошь желтоватые, на каждом крыльце — затейливые панно, а декоративные слоны на детских площадках — с такими внушительными хоботами, что сразу становилось понятно — кавказцы делали!

Наверное, атмосферу можно было бы назвать гнетущей, но мне, если честно, на это было наплевать. Я действительно любовался окружающими пейзажами, внезапной красотой осени посреди зимы. Меня и раньше привлекала эстетика брошенных городов — я влюбился в нее со времен фильма «Я легенда» и игры «Сталкер». Правда, здешний декаданс увядания пованивал смертью: тут и там можно было увидеть многочисленные скелеты. Плоть на них давно истлела, но сохранялись обрывки одежды и украшения. Костяки лежали на тротуарах, сидели на скамейках,

свисали из выбитых окон. Какая напасть сгубила их столь внезапно?

— А этот довольно свежий! — не удержался и прошептал себе под нос я.

Скелет в кожаном плаще сидел на облупленной и ржавой качельке и катался туда-сюда. Медленно так, степенно. И плащ его развевался в такт плавным движениям детского примитивного аттракциона.

— Скрып-скрып… — скрипела качелька.

— Шорх-шорх… — шелестел плащ.

Судя по наряду и нашивкам — это был один из тех самых министерских магов. Выходит, не все вернулись? По всей видимости, сидящий передо мной скелетик принадлежал мужчине. По крайней мере — плечи были широкие, да и сапожищи такие вряд ли надела бы дама. И чего он помер, однако?

«Yurij Semeckij» — вот что я прочел у него на груди, рядом со значком спецотдела Чародейского приказа — Министерства магии. Так себе конец — на детской качельке зависнуть…

Над площадкой кружили игольчатые штуковины. Может — какое-то ментальное воздействие? По крайней мере это выглядело логичным… Что еще могло единовременно прикончить столько людей? Но — Рикович сказал никуда не ходить и ничего не трогать, так что я состроил сочувственную гримасу, соболезнуя погибшему странной смертью магу, и двинул по улице Эриваньской к перекрестку с улицей Ивана Грозного.

Одна из этих штук приземлилась на постамент памятнику Эльфийским Добровольцам — эдаким вдохновенным остроухим фигурам с винтовками в руках, которые с героическими лицами под развернутыми знаменами шли куда то в прекрасное далеко. Шар, источая вокруг себя мутное марево, завис в сантиметрах двадцати над гранитными плитами, как будто прислушиваясь или осматриваясь.

Внезапно я осознал — тут, в Славутиче, было тепло. Градусов десять или двенадцать выше нуля, при минус пятнадцати за границами города! Я расстегнул молнию на куртке и стянул с головы ушанку. Иглы штуки вдруг зашевелились, как будто почуяв меня — и тут я понял, кого именно мне напоминают эти летающие сволочи. Обскуров из фильма «Фантастические твари и где они обитают»!

— ДА ЛАДНО? — захохотал дракон внутри моей головы. — ТОЛЬКО ЭТА ШТУКА ТЕБЕ ПРО КИНО НАПОМНИЛА? А ВСЯ ТВОЯ ЖИЗНЬ ТУТ — НЕТ?

Как будто в ответ на мысленную реплику дракона,

славутичский обскур чернобыльского пошиба взлетел и закружился прямо над моей макушкой! А потом — к нему прилетела еще целая стая товарищей, и все они принялись нарезать круги вокруг места моей дислокации. Но засечь они меня точно не могли! Знали, что я здесь, чуяли — но система целеуказания у тварей явно сбоила. Нулевка я или погулять вышел?

— Дерьмо, — сказал я, и быстро зашагал в сторону стеклянного здания, которое виднелось в конце улицы Ивана Грозного. А потом плюнул и запел тихонько, все равно ведь, зараза, не отстанет песня, пока не спою: — … что ж ты вье-о-ошься над мое-е-е-ю голово-о-ой…

* * *

Интересно, кого там эвакуировали в Припять, если кругом валялись скелеты?

Один застрял прямо в турникете — наверное, раньше работал охранником. По крайней мере его рабочее место — такая прозрачная будочка — пустовало, хотя холл был перегорожен пополам блестящими перильцами, и присутствие охраны явно предполагалось. Еще парочка восседала на диванчиках в лаунже, на столе рядом с ними лежала газета и стояли чашечки кофе. Сервисный центр, однако! Сервис у них что надо! Кроме скелетиков тут имелись автоматы с газированными напитками и закусками — чипсы, шоколадные батончики, кислые конфетки с начинкой из гастрита.

Тут было тепло, я особенно не торопился, так что снял куртку и запихал ее в рюкзак. Сразу стало легче дышать. Потом подошел к автомату, присматриваясь к алюминиевым банкам с энергетиками: по доброте душевной разделив кофе с Риковичем я недополучил свою дозу кофеина! Ладонь моя поглаживала рукоятку лопатки — такой антистресс, понимаете ли. Как интеллигентный человек, я не стал разбивать стекло — бросил в щель монетку. Автомат звякнул и — о чудо! — сработал!

— Бряк! — банка с энергетикам вывалилась в лоток, я достал ее, открыл, услышав вожделенный «чпок-пш-ш-ш-ш!», и высосал всю без остатка.

Стало значительно веселее. Еще бы — полночь на дворе! Без стимуляторов — тяжко!

— ОБЕРНИСЬ В ИМАГО — И СТАНЕТ ЧЕРТОВСКИ ЛЕГКО! — посоветовал дракон

Я ничего не ответил, просто разогнался и…

— Оп-ля! — выдал боевой клич по-стариковски, сигая через ограждение на манер бега с препятствиями.

И пошел на второй этаж, искать серверную. Задачка эта оказалась для идиотов: тут кругом имелись указатели. Вообще — Славутич в свое время считался опричным городом, поскольку тут жили атомщики, и уровень удобства, комфорта и заботы о людях меня, как жителя земщины, поражал. Конечно, опричнина в двухтысячном году и сейчас, через двенадцать лет, сильно отличались — высокие технологии и изощренная магия двигали прогресс вперед семимильными шагами, но суть оставалась та же. По сравнению с земщиной — вроде как рай земной. Такой стерильный, киберконцлагерьный рай.

— SERVERNAYA, — в который раз прочел я на табличке и поднялся по лестнице, следуя указаниям стрелки.

На втором этаже в коридоре, у самого окна, висела ШТУКА и шевелила своими иглами-щупальцами. И какого беса она тут делала? Воздух рябил, причудливо искажая пространство, окружающие предметы выглядели странно, как в кривом зеркале. Если честно, мне было страшновато. Все неизвестное пугает! Однако, тварь зависла у окна, а искомая дверь располагалась всего в пяти шагах от меня — до летучего морского ежа оставалось метров двадцать, не меньше! Так что я сделал эти бесовы пять шагов, взялся за дверную ручку, потянул вниз — и дверь открылась!

— Оп-ля! — снова сказал я, и аккуратненько зашел в серверную, и закрыл за собой дверь.

— Отлично, — зловещим голосом сказал Семен Гольшанский, появляясь из стены. — Добро пожаловать, пан Пепеляев-Горинович. Панове — вот этот курвин сын.

Я смотрел на всю собравшуюся компанию с нехорошим прищуром, пытаясь решить, когда начинать жечь тут все к бесовой матери.

Гольшанского, которого я огрел по башке секиркой на башне Браславского замка, не узнать было невозможно: такие красивые двухметровые дяденьки в товарных количествах на дороге не валяются! И борода эта его, каштановая… Диво, а не борода, очень замечательная, аж бесит. А вот остальные мне лично знакомы не были! Комитет по встрече выглядел довольно колоритно, примерно как участники какой-нибудь «Битвы экстрасенсов».

Здесь присутствовал лысый усатый мужчинка с лицом похабника и алкоголика, и соответствующим обрюзгшим телом, изъяны которого не в силах были скрыть традиционные жупан, кунтуш, и желтые сапоги. Этот не казался слишком опасным, не

то что его сосед — худой, седобородый похожий на какого-нибудь волхва-кудесника старик. Страшный дед приближался, опираясь на резной посох, сверлил меня своими глубоко посаженными очами, и полы его роскошной шубы, может быть даже собольей, волочились по пыльному полу серверной.

И дама. Тут еще была дама! Она, пожалуй, показалась мне самой интересной: взрослая, зрелая, но очень красивая, ее черные глаза так и лучились энергией, а вся затянутая в бежевый тренч и изящные сапожки фигура источала сумасшедшую женскую силу. Менталист, что ли?

— Все-таки — подстава, — вздохнул я, внутренне холодея, но при этом стараясь держаться молодцом. — Скучно, однако. Что делать будете: убивать, пытать, шантажировать?

— Поглядите на него! — каркнул лысый усач испитым голосом. — Он храбрится! Ну-ну, сейчас-то мы тебя за вымя возьмем!

— Себя за вымя возьмите, — посоветовал я. — У вас-то оно всяко покрупнее будет, бюстгальтер впору носить! Какой размер ему подойдет, господа, как думаете? Четвертый, пятый?

Дамочка прыснула, лысый зарычал, старик продолжал пялиться на меня своими глазищами, а Гольшанский — тот рявкнул:

— А ну-ка тихо! Что за комедию вы ломаете, Пепеляев? Вы и понятия не имеете, во что вляпались!

Он действительно верил в свои слова. И даже действовал в соответствии с ними. Например, стены и пол поплыли, видоизменяясь, кирпичи, сайдинг, штукатурка, провода и трубы двинулись в мою сторону, закручиваясь в причудливую спираль, пытаясь оплести мои ноги… Все происходило как в фильме ужасов, но, как правильно отметил давеча дракон, вся моя жизнь здесь, на Тверди, соответствовала этому определению. Поэтому строительные материалы и коммуникации, которые создавали вокруг меня что-то вроде ограждения, но не касались ни одежды, ни кожи, нервировали меня не очень сильно.

— Все-таки нулевка, — сказал Гольшанский. Его лицо раскраснелось — Тем лучше. Значит, пане Пац, вы были правы.

Лысый — он оказался Пацем, — кивнул.

— Мы долго думали, как же вы это все проворачиваете. А потом я вспомнил сказочку, знаете… Дурацкая сказочка про крысолова, который с помощью дудочки увел за собой сначала крыс, а потом и детишек из города. Вы ведь нашли Завр, верно? Все ведь совпадает: вы тоже умеете договариваться с тварями, и детей к вам тянет со страшной силой…

— Чего? — я уставился на него с искренним удивлением. —

Что я нашел?

Вот уж не было печали! Никогда я так четко не осознавал смысл фразы «с больной головы на здоровую»…

— Бросьте прикидываться, — отмахнулся Пац. — Великий артефакт, с помощью которого вы призываете эту тварь. Вы ведь нашли их вместе — тварь и артефакт, да? Или тварей — несколько? Где вы держите сокровище? В вашей этой дурацкой лопатке? Или — трость? Но сейчас вы без трости… Какая, впрочем, разница? Вы с Завром — как обезьяна с гранатой. Понятия не имеете, что делать, но можете угробить и себя, и других.

— Мы что сейчас, проигрываем дурацкую сцену из кино? — поинтересовался я. — Главные злодеи захватили хорошего парня и рассказывают ему свои планы? Я понятия не имею, что вы тут за танцы с бубном устроили, но готов сообщить вам два абсолютно достоверных факта. Первое: мне кое-что нужно в этой комнате, я заберу это, и выйду отсюда. Второе: любой, кто попробует мне помешать, получит по жопе.

Дама опять прыснула.

— А вы не смейтесь, сударыня, — я погрозил ей пальцем. — Вас тоже касается! Я женщин не бью, но воспитывать — буду. У меня завтра уроки в одиннадцать начинаются, и вы не смеете отнимать у меня даже пятнадцать дополнительных минут сна! Невыспавшийся учитель — это половина учителя! Как вы себе это представляете? Я начну тупить, путаться в терминах, кричать на детей… Нехорошо!

Говоря это, я переступил через поднявшуюся мне до середины бедра конструкцию из кирпичей и арматуры, и двинулся вдоль рядов… Чего-то. Системные блоки? Процессоры? Видеокарты? Я не знаю, что за штуковины, похожие на холодильники и космические корабли одновременно стояли тут стройными рядами. Я не очень-то разбираюсь в компьютерах, так что…

— Стоять! — Семен Гольшанский щелкнул пальцами — и сместился в пространстве метра на три, мгновенно оказавшись со мной лицом к лицу.

За спиной у меня с грохотом обрушилась созданная им конструкция. Я смотрел в глаза этого незнакомого мне человека, и видел в них ненависть и презрение. И знаете что? Мне стало обидно!, Однако, какого беса? Что я вообще ему такого сделал? Я просто живу свою жизнь, а он тут настроил планов и теорий, засрал себе и окружающим головы своим бредом, и я теперь должен терять время и страдать? То им инициации подавай, то Завр какой-то… Так кого угодно можно из себя вывести!

— Что, князюшко, — я вообще-то тоже мог считаться высоким

парнем, и мне не приходилось особенно сильно задирать голову, чтобы смотреть ему прямо в глаза. — Думаешь, на кулачках с тобой драться будем? Не-е-ет, не будем. Ошибочка вышла. Я тебя лопаткой так отделаю, что мама родная не узнает! И тебя, и Паца этого… И деда, если под ногами путаться станет. Хочешь проверить? Один раз я тебя пожалел, череп проламывать не стал — теперь не пожалею.

И он не выдержал. Он замахнулся. Семь пудов княжеского мяса решили врезать мне по-деревенски, наотмашь, кулаком в рожу. Ну и зря — я-то был быстрее, и мое колено достало его тестикулы раньше, чем его кулак — мою скулу. А удар по тестикулам — он сильно сбивает с толку, каким бы магическим кунг-фу ударенный не владел. Гольшанский согнулся в инстинктивном движении, а я не ждал — врезал ему локтем по затылку, так что гигант рухнул на пол.

Не умеют маги в ближний бой в большинстве случаев. А вот такие вот большие мясистые дяди — тем более. Привыкли, что все вокруг их боятся и разбегаются в стороны от одного шевеления бровей…

Дамочка отпрыгнула к окну. Старик вдруг стремительно стал приобретать звероватый облик, его шуба зашевелилась, из пальцев начали прорастать когти, а бородатая физиономия вдруг заматерела, явив всему миру медвежий оскал. Однако! Вот тебе и дедуля! Пац тоже удивил: я и оглянуться не успел, как обрюзгший аристократ вдруг оказался облачен в сверкающую красно-золотую броню, бес знает какого — магического или технологического происхождения. Тони Старк белорусского пошиба, чтоб меня!

— Гра-а-а-а! — Гольшанский здорово меня удивил, окутавшись внезапно зеленым сиянием и взлетев в воздух. Лечебное заклинание или что это было — не знаю, но он, гад такой, вырвал из пола один из высокотехнологичных «холодильников» и запустил им в меня!

Фактически — это был тот самый случай, когда маг мог употребить нулевку. Непрямое воздействие: магия усиливает его мускулы, мускульная сила швыряет немагический предмет, которым из меня вышибает дух! Однако, врезало мне со страшной силой, отбросило в стену, я услышал, как что-то хрустнуло, а потом дракон сказал:

— ПОМИРАТЬ Я НЕ СОБИРАЮСЬ. Я СОБИРАЮСЬ ПОТРОШИТЬ! — или это я сказал?

У меня жутко начало зудеть все тело, послышался треск ткани, во рту я почувствовал солоноватый кровавый привкус.

— Кур-р-р-ва пердолена! — раздался глухой голос Паца из-за забрала. — Он сам и есть монстр!

Первым делом, распрямившись, я отправил «холодильник» в обратный полет и сшиб обалдевшего от такого развития событий Гольшанского снова на пол. И сам рванул следом за своим метательным снарядом, прыгнул на него, придавливая князя еще и своим весом, а потом одной рукой (когтистой чешуйчатой лапой) ухватил его за курчавые волосы, а второй — отчекрыжил ему башку к бесовой матери. Кровь полилась настоящим фонтаном! Мной владело странное спокойствие, то самое, которое давало право дракону именоваться «хладнокровной тварью».

Грохочущую поступь рыцаря-Паца я встетил потоком огня изо рта — и не прогадал! Доспехи не были герметичны, и хоть сами и не пострадали в драконьем пламени, но жупан, кунтуш, кушак и желтые сапоги под латами загорелись, причиняя Доминику Пацу невыносимые страдания. Он заметался по серверной, дымясь из всех щелей и проклиная меня, себя, Гольшанского и весь мир на четырех языках.

А потом мы схватились с медведем — бес знает, кто такой этот старик, мы познакомиться не успели. Мой враг был крупнее и сильнее, чем ипостась имаго, но я — ловчее, быстрее, крепче! Я чувствовал, как его когти скребут по чешуе, как зубы терзают мое левое плечо, ощущал терпкую вонь лесного зверя — и бил, бил его руками и ногами, старясь добраться до жизненно важных органов, а потом вцепился зубами в шею, добираясь сквозь зловоние и толстую шкуру до артерии…

Грохот и рев стояли адовы, мы убивали друг друга страшно, некрасиво, кроваво… В какой-то момент я вспомнил про крылья, и когда наши со зверем объятья на секунду разомкнулись — жахнул ими навстречу друг другу. Не знаю, как это получилось — чисто интуитивно — но удалось создать что-то вроде воздушной волны. Аж хлопнуло! Акустический удар вышел серьезный, зверь замотал башкой, из ушей у него сочилась кровь… Я ринулся вперед, ударил под ребра — и, чтоб меня, вырвал у чудища сердце!

— А-А-А-А-А!!! — заорал я от избытка чувств. — АГА!!! У, ГАДЫ!!! ПОИМЕЛ Я ВАС!

Одному оторвал башку, второго подпалил, третьему вырвал сердце! А? Мрази грязные, хотели меня поиметь, я сам их поимел! Я тут самый страшный!

— Не так быстро, демон, — сказал женщина, которая все это время стояла возле окна.

А потом — вжух! — и мы оказались в Чертогах Разума.

Гоша аплодировал, Пепел аж лапами сучил от удовольствия, и хвост его стучал по каменным плитам как у разыгравшейся

собаки. А у меня руки были по локоть в крови, и весь щегольский костюм, в котором я обычно являлся для встречи с самим собой внутри собственного рассудка, сейчас являл сплошные лохмотья. С бороды тоже капала кровь.

Дамочка эта внезапно предстала в образе эдакой великосветской леди викторианской эпохи — шикарное пышное платье со сдержанным декольте, шляпка, вуаль и вот это вот все.

— Ой, — сказала она. — А как же…

— *А вы, мадам, менталистка?* — поинтересовался Гоша. — *А мы менталистов дальше предбанника не пускаем. Давеча Феодор Иоаннович заглядывал — мы его тоже тут принимали.*

— К-к-к-какой Феодор Иоаннович? — насторожилась дама.

— *Шеф нашего Поискового батальона,* - Гоша принялся закатывать рукава на форменном оливковом кителе.

— Но я не…

— *Не планировали с ним сталкиваться? Так и не столкнетесь… Вон, Пепел вертиком хвостит и облизом языкает, ища кого бы пожрать,* — он кивнул в сторону дракона, а тот радостно закивал.

— ДАВАЙ ЕЕ И ПРАВДА СОЖРЕМ! — предложил Пепел.

— Как можно? — я закончил вытирать кровь с бороды. — Перед вами дама. Жрать дам — дурной тон. Это некультурно. Да еще и незнакомых! А вдруг она заразная? Может у нее вши или лишай какой-нибудь? Как вас, кстати, по имени-отчеству, сударыня?

— Ольга Евгеньевна я! — дамочка пребывала в состоянии шока. — Заславская! А вы — дракон? Какой кошмар… Знала бы я, никогда бы не ввязалась…

— Немножко того, немножко этого, немножко еще чего-то… — пошевелил окровавленными пальцами в воздухе я. — Тут в чем суть-то, Ольга Евгеньевна… Мне женщин убивать противно, я вообще не очень подобные занятия люблю — убийства эти все, кровищу… Я детей люблю, а еще — историю, политологию, социологию и философию. Но проигнорировать факт вашего участия в этом… Э-э-э-э, скажем, комплоте… Вот этого проигнорировать я не могу.

— *Комплот, Гос-с-споди!* — закатил глаза Гоша. — *Откуда ты выкапываешь эту старинную дичь?*

— Чем я могу быть полезна? — Заславская (если ее и вправду так звали) сложила руки на груди и напряженно смотрела на меня. На каждого из нас.

— В первую очередь мне нужна информация, — я выплюнул изо рта медвежью шерсть. Откуда медвежья шерсть в Чертогах Разума вообще? — А во вторую… Посмотрим. Думаю, вы будете

мне должны услугу.

— Я все скажу! — мелко закивала Ольга Евгеньевна. — И что касается услуги — можете не сомневаться: Заславские всегда платят долги!

— У вас просто не будет другого выхода, — оскалился я и сделал широкий жест, указывая на появившиеся в ротонде плетеные кресла. — Присаживайтесь.

* * *

Глава 18
Конфиденция

— Смотри, Иван Иванович, что я тебе принес! — я высыпал из полиэтиленового пакета три головы прямо под ноги сыскарю, а потом вручил ему блок памяти, из которого торчали провода. И показал на Ольгу Евгеньевну: — Однако, вот это — княгиня Заславская, и она даст показания. А я, пожалуй, с тобой больше не разговариваю.

— Это почему? — рыжий целовальник имел выражение лица схожее с тем, как если бы он съел гнилое яблоко не запивая.

Он время от времени посматривал на головы магнатов и моргал глубоко и вдумчиво.

— Потому что у меня сейчас два варианта рассуждений: или ты, Иван Иванович, негодяй и мерзавец, ибо осознанно отправил меня в западню, либо я — идиот и что-то важное упускаю. А, еще третий есть, он, пожалуй, самый приемлемый: мы оба с тобой идиоты. Так что вот тебе злая и трусливая женщина приятной наружности, твоя коллега, кстати, менталист. Вот тебе выполненная работа, и вот три головы. Одного я знаю… То есть — знал. Это Семен Гольшанский, симпатичный с бородкой. Второго я узнал два часа назад — его зовут Доминик Пац, он запекся внутри доспехов, я не стал его оттуда вынимать, потому голова в шлеме… Ну и медвежья башка — это дед какой-то, с девиантностями.

— С девиантностями, значит? — Рикович был ни жив, ни мертв. — Княгиня Заславаская? Мы, кажется, с вами знакомы…

Он матерился одними губами — и я, наверное, знал почему не в голос. Иван Иванович некоторым образом был связан с Ордой, а у этой странной братии имелись свои пунктики. По рассказам очевидцев и делая выводы из того, чему свидетелем я был сам, даже распоследний ордынский снага всегда тщательно мыл руки перед едой, никогда не ругался матом при дамах и еще какая-то история была с занавесками, но я не вникал особенно.

— Хочешь, поклянусь? — сыскарь вдруг размашисто перекрестился, глядя на меня немигающим взглядом. Лоб его покрылся испариной. — Вот те крест, Пепеляев, я не в курсе был! Имеешь право не верить — но хоть сроку мне дай, чтобы все доказать. Не докажу — сам приду и голову на плаху перед тобой положу, и топор тебе дам…

— Ну-у-у-у, Иван Иванович! — я постепенно оттаивал. — Значит, все-таки третий вариант. Мы с тобой оба идиоты. Ты

княгиню поспрашивай, под запись, а потом отвези меня домой. Или по ходу движения ее допрашивай…

Сыскарь замялся:

— Мы — ярыжки земские, над аристократами не…

— Я все расскажу, — кивнула Заславская. — Добровольно. Меня подставили точно так же, как и Георгия Серафимовича. Я понятия не имела о том, кто он такой, и никогда не стала бы вмешиваться, если бы видела полную картину. Заславские с этого момента не связаны никакими союзническими обязательствами с Олельковичами и Гольшанскими, так что я не буду считать уроном для чести приватную беседу с вами, господин целовальник. И есть у вас что-нибудь выпить, покрепче? Ночка нервная выдалась…

Однако, она назвала меня по имени-отчеству! Ну надо же! Это было гораздо более удивительно, чем тот факт, что медведь оказался Олельковичем. Такому повороту я совсем не удивился: логично, что все, кому я спалил крыши, ополчились против меня. И настоящие разборки, видимо, еще впереди… Особенно после того, как княгиня окажет мне ту самую услугу.

— Едемте! — махнул рукой Рикович. — Петруха, найди Серафимычу что-то из одежды… Никодим — бошки эти аристократические прибери, надо будет как-то родственникам выдать, что ли.

«Олива» моя была испорчена раз и навсегда. Вот от этого я слегка расстроился, но не сильно. В конце концов — что такое «олива»? Не Бог весть какой артефакт. Похоже, придется идти в магазин к Рыбаку — за новой, благо после войны в продаже такого добра навалом: продают и демобилизовавшиеся, и с армейских производств, которые постепенно переводятся на режим мирного времени, кое-что частникам поступает.

— Разрешите я в десантном отсеке переоденусь? — вежливо попросил я, когда Петруха — один из ярыжек, протянул мне стопку сыскарской формы без знаков различия. — Побеседуйте пока на улице, как-то неудобно афедроном перед дамой светить.

— Пф! Чего я там не видела?.. — фыркнула Заславская, прихлебывая что-то крепкое из чьей-то фляжки, но осеклась после того, как я погрозил ей пальцем.

Тоже мне!

* * *

Пока ехали — выяснилось, что идиотами были мы все. Рикович долго мучил вопросами Заславскую, куда-то звонил,

орал в телефон, что-то печатал в планшете… Я, честно говоря, задремал. Было далеко заполночь, ближе к трем часам, так что урвать кусок сна я стремился со страшной силой. И потому, когда Рикович ухватил меня за плечо и затряс, рыча что-то невразумительное, прийти в себя мне удалось далеко не сразу.

— Курбский! Курбский, сука! — с шалыми глазами повторял Иван Иванович.

— А? Что? Какой… — доходило до меня туго. — А, Курбский? Да! Был один, въезжал по блокпосту, у него какое-то свидание было там, в «Бегемоте»…

— Не, ну охренеть теперь… — выдохнул Рикович. — Значит все-таки он, сука. Ненавижу метаморфов, ять. Вот же тварь! Значит въехал, и через двое суток — выехал! А за это время мой дорогой подчиненный — он же начальник Вышемирского уездного земского отдела успел отдать мно-о-ого странных приказов! Ща-а-ас, щас…

Он яростно принялся тыкать в телефон, а потом заорал:

— Помер твой Дробышевский! Ищите труп! Проворонили, тетери! Что, думали, дружина за вас всю работу будет делать? Они и так вам Курбского на блюдечке с голубой каемочкой принесли, а вы… Шомполами запорю!

— То есть утечку нашли, крот обнаружен? — поинтересовался я.

— Да-а-а, — странно глянул на меня Рикович.

Броневик подскочил на колдобине, головы аристократов выкатились из мешка и запрыгали по полу десантного отсека. Голова паца издавала металлический звон, ударяясь шлемом о стенки. Я откинулся на жестком сидении, закрыл глаза и приготовился уснуть. Курбские, Олельковичи, Заславские… Уроки за меня никто не проведет! Сон почти победил меня, как вдруг в полудреме меня осенило:

— Иван Иванович, это ведь кретинизм чистой воды! — заявил я внезапно бодрым голосом.

— В смысле? — резко повернулся ко мне сыскарь.

— Не пляшет! С какого перепуга Курбский бы назывался своим настоящим именем, и вообще — приезжал в земщину на шикарном электрокаре с пафосной охраной из черных уруков? — думалось плохо, но, вроде бы, здраво. — У Курбских разве наследственное заболевание — олигофрения?

— Нет, СДВГ у них семейное… — машинально откликнулся Рикович. — Ять, точно… Не пляшет! Совсем голова кругом — я чуть было не купился! Слишком очевидный ход. Но если Курбского подставили, то картинка красивая получается: сначала подумают, что Сыскной приказ тебя слил в Хтони, а точнее — я и

мои люди тебя тупо отправили на смерть. Во вторую очередь — на Курбского, потому как замечен и мог. А в третью… А в третью…

Он снова схватил телефон и принялся в него тыкать. А потом довольно спокойным тоном проговорил:

— Васин, слушай, тут подозреньице закралось: может, Дробышевский и не помер? Или помер — но все равно причастен? Может — купили его. Или — шантажировали. Давай-ка аккуратно посмотри, что у него с семьей, где они проживают… И запрос сделай на доступ к серверу: земщина не сервитут, камер гораздо меньше, но кое-где есть. Может засветится где-то или он, или близкие его. И по Курбскому — с ним бы встретиться… Да знаю, знаю, не моя юрисдикция. У смежников попрошу содействия. Ладно, работай.

На этом моменте меня вырубило окончательно, и проснулся я только когда голос водителя бравурно, на манер диктора проговорил:

— Конечная остановка — улица Мира, дом три! Пассажиры, наш рейс дальше не идет, просьба — покинуть салон.

— Ах, да-да-да! — я спросонья ухватил рюкзак, вскочил, ударился головой о потолок, сел и глубоко вздохнул. — Ну вас к бесам ребята, злые вы, уйду я от вас!

— Ну вот, Караулов, теперь наш внештатный сотрудник и вовсе уволиться решит… — Рикович внимательно глянул мне в глаза. — Я понимаю, что дерьмо вышло, Серафимыч. Так или иначе — вина на мне. А про ситуацию с магнатами тобою убиенными я Феодору Иоанновичу доложу — авось поможет разрулить.

— Разрулить? — моя правая бровь невольно поползла вверх. — Знаешь, кланы Олельковичей, Гольшанских и Пацов от натуральной порки сейчас спасает один-единственный факт…

— Это к-какой? — поинтересовалась Заславская, которая, похоже, уже успела изрядно набраться. Что там было, в той фляжке-то?

— Вы напали на меня в Хтони, — пояснил я. — Рядом никого не было.

— Он имеет в виду детей, — пояснил Рикович.

— Я имею в виду детей, — кивнул я.

* * *

В школу я ехал на такси — впервые в жизни. Интересно, есть на свете еще такие придурочные педагоги, которые на работу на

такси катаются? Нет, резоны у меня были: я опаздывал, я не доверял себе — очень хотел спать, и потому не решился садиться за руль. И деньги на такси имелись, это да. Но узнав конечный адрес, водитель смотрел на меня с удивлением: мол, «наши люди в школу на такси не ездят!»

Хотя ему-то какое дело: везешь — вези!

Дети почуяли мою слабость. В классе стоял гул, на задней парте кого-то лупили учебником, на передней — доставали что-то вкусненькое из рюкзака и якобы незаметно отправляли в рот, тщательно и с чудовищным хрустом пережевывая. Мое задание — составить табличку по центрам мануфактурного магнатского производства начала семнадцатого века они в целом игнорировали. Да и вообще — оказывается, чертить табличку — этому тоже надо учить!

— Просто подумайте: какая колонка должна быть толще всего? — тщетно взывал к рассудку восьмиклассников я. — Правильно: та, где будет больше всего текста! А его у вас больше будет в перечислении продукции, которую эти мануфактуры производили. Да, Соня, имя основательницы Анны Радзивилл и местонахождение — Налибоки — поместиться в одну строчку, и даты существования производства — тоже… А на банки, склянки, хрустальные кубки, зеркальца и прочее — на это побольше оставь места… Да, можно залезать на поля, нет, не подчеркивай после того, как написала слово «Налибоки»! А-а-а, детки, родненькие, подчеркивать нужно по самой последней строчке, по самой нижней…

— Но тогда много пустого места остается! — завопили детки.

— А для кого вы его экономите? — резонно возразил я.

В общем, от недосыпа я загнал себя в классическую ловушку: хотел отдохнуть и поручить детям самостоятельно поработать над текстом учебника, нагрузить их как следует, но по итогу — нагрузился сам. Лучше бы я в вольном стиле под запись рассказал им про эти самые мануфактуры, и указкой в карту Великого княжества потыкал… Может, хоть проснулся бы!

А потом один парень по фамилии Якубовский, спросил, явно пребывая в отчаянии от того, что безбожно навазюкал в табличке и теперь его тетрадка была похожа на нечто ужасное:

— Зачем вообще мы учим историю? Зачем она в принципе нужна? Георгий Серафимович, вас-то мы уважаем, нет вопросов, но эта Анна Радзивилл и прочие всякие Уршули с Рыбоньками, они ж померли все! Зачем мы сейчас мучаемся?

На самом деле лучше бы он меня подонком назвал, чем сомневался в полезности предметов, которые я веду. Якубовский был неплохим мальчишкой, но мне захотелось взять его за грудки

и выбросить из класса. Конечно, я этого не сделал. Мало ли какие мысли в голову приходят? Это же не повод членовредительством заниматься! На то он и ребенок, чтоб спрашивать… Главное — ответ заготовленный у меня уже имелся. Из прошлой жизни.

Так что я разразился пламенной тирадой, яростно рубая ладонью воздух:

— Поверь мне, Якубовский… В твоей жизни тебе придется иметь дело с огромным количеством текстов гораздо менее интересных, чем история стеклянного дела на белорусских землях… И история про Анну Катарину Радзивилл еще будет тебе вспоминаться в тот момент, когда сидя на своей очень важной работе ты будешь составлять сотую табличку за день. История — это, в первую очередь, тексты. Огромный объем информации, из которого нужно уметь выделять основные тезисы, искать причины и предпосылки, делать выводы и думать о последствиях. Это, а не даты, имена или термины — главное на наших уроках. И это пригодится в жизни каждому из вас… Понятно?

— Поня-а-а-атно, — протянули завороженные моей экспрессией учащиеся. Даже бить друг друга на время перестали. — А что такое «тезисы»?

— А тезисы, друзья мои… — медленно, с чувством, с толком и с расстановкой принялся объяснять я. — Тезисы — это кратко сформулированные главные, основные мысли, которые заложены в текст… Не отвлекаемся, работаем!

Конечно, они отвлекались!

Как я пережил шесть уроков, считая две в первой смене и четыре — во второй, сложно сказать. Наверное, спасли контурные карты. Пятнадцать минут новую тему разъяснил, потом карты раздал — рисуйте, дети! Я пока то, что нарисовали ваши антиподы из бэ-класса проверю. Или сделаю такой вид…

Я когда в школе учился вообще не понимал смысла малевания в этих странных учебных пособиях. Казалось, это какая-то раскраска для дегенератов, или типа того. Но когда стал педагогом — осознал! Не у каждого над кроватью карта мира висит, далеко не все атласы любят разглядывать, воображая дальние страны и неведомые берега. Контурная карта — она вносит человеческому детенышу прямо в базовые настройки картину мира, очертания материков и стран, рек и морей… Вроде, закрашивает желтым цветом какие-нибудь дерново-подзолистые почвы, а сам при этом на Европу любуется, запоминает где там Днепр протекает, где Западная Двина, а где Северная. И сам того не ведает. В общем — полезная штука.

Ну и отметки помогает заработать, за старание. Потому что ученики — они все разные, и способности их лежат в разных

сферах. Один — говорливый и активный, быстро соображающий. Другой — спокойный, кропотливый, аккуратный. Оба хороши, каждый по-своему, и наша педагогическая задача — уравнять шансы.

И не сдохнуть на уроке самому, конечно.

* * *

Домой я тоже ехал на такси.

— Разбудите меня, если усну, а? — попросил я.

— Ага-нах.

За рулем сидела девушка-снага, на голове у нее были сплошные дрэды, в ушах — бесова уйма сережек, из колонок играл дабстеп пополам с хардкором, но манера вождения у таксистки оказалась максимально щадящей, даже учитывая наши вышемирские колдобины. Может, при Зборовском и колдобины заделают? В конце концов, жизнь меняется к лучшему!

Я действительно уснул, и проснулся от вежливого тычка таксистки в плечо.

— Вставайте-ска, приехали! — честно говоря, я малость перепугался, пытаясь сфокусировать взгляд на снажьей мордашке, но быстро сориентировался.

— Спасибо! Сдачи не надо! — и протянул ей монетку.

— Ого-нах, какой щедрый клиент-ять! — вообще-то она была симпатичной.

Ну, настолько, насколько снага вообще бывают симпатичными. Уж больно странные у них лица, но и красота ведь тоже может быть странной! Эта мне напомнила то ли Моану из диснеевского мультика, то ли ту синюю девку из фильма про аватаров… В общем — экзотичная.

Пока поднимался по лестнице — вспомнил! Я кружку Зборовским не отдал. Поэтому, не разуваясь прошел в квартиру, нашел в рюкзаке кружку, в холодильнике — шоколадку, и пошел стучаться к соседям. Время было детское: что-то около семи часов, так что я особенно не переживал что кого-то разбужу.

— Тук-тук!

— Кто там? — раздался детский голос.

— Сосед, который Пепеляев, — отозвался я.

— Георгий Серафимович! — очевидно, мне обрадовались, и потому на душе моей стало легко и приятно.

Когда дети тебе радуются — это значит, что ты не такое уж и дерьмо собачье.

Загремели замки, а потом дверь приоткрылась — на цепочку,

и на меня заблестели две пары любопытных глаз.

— А что такое? — их там и вправду было двое, парнишка лет десяти и девчушка — годика три-четыре, не больше. — А взрослых дома нет, потому мы никому не открываем.

— Правильно делаете, что не открываете. А я кружку принес, мне ваш папа кофе вечером давал с собой, — пояснил я и протянул кружку.

— Не вецером, а ноццю! — важно сказала малышка. — Мама сказяла — вы полуночники!

— Мама у тебя замечательная, — улыбнулся я. — Вот — передай ей шоколадку.

— А пациму ей, а не нам? — прищурилась мелкая. — Я тозе бы не отказалась, вабсце-то!

— А она — главная, вот она и решит, кому, — меня разбирал смех. У Зборовских были очень хорошие дети!

— Ага. Это мы зьнаем, — покивала девчушка. — Везде главный — папа, а дома — мама!

Пацан потрепал сестру по голове и сказал:

— Спасибо, Георгий Серафимович. Мама скоро из школы вернется, у старших — вторая смена, она их забирает. Я ей передам, — он явно мялся, хотел что-то спросить. Наконец, мальчишка пересилил себя: — У нас в школе говорят: кто к вам учиться приходит, тот волшебником становится? Это правда? А вы — волшебник?

— Нет, я не волшебник, это точно, — невесело усмехнулся я. — Я как раз таки совсем наоборот. А что касается первой части твоего вопроса, тут может быть только один ответ: приходи, проверим.

— Приду! — кивнул он. — Я папе скажу, он потом узнает где вы работаете, и меня к вам отправит учиться. Только я сейчас в четвертом классе, так что — потом.

— Тогда — до встречи потом? — я протянул руку в дверную щель, и пацан ее пожал. Крепко пожал, как настоящий Зборовский.

* * *

Глава 19
Человеческий капитал

— Так купи у меня! — сказал Афанасий Афанасьевич Пепеляев-Горинович.

На этой фразе я слегка обалдел. Мною овладели «нейкая млявасць и абыякавасць да жыцця», как говорят белорусы. То есть — некоторая вялость и безразличие к жизни. В каком смысле — купи? Мы что, о мешках сахара говорим, или о борзых щенках? Я задал своему дальнему родственнику вполне конкретный вопрос про специалистов в области геологоразведки, нефтедобычи, нефтепереработки и развертывания производства. Мол, есть хорошая перспектива, есть месторождение, есть разрешение от земских властей, даже деньги есть, но нет тех, кто будет этим заниматься. И этот загорелый рыжий толстяк, которого я видел на экране планшета, вдруг выдал мне вот такое вот предложение:

— Так купи у меня! Севабердское месторождение почти выдохлось, производство стоит месяц через месяц… Нерентабельно! Я думал бакинцам лишних специалистов продать, но лучше — к тебе, в хорошие руки. У вас там тихо, спокойно. Люди будут при деле, опять же… Нефтянка — специальность редкая! Сколько тебе людей надо? Я прейскурант пришлю, с ценами, ознакомишься… Или тебе управляющий нужен? У меня есть Вартанян! Он головастый и работящий. Хочешь, продам тебе Вартаняна? Правда — дорого. Он — ценный кадр, у него не голова — компьютер! С нуля Шорахбюрскую депрессию разведал, добычу наладил, на все про все два года ушло, теперь — самое перспективное место!

Однако, я все время забывал, где теперь живу, и кто я теперь есть такой. Я — феодал. Аристократ. У меня — юридика. Конечно, если бы СМИ услышали, как Афанасий Афанасьевич говорит про «продажу» работников — его бы заклеймили мракобесом, ретроградом, шовинистом и вообще — позором русской аристократии. Нынче так не принято. Нынче это называется «пожизненный контракт с возможностью передачи прав иному нанимателю». Многостраничный документ, дотошный до ужаса, который регулирует отношения между современными крепостными и современными рабовладельцами. Если контракт нарушает наниматель, сиречь — аристократ, то кабальный работник может его покинуть. Если наоборот, то наказания предусмотрены самые разные, вплоть до смертоубийства. Клятва — магическая, фиксация договора — на видео, храниться на

государевых серверах вечно. Правда я — нулевка, но за меня договор может засвидетельствовать Министерство магии, то есть — Чародейский приказ, его представители.

Почему люди вообще на это соглашались? А очень просто: представьте нищего паренька с окраины, умного и талантливого. У него вообще ничего нет, кроме рук, ног и головы. Он жил в условиях, когда приходилось делать выбор: таблетки для бабушки или ботинки для младшей сестры! И тут предложение: целевое направление на учебу в престижный политехнический институт, стипендия на все время учебы, медицинское обслуживание для него самого и всей его семьи, страховка. Гарантированное обеспечение жильем — количество квадратных метров на одного человека оговорено. Зарплата, проживание в юридике. Стабильность и безопасность! Главное требование: откажись от свободы выбора. Работай там, где укажет наниматель… Какой, к бесам, наниматель? Хозяин, владетель, господин, если называть вещи своими именами.

— Э-э-э-э… — моя ошарашенная пауза длилась довольно долго. — Люди… Люди это хорошо. Да, сначала нужен управляющий. Нужно ведь все организовать — жилье, инфраструктуру… Кто-то наверняка с семьями. Там же дети!

Голова кругом шла от осознания перспектив. Подумать только, вот как оно тут решается! Нет специалиста? Так купи! С другой стороны — у нас, на Земле, вполне себе «покупали» футболистов, например. Разве что казнить за то, что какой-нибудь дорогущий легионер голы не забивает было как-то не принято. А в целом… Да, на мой вкус — аморально. Но я же не собираюсь их тут плетьми пороть и детей отдельно от родителей куда-то продавать! Сделаю все возможное для обеспечения приличного заработка и достойного досуга. Вообще, отработают лет пять — и предложу им вариант выйти из кабального положения. Если захотят, конечно. Хотя, вспоминая тех киборгов из Защебья и их «без пана — стыдно» — может и не захотят. Если зарплата, жилье и соцпакет им придутся по душе. Люди — они разные, и нелюди — тоже.

— С деньгами, Георгий, у тебя проблем нет, как я посмотрю, да? Наследство получил? — дальний родственник почесал волосатую грудь под рубашкой.

— Клад нашел, — усмехнулся я. — Однако, Афанасий Афанасьевич, пришлите мне резюме ваших специалистов, которые могут быть полезны на этапе геологоразведки, развертывания добычи и обустройства на месте. Мой человек ознакомиться. Вы же понимаете — я сам не могу владеть активами в земщине…

— Да-да-да… Ужасное неудобство! — посетовал представитель эриваньской ветви нашего рода. — Тогда я прямо сейчас отправлю тебе контакты Вартаняна, он обрадуется новому делу. Страдает, понимаешь ли, в отпуске! Чуть ли не плакал, когда я его в Сиам отправлял, развеяться! Задолбал: у него по контракту за пят лет чуть ли не сто дней отпуска накопилось, мне уже клятва поджимает, а он — ни в какую! Представь себе: Раджапур, коктейли, пляжи, танцы, девочки, а этот трудоголик натуральными образом мозг мне проедает: «Я б лучше поработал!»

— Однако! Уникальный, должно быть, тип… — поднял бровь я.

— Уникально занудный! Ну, все, как определишься со списком людей — сигнализируй. Поможем друг другу решить проблемы, по-семейному. Мне нужны оборотные средства, тебе люди. Удачно все получается, — он потер ладони, и мне этот жест не понравился.

Небось попытается мне втюхать каких-нибудь доходяг! Нужен человек дотошный, прожженный, которому я доверяю, и который разбирается в людях! И я знал такого. Такую! Как только Афанасий Афанасьевич пропал с экрана я посидел немного, глядя на пасмурное небо за окном, а потом взялся за телефон, и мигом нашел нужный контакт:

— Доброго и приятного для, Наталья Кузьминична! Как дела, как здоровьице, как жизнь?

— Чтоб я сдохла, — сказала старая опричница. — А лучше — чтоб ты сдох! Это что, приступ сентиментальности? Или ты пьян, Пепеляев? Никогда не поверю что ты действительно обеспокоился моей жизнью и моим здоровьицем. Чего тебе нужно, поджигатель, убийца и маньяк от педагогики?

— Вы, — сказал я. — Мне нужны вы. Целиком и полностью, задорого, на неопределенный срок. Я в некотором роде теперь аристократ и богач, и собираю под свои знамена верных вассалов. Дел много, людей — мало. Первым рыцарям круглого стола — мое уважение и сертификат к стоматологу на любую сумму! Вот такое предложение.

— Что, и виниры оплатишь? — в голосе Прутковой послышался хищный интерес.

— Можно и виниры. А хотите — омолаживание организма у этих… Как их… Ну, по телику крутят, там то эльф слащавый, то орк с разноцветными зубами…

— «Хьянда Инвиньятаре», — отчеканила Наталья Кузьминична. — Пепеляев, ты не шутишь? Поможешь мне скинуть десять годков и подлечишь зубы? И что я должна буду

делать за это — руководить детским садом для гоблинов? Вместе с тобой сажать наркодилеров голой жопой на муравейник? Сжигать заживо рептилоидов? Знаешь, я в таком возрасте, что… Нет проблем, я в деле, в общем. Если ты оплатишь еще и лазерную коррекцию зрения моей внучке — считай, ты меня купил. Я вообще на пенсии, а от кураторства меня тошнит. Нынешний подопечный — скучный, сидит неделями за компьютером, порнуху смотрит, гуманизмом занимается и спивается. Так что — забери меня отсюда, Пепеляев. Опричнина мне стоматолога не оплачивает.

— А-а-а-атлично! — едва ли не пропел я. — Мы договоримся. Понимаете ли, мы ведь в Беларуси, Наталья Кузьминична… Беларусь, при всех оговорках, край женский… И если я хочу, чтобы меня воспринимали всерьез — мне точно нужна взрослая и опытная женщина на должности исполнительного директора. И я должен этой женщине доверять. А кроме вас у меня никого подходящего и нет, однако. Собирайте вещи, вы переезжаете в Горынь!

* * *

Я никогда не был наивным оптимистичным идиотом. Напротив — мой взгляд на мир всегда склонялся в сторону деятельного пессимизма. Что-то вроде «дерьмо случается обязательно, но это повод работать еще больше». Так что иллюзий по поводу своего положения я не питал: жить три жизни сразу у меня уже не получалось, я откровенно не вытягивал, даже не смотря на то, что являлся трехголовым чудом-юдом. Уметь бы располовиниваться на три половинки, тогда — дракона бы посылал в хтонь, на Сыскной приказ ишачить, Гошу — в Горынь, за хозяйством следить, а сам бы уроки вел.

Я прекрасно понимал: в итоге чаша терпения переполнится, и за меня возьмутся всерьез. И, возможно, это произойдет уже очень скоро. А далее — война, огонь, случайные жертвы кругом. Пострадавшие люди и нелюди, которые когда-то мне помогли, или просто — были рядом… Статус земщины вроде как предусматривал для меня некоторое прикрытие от мести магов, и ЧП, объявленное Зборовским, этому сильно способствовало, но вечно так продолжаться не могло. Если я хотел жить спокойно, работать, учить детей, то, похоже, нужно было или решать вопрос радикально — то есть, действовать по плану царевича Федора и каленым железом выжигать дурные панские амбиции.

Или — делать по-моему, то есть — играть в Дамблдора. Я

хотел превратиться в некую священную корову, курицу, несущую золотые яйца, или антилопу, которая испражняется монетами. Стать настолько ценным, чтобы никому и в голову не пришло цыкать на меня зубом. А самое ценное в этом мире — магия. Значит — инициации.

Я уже обобщал опыт — пока только в своем мозгу, примерно представлял себе, как с моей подачи можно увеличить число молодых магов, сделать количество инициации не просто заметным, а — значительным в рамках всего Великого Княжества, а то и всего Государства Российского. Мне нужно было свое учебное заведение! Я чуть голову не сломал, думая над его концепцией, и придумал пока только то, что рассказал Вишневецкой: летний лагерь, на манер большого благотворительного скаутского турслета. И если название «скауты» тут считалось авалонским и не очень приветствовалось, то, например «партизаны» — это звучит очень по-белорусски. Здешние мои соотечественники тоже отличились в ходе истории: прятаться по лесам, лупить по голове, отстреливать и взрывать незванных любителей «курки, яйка и млека» тут тоже считалось национальным спортом белорусов.

Программа партизанского слета должна была включать в себя кучу всего прикладного-туристического, краеведческого, есествоиспытательского, музыкально-танцевального… И я уже заручился поддержкой кое-кого из коллег-педагогов, например — Элессаров был руками и ногами «за». Ребята-нулевки из «Зеро», думаю, тоже согласятся подработать экспертами по выживанию, инструкторами по спортивной и туристской подготовке… Кто может справиться лучше нулевки с потенциальными волшебниками?

А еще — мне были нужны маги. Одна кандидатура у меня имелась, но нужно было больше, много больше!

Мне хотелось, чтобы после окончания летней смены ребята только и мечтали о том, как приедут в Горынь в следующем году! А услышав о том, что в Горыни открывается старшая школа, колледж, лицей (бес знает как я назову учреждение по итогу), мальчишки и девчонки, юноши и девушки не мыслили никакого иного учебного заведения для поступления. Но это — дело не этого года, точно. Лагерь — для седьмых и восьмых классов, школа — для старших… Целая куча работы!

Все это время, сидя за столом, я чирикал в блокноте карандашом — рисовал циферки несуществующих пунктов эфемерного плана. Звонок Вишневецкой стал для меня настоящим светом в конце туннеля:

— Яся, солнце мое, как я рад тебя… Видеть, слышать, что

угодно!

— Геор-р-ргий, ты меня пугаешь! — на экране телефона виднелось лицо девушки и задний план: она явно сидела внутри своего спорткара, но машина не ехала — была запаркована в каком-то крупном городе. В Чернигове? — Ты что вечером делаешь?

— Вообще-то я хотел заставить одну пьющую менталистку закрыть должок, — сказал я. — Если я не ошибаюсь — в мозгах Иеремии Михайловича Заславская поковырялась?

Лицо Ядвиги заметно потемнело. Обычно милое и приветливое, или — бесшабашно веселое, оно стало жестким, хищным, резким.

— Я убью ее, — сказала Вишневецкая. — Чес-слово.

— Стоп, стоп, — попробовал немножко разрядить ситуацию я. — Это ведь не она — убийца. Олельковичи были виноваты — Олельковичу я оторвал голову. Гольшанскому, кстати, тоже. И Пацу — но она была в шлеме, так что технически я еще и завязочки от шлема оторвал. А Заславская — она пошла на сотрудничество, и вообще…

— Что ты им оторвал?! — лицо из грозного мигом стало удивленным. — Когда ты успел? Пепеляев, тебя страшно оставлять одного!

А потом до нее дошло:

— Погоди, Заславская — что?.. Что ты с ней сделал? Ты пытал ее?

— Я ж говорю — ситуация вышла из-под контроля, и мы с Пеплом… Э-э-э… То есть я! Я оторвал им головы. А она это видела. Вот и решила пойти на сотрудничество. Теперь, однако, хочу ее заставить подлечить твоего деда.

— Ой! — Вишневецкая заморгала. — А… Нет, ну ты это здорово придумал, правда! Я даже не буду убивать ее… Но он — захочет.

— Даже если она придет его подлечить? — засомневался я.

— А ему нужно, чтобы она его лечила? — задала резонный вопрос очень умная Яся.

Я как-то об этом не подумал сразу. А теперь — мне снова вспомнился тот самый анекдот про мужика, который притворялся немым, а когда его жена выучила язык немых — начал притворяться слепым. Да и мутил князь Ярэма что-то в Горыни, это к гадалке не ходи…

— Ну, лишним не будет, — задумчиво проговорил я. — Наше дело — предложить. А уже лечиться там или не лечиться — это пусть сам решает. В любом случае — на нее у меня управа есть, если кого-то из вас она попробует подчинить или как-то еще

воздействовать — я ее мигом в бараний рог скручу!

— Без меня не скручивай, — нахмурилась она. — Встретимся в Горыни, так?

— Так, — кивнул я.

— Тут ехать мне километров сто тридцать, я за час доберусь.

— Мне до Горыни — тридцать километров… Я тоже через час буду! — уж больно разный у нас был стиль езды, да мне еще и Заславскую из лап Сыскного приказа нужно было забрать.

— До встречи. Целую! Будь там осторожен с этой змеюкой! — она послала мне воздушный поцелуй.

У меня на душе скребли кошки, честно говоря — я не очень верил, что смогу обеспечить безопасность Заславской, если Вишневецкий захочет ее прикончить…

Пока запускал «Урсу», пока вел машину по направлению к штаб-квартире вышемирских земских ярыжек — зданию отдела Сыскного приказа — много думал. Могу я поступить иначе? Нет. В конце концов, Иеремии Михайловичу я был многим обязан! Я должен попробовать помочь ему, вот и все. А примет он эту помощь или нет — другой вопрос…

* * *

Заславскую провожали всем отделом. Точнее — тем, что после него осталось. Перетряхнули вышемирских ярыжек страшно, теперь там рулил Караулов — тот самый ироничный молодой человек из команды Риковича, который вел броневик во время нашего вояжа на Славутич.

Княгине норовили придержать дверь, поцеловать ручку, подать пальто. То есть — тренч. Бежевый. Ей вручили даже цветы и бутылку коньяку — с собой. Они улыбались радостно, как дети, эти сыскари, и я стал подозревать что-то нехорошее: применение ментальной магии или свальный грех, например, но Ольга Евгеньевна, садясь на переднее сидение «Урсы», заявила, предвосхищая мои вопросы:

— Я им столько всего понарассказывала… Ик! Я всех сдала! Пусть гниют! А эти мальчики — они у меня все станут стольниками! Стольничков там было много… Э-э-э-э… И целовальниками. Я же там кого-то поц-ц-целовала? Или всех? Такие хорошие мальчики! — зрачки у Заславской группировались то в район переносицы, то смещались куда-то к вискам.

Воистину, пьющая менталистка — горе в семье!

* * *

Глава 20
Деконтаминация

Вишневецкий в позе лотоса сидел в центре какого-то гигантского иероглифа, начертанного на снегу, и держал в руке череп того самого пана то ли из Свинских Кишок, то ли из Конских Кишок, которого мы доконали в подземелье. Иероглиф был вписан в окружность, по периметру которой бегал Христофор Радзивилл и дорисовывал еще какие-то закорючки. Однако, все это выглядело очень таинственно и многозначительно.

Зимние небеса хмурились. Темные, почти черные тучи опустились низко к земле, закручиваясь в пугающих размеров воронку, как будто перед ураганом. Мельчайшие частицы снега висели в воздухе, образуя странное марево, время от времени освещаемое взблесками потустороннего света, которые вспыхивали, когда бывший лич дорисовывал очередную загогулину. Однако, они тут творили некий ритуал, и, кажется, я догадывался, что именно задумали эти великие старики!

— Помнишь, я говорила тебе про академическую магию? — спросила Яся, тесно прижимаясь ко мне. — Вот, это она и есть. Никто из них не является менталистом. Мой дед — сильнейший телекинетик, Радзивилл — некромант. Но оба они — маги ученые, с весьма глубокими познаниями в фундаментальной теории магии, и потому — им вполне по силам создать вот такой вот чудовищный конструкт…

— А зачем? — я не мог не уточнить. Все-таки она была специалистом!

— Насколько я могу понять, они хотят что-то злое и нехорошее поместить в нечто мертвое, заполнить пустоту внутри чего-то, что было вместилищем… — тут ее глаза расширились: Вишневецкая смотрела на череп в руках своего деда. — Он хочет… Это же безумие, чес-слово! Так ведь можно разрушить его память! Да и вообще — Великий Ритуал для хирургической операции? Что-то тут не то…

— Однако! То есть вместо дедушки с шизой мы получим дедушку с амнезией? — напрягся я.

Мои догадки о лечении от ментальной травмы оказались верными. Но ничего хорошего это не предвещало. А ну, как забудет, что Горынь мне подарил и Яся — моя невеста? Такому монстру, как Вишневецкий, и дракона забодать вполне по силам! Вон, Воронцов телепортировал меня особенно не спрашивая, а князь Ярэма наверняка не слабее его будет…

— ЕЩЕ ПОСМОТРИМ, — проворчал дракон. — КТО КОГО ЗАБОДАЕТ…

— Еще и некромант в ассистентах, Гос-с-с-поди ты Бож-ж-же мой! — прижала ладони к лицу Ядвига. — Надо как-то исправлять ситуацию!

— Будить Заславскую? — предложил я.

Заславская спала на переднем сидении «Урсы» и храпела как настоящее чудовище. Она не храпела — рычала! Такой рык подходил скорее Левиафану, или, например, Сцилле с Харибдой, но никак не весьма привлекательной аристократке неопределенного возраста.

— Нет уж, это я сама! — Ядвига решительными шагами пошла к машине, а я во все глаза наблюдал за разворачивающимся на поляне действом.

Некромант закончил рисование на снегу, что-то выкрикнул — страшное и гремящее, и большой иероглиф, в центре которого сидел Иеремия Михайлович, засиял замогильным зеленым светом. Самого старого Вишневецкого это нисколько не смутило — он с видом лихим и придурковатым взял и засунул себе руку в рот, едва ли не по локоть, и стал ковыряться внутри своей головы. Как будто только и ждал зеленой подсветки! Выглядело это более чем жутко, но самому князю Ярэме явно не доставляло никаких неудобств.

В другой его руке ярко светился череп пана Сорвипальца, или Отбейголень, бес его знает, как его там звали… Земля затряслась, тучи, кажется, опустились к самым вершинам деревьев, Христофор Радзивилл вдруг вместо того, чтобы читать заклинания начал материться, Иеремия Михайлович взлетел на расстояние метров десяти над землей — как был, с рукой во рту и черепом в руке… И вдруг — рухнул вниз, с силой ударившись о твердый снежный наст!

Что-то явно пошло не по плану! Я уже думал бежать вперед и вытаскивать князя из странной и пугающей ситуации, но за моей спиной раздался раздраженный и сиплый голос Заславской:

— Какой ужас, мальчики, что за стерлядский цирк вы тут развели!?

Я обернулся: менталистка была насквозь мокрая, злая и очень-очень трезвая. Ее взгляд метался от рисунка на снегу к замершей в странной позе фигуре Иеремии Вишневецкого, потом — к некроманту, после этого — к небесам…

— Пепеляев! — решительно заявила она. — Перенеси меня через эту мазню!

Я глянул на Ясю — она кивнула. Однако, они являлись магами — и не из последних, так что разбирались в

происходящем куда как лучше меня! Ничтоже сумняшеся, я подхватил Ольгу Евгеньевну (плевать мне было на ее прелести, больше бесило, что вымокну до нитки) и широкими шагами попер по поляне к центру узора, туда, где корчился Вишневецкий. Пока шел — догадался, почему Заславская оказалась такой мокрой: наверняка, это были последствия экспресс-пробуждения от Ядвиги!

Некромант попытался остановить меня, что-то выкрикивая и размахивая руками, но тщетно — по всему выходило, что два старика облажались.

— Дилетанты! Это сработало бы с каким-нибудь второсортным телепатом, но не со мной! Стала бы я бывшему банальный мозгокрут подсаживать! Не-е-ет, — ворчала мне в ухо Ольга Евгеньевна. — Я поставила на паразита предохранитель. Даже — два! На извлечение и на пересадку! Хотя их методика извлечения… Хм! Архаичная, с примесью мерзкой радзивилловской некромантии, но очень, очень интересная. Погодите! А это ведь не НАШ Кшиш, это какой-то другой Кшиш! Да может и не Кшиш вовсе! Дьявол, да этому Кшишу лет пятьсот!

Меня другое больше занимало: Заславская назвала князя Ярэму бывшим! Это бес знает что какое-то! Не аристократия, а хипари какие-то! В кого не ткни — этот к тому подкатывал, та с этим спала, тот бывший у другой!

— Отпускай меня! — скомандовала Ольга Евгеньевна и я, едва не перепутав верх и низ, поставил ее на землю. — А теперь замри!

Я, сунув руки в карманы, наблюдал за ее манипуляциями. Магичка подошла к начавшему биться в конвульсиях старику, наклонилась, крепко взяла его обеими руками за виски и заглянула в глаза.

— Буэ! — сказал Вишневецкий и высунул руку изо рта.

В кулаке он сжимал нечто комковатое, черное, отвратительное, дергающееся.

— Живодеры, — проговорила Заславская. — Запороть шомполами. Идиоты. Старые дурни. Кто так работает? Из пушек палить по лягушкам? Вши заели — волосы подожгу? Стерлядский цирк! А, дьявол!

На этом ее возгласе черный комок вырвался из скрюченных пальцев Вишневецкого и метнулся ко второй руке князя! Туда, где ждал своего часа череп пана Убейкопыто, или как его там? Однако, подготовленное вместилище исполнило свою функцию, но совсем не так, как было задумано волшебниками изначально! Вишневецкий, лежащий на земле, вдруг открыл глаза, глянул на Заславскую, потом — на полный тьмы череп в своей руке и

сказал:

— Ну и бредятина! — и разжал пальцы, и снова потерял сознание, привольно раскинувшись на снегу, разметав во все стороны свою седую шевелюру, руки и ноги.

Череп взмыл вертикально вверх, в небеса, высоко к облакам, со страшной скоростью! Спустя буквально пару секунд он уже исчез из виду! Происходило что-то явно из ряда вон выходящее, поскольку все маги на поляне пребывали в состоянии шока. Даже моя неунывающая Яся, даже древний лич Христофор Радзивилл, даже пьющая великая менталистка Заславская!

Облака над нашими головами стали преображаться, менять свое местоположение, уплотняться, приобретая пугающие очертания огромного, с бесов дирижабль величиной, хищного, оскаленного черепа. Что это за дрянь-то такая? Эх, господа-дамы маги, накосячили, как теперь разбираться? Помимо картинки в небе я ничего особенного не ощущал, даже не пытаясь использовать драконье зрение: оно мне надо, лишние нервы вот эти вот?

А вот остальные — их аж придавило. Ядвига опустилась на одно колено рядом с моей «Урсой», прикрывая лицо ладонями, Радзивилл организовал над своей головой что-то вроде зонтика из белесой паутины, но помогало, похоже, не очень хорошо — глаза его были выпучены, из носа текла кровь. Заславская как-то совсем не по-княжески присела на корточки, чуть ли не в позу гопника у подъезда, ее зрачки закатились куда-то далеко-далеко…

А я… Я ждал. Ждал, и глубоко дышал, посматривая на череп в небесах. Секунда, две, три, четыре… Страшная мертвая физиономия уже спустилась низко-низко, разъявила пасть метрах в пяти над Вишневецким и Заславской, и мне совсем не хотелось проверять, что будет, если челюсти сомкнуться. А потому…

— ХУ-У-У-У-У!!! — копившееся в груди раздражение, досаду и недоумение я выдохнул прямо в лицо адской твари.

Сноп огня получился просто чудовищным, я сам не ожидал! Растаял снег, загорелись деревья на краю поляны, в тучах, однако, образовалась прореха! И страшную рожу как языком слизнуло. Была — и нет! Фокус-покус от дракона!

— Ну и бредятина, — раздался слабый голос князя. — Это ж надо, какая дрянь порой приснится! Вот я тут спал и приснилось мне, что я как будто Горынь какому-то рыжему в приданное за Яську отдал, а он как бы и не женился на ней пока, а потом лич какой-то и… Ох, мать моя!

Голос Иеремии Вишневецкого был очень, очень удивленным, кажется — дальше и некуда. Оказалось — есть куда. Он сел,

огляделся, хлопая глазами, а потом уставился в одну точку — куда-то мне за спину.

— Гражинка?

— Еремка-Еремка… — раздался укоризненный женский голос. — Подлец, бродяга. Я там одна тащу на себе весь Збараж, а он обжимается со всякими старыми шлюхами… И ладно бы с кем-то интересным, так нет! Это Олька Заславская, собственной проститутской персоной!

Я обернулся и увидел высокую, статную женщину, зрелую блондинку с породистым лицом, которое живо напомнило мне Ясю. Только моя Яся была изящная и миленькая, а эта — напоминала грозную барыню, которая собственноручно крестьян на конюшне порет. Глаза ее метали громы и молнии! Это была та самая бабушка, княгиня Корибут-Вишневецкая, деспот в юбке, гроза Збаражской юридики и притча во языцех! И она широкими, мужскими шагами, придерживая подол тяжелого бархатного платья, двигалась через погасшие иероглифы и пиктограммы прямо к нам.

— Ольга Евгеньевна, — уголком рта проговорил я. — Кажется, для вас наступил подходящий момент удалиться. Есть возможность?

— То есть, услуга исполнена? — так же тихо спросила она, косясь на Гражину Вишневецкую, которая приближалась с решительностью танковой армии.

— Услуга исполнена, — подтвердил я.

— Вуаля! — сказала Ольга Евгеньевна, встала и пошла прочь.

— Так! И где эта стерва? — удивленно огляделась бабушка Яси. — Только что ведь была здесь!

Я видел Заславскую прекрасно, она особенно не торопясь уходила с поляны, даже следы там, где снег не растаял, оставались! Но никто кроме меня этого не замечал! Христофор Радзивилл, кажется, пришел в себя, и, шатаясь, тоже двигался к Вишневецкому. Яся бежала через поляну к нам. И никто, никто не видел Заславскую!

— *Менталистка,* — пояснил Гоша. — *Отвела глаза. Сильная!*

— ХОЧЕШЬ, ПОДСВЕТИМ ЕЕ? ЕСЛИ ДУНУТЬ — ОНА ПОДКОПТИТСЯ, БУДЕТ ЛУЧШЕ ВИДНА НА СНЕГУ! — предложил добрейший Пепел. — ТА ЕЩЕ МЕРЗАВКА, ТЕБЕ ТВОЕ МИЛОСЕРДИЕ АУКНЕТСЯ!

— Спокойствие, только спокойствие, — проговорил я, обращаясь то ли к соседям по черепной коробке, то ли к присутствующим рядом волшебникам. — Сейчас мы с вами пройдем в особняк, и со всем разберемся. Тихо, мирно, без инцидентов.

— Мальчик, — Гражина Вишневецкая посмотрела на меня как Ленин на буржуазию. — Ты кто такой?

И тут меня накрыло. Эти аристократические понты, вся эта надменность и высокомерие магов, их абсолютная уверенность в собственном превосходстве… Я тут верчусь как белка в колесе, стараюсь нести вот это самое разумное, доброе, вечное и при этом — оставаться хорошим парнем, а — снова здравствуйте! «Мальчик, водочки мне принеси!» Бабуля, понимаете ли!

Я и не заметил, как мой угол зрения слегка изменился, как затрещала одежда, как перестал ощущаться холодный ветер, и я вцепился в землю десятью крепкими, кривыми как турецкие кинжалы когтями. Да и голос у меня сильно изменился: сквозь острые клыки ящера читать стихи по-человечески не получится!

— ХОЗЯИН ГОР ОКРЕСТНЫХ

ПЕЩЕР, РУЧЬЕВ И СКАЛ… — продекламировали мы басовитым рыком. — ***ВОТ КТО Я, ОДНАКО, ТАКОЙ!***

— Матка Боска! — слева направо, как принято в Западной традиции, перекрестилась Гражина. — Дракон! Еремка, ты зварьяцел? Горынь отдал дракону?

— Бабушка, это — Георгий, мой жених. Георгий — это моя бабушка, Гражина Игоревна Вишневецкая! — подскочила Яся. — Христофор, возьмите деда и несите в дом. Все — в дом, будем пить чай!

— Если вздумаете мириться, — проговорил я, чувствуя, как чешуя с рожи всасывается обратно под кожу, крылья прячутся в спине, когти — втягиваются… — Будьте любезны отправиться в охотничий домик Ходкевичей. Там чисто, тихо — и никаких гномов-строителей. У меня ремонт, мне разрушения без надобности!

— Какой серьезный молодой человек, — Гражина Игоревна смотрела на меня другими глазами, и превращенная в лохмотья одежда ее не смущала. — И что, Ядвига, ты думаешь он тебе подходит?

— Я думаю он мне подходит. Ба, чес-слово, лучше всего тебе будет сейчас пойти с нами пить чай. А потом взять деда — и вместе с ним пойти в охотничий домик! — очень деловым тоном пояснила Яся.

— Ишь ты, бабку свою — в охотничий домик посылать вздумала! Ну-ну! — и походкой царицы пошла в сторону усадьбы.

Дорожка ей была хорошо знакома.

А вот Шарик с Матроскиным… Сиречь — Комиссаров с Табачниковым — они меня порадовали. Они встретили как хозяина меня, а не ее.

* * *

Чаепитие проходило в кромешной тишине. Степенно сербали из кружек гномы-строители. Звенела ложкой Ядвига, размешивая несуществующий сахар в чае. Аккуратно, с аристократическим изяществом, при помощи ножа и вилки ел вареную колбасу Христофор Радзивилл. Котофей с полотенцем на сгибе руки и песьеглавец с вываленным едва ли не до плеча языком изображали из себя официантов и подносили перемены блюд — в основном мне. Потому что ел я очень хорошо. Аппетит был зверский!

— А-хм! — прочистил горло Отто Шифер, которому непривычно было находиться в столь блистательном обществе. — Значицца, кровельные работы мы завершили, аллес гут. Крыша была сложная, но — хабен ес зер гут гешафт. Материал хороший, техника есть, инструмент есть и мы — профессионалы своего дела. Завтра можем приступать к фасадным работам, и, думаю, трех дней нам хватит… Так?

— Йа, йа… — откликнулись кхазады, отвлекаясь от чашек с чаем.

Им тоже было непривычно сидеть рядом с таким количеством князей и аристократов. Но — они знали себе цену и не собирались ломать шапки и делать подобострастный вид. Раз хозяин дома и наниматель пригласил их за стол, значит -так тому и быть. Тем более, им действительно было чем гордиться: за двое суток трудолюбивые бородачи сделали бесову уйму работы! И эти двое суток кхазады, кажется, совсем не спали, трудились все время без исключения, помогая себе какими-то разухабистыми песенками, заковыристыми матами и частыми перекусами. Я никогда не видел, чтобы кто-то вот так работал — непрерывно!

— Вы большие молодцы, — кивнул я. — Если так и продолжится — обсудим новые условия найма, на год, как и договаривались.

— А это… — огладил бороду Шифер. — Майне камераден интересуются: что, если переехать на постоянное место жительства? Тут с Ходкевической стороны есть моренная возвышенность сто двадцать семь метров над уровнем моря, с крупными валунами и почти горным пейзажем, это… Урочище Копань! Очень, очень кхазадское название, понимаешь, Серафимыч? Дигги-дигги холл и все такое прочее, дас ист кля?

— Обсудим! — кивнул я. — Строительства нам предстоит много, работы хватит…

— Тогда мы пойдем, — заскрипелои стульями гномы. — Нужно запускать бетономешалку, выставить свет…

— Вы за фасад ночью браться думаете? — удивился я.

— А чего время терять? Ты, Серафимыч, нам не за чаепития платишь, а за сделанную работу. Сделаем фасад — отдохнем, пока Густав со своими вернется. Внутрянка — это его епархия, мы сюда не полезем! — кхазады заторопились наружу, они все выходили по очереди, говорили «данке», и «ауф видер зеен».

— Цены им нет, — сказал Табачников. — Надо брать! Ащ-щ-щ-щь, Комиссаров, тебе жить надоело? Чего ноги топчешь мне?

— Пойдем, Тимофей, во двор, обход сделаем, — по-собачьи наклонил голову мохнатый егерь. — Пойдем-пойдем, дело обязательное! Тут сейчас все эти их сиятельства и наш хозяин будут вести Очень Важные Разговоры и решать Весьма Значительные Вопросы, и нашим меховым задницам тут делать нечего. Ваф-ваф-ваф-ф-ф-сех смыслах!

Христофор Радзивилл барабанил пальцами по столу. Бледный как смерть, но вполне живой Иеремия Михайлович Вишневецкий, благодаря каким-то неизвестным мне целительным чарам, наложенным супругой, уже пришелв себя, и теперь сидел не на потолке — по своему обыкновению, а на стуле, чинно сложив руки на коленях. Ядвига рассматривала всех нас сквозь грани хрустального бокала и посмеивалась: наверняка, у меня там, в хрустале, было смешное и дурацкое лицо.

А я тоже ничего не говорил, я помалкивал и чувствовал себя отлично: крышу сделали, фасад скоро будет, чаю выпили с колбасой — чего же более? Черепушка над Горынью полетала, князюшко себе в горло руку по локоть запихал — ну так это все пустяки, дело житейское. Было да сплыло!

— Итак… Иеремия, я требую пояснений, — переменила позу Гражина Игоревна. — Мы все требуем! Расскажи, пожалуйста, каким это таким неожиданным образом вы вместе с этим умертвием в теле почившего в Бозе Кшиша едва не организовали рядом с уездным городом Прорыв Хтони?

— Однако! — только и смог сказать я, мигом подобравшись.

Вечер переставал быть томным!

* * *

Глава 21
Детерминация

Яся держала меня за руку под столом, но в этом не было такой уж сильной необходимости — я не собирался срываться и психовать, это — не мой метод. Хотя, конечно, ее прикосновения всегда были мне приятны. А открывающаяся перед нами правда, в принципе, могла бы заставить меня сильно разочароваться в людях. Если бы я был ими очарован.

Нам даже не приходилось встревать в разговор: Гражина Игоревна справлялась на десять баллов. Даже пятисотлетний Радзивилл перед ней пасовал, не говоря уже о муженьке, так что клубочек разматывался, и коварный план сумасшедшего деда постепенно проявлялся перед нами во всей своей пугающей простоте.

Иеремия Михайлович действительно с трудом контролировал свой рассудок в последние годы. Но при этом — находил в таком положении вещей кое-какие плюсы: во-первых — от него отстали, во-вторых — его мозг не мог контролировать никто другой тоже! Вишневецкий ждал подходящего момента и обдумывал комбинацию, которая позволила бы ему в один момент излечиться, увеличить личное могущество и отомстить своим врагам. Его козырем в рукаве была Горынь со скрывающимся внутри личем. У них с Николаем Христофором Радзивиллом, оказывается, уже давненько установились если не приятельские, то партнерские отношения. Лич обещал помощь в избавлении от паразита, Вишневецкий — сулил умертвию новое молодое тело. А сокровища — пополам! Поначалу он просто хотел скормить меня древнему некроманту, узнав о том, что я — наследник Пепеляевых-Гориновичей, но потом присмотрелся — и решил провернуть финт посложнее.

В мою пользу сыграл тот факт, что я не маг и не пустоцвет, а нулевка. Для вселения — цель очень средней привлекательности, особенно имея в виду личность попаданца, который всю жизнь являлся могущественным чародеем! А еще — имел значение конфликт с Кшиштофом Радзивиллом. Он — начинающий некромант, человек порочный и слабовольный — подходил на роль реципиента гораздо лучше, чем принципиальный учитель-нулевка. Да, и искренняя симпатия ко мне со стороны любимой внучки произвела на князя Ярэму впечатление.

А на Радзивилла Черного произвели впечатление мои решительные действия в подземелье. Он, как и многие другие

поначалу думал, что я — очень удачливый нулевка, который завладел парой могучих артефактов, и сильно удивился, распознав во мне дракона. В любом случае, старый лич уже много-много лет нацеливался на кого-то из родичей, имея в планах заманить их к себе в подземелья роспуском слухов о сокровищах, или любым иным способом… И шикарно воспользовался шансом, когда взял меня на пушку с этой дурацкой клятвой! Я — нулевка, мне плевать на проклятья! Однако, я катастрофически сглупил и просто повелся, испугавшись за потомков и родственников! А такие проклятья, оказывается, работают как электрическая цепь — разорви одно звено и все, нет никакого напряжения в сети! Так что подставился я знатно, повел себя по-кретински… И доставил-таки потомка к алчущему и жаждущему молодого тела предку. Не так что бы и жалко было Кшиштофа, если честно, но все равно — получилось как-то не по христиански.

Но в нашей компании самым главным кретином был не я, а Иеремия Михайлович. Он в какой-то момент просто забыл про сокровища! Ну, учитывая его состояние (и психическое, и финансовое) — оно, наверное, и не удивительно, хотя учитывая объемы богатства — все-таки удивительно. Подумаешь, триста кило золота и еще целая куча всяких украшений и серебряного старинного хлама!

За такую бесхозяйственность Гражина Игоревна хотела мужа уничтожить, но не стала, поскольку даже с учетом целительской волшбы Вишневецкий чувствовал себя не очень и выглядел как умирающий лебедь.

— Бог с тобой, посвятил его в рыцари — твое право, в конце концов он Яську защитил. Но зачем разбазаривать имущество?! Нет, если бы не золото — я бы простила тебе этот клочок земли и раздолбанный замок, — вздыхала княгиня. — Что такое двести гектаров, в конце концов…

— Пятьсот, — наконец решил сказать я. — Пятьсот гектаров.

Меня очень интересовал момент их легкомысленного отношения к возможному Прорыву Хтони под носом у Вышемира, но этот вопрос я пока решил не озвучивать — со всем разберемся постепенно.

— Это как? — удивилась старшая Вишневецкая.

— От Ходкевичей прирезали, — сообщил я. — Он был должен Сапеге, а Сапега — мне.

— Какой хозяйственный мальчик… Э-э-э… То есть… — она помнила мою реакцию на это слово, так что смешалась, явно придумывая подходящее обращение.

— Дети в школе зовут меня Георгием Серафимовичем, —

подсказал я. — Но это все пустяки. На самом деле, есть куда более важные моменты… Два момента.

— Вы посмотрите на него! — некромант всплеснул руками. — Какой хладнокровный тип! Он только что понял, что его использовали и едва не разменяли, и ведет переговоры в таком тоне! Определенно, драконы прошлого вами бы гордились…

Я жизнерадостно оскалился в ответ. Как там говаривал Пепел? Мы — хладнокровная тварь. И в некоторые моменты это сильно спасало. Например — на последнем уроке второй смены у седьмого класса, или на педсовете. Или — когда сидишь за столом с четырьмя сверхъестественными существами, которые плевать хотели на законы физики, и выясняешь, что двое из них просто употребили тебя, третья — хочет отнять ценное имущество, а четвертая… А четвертая — любит!

— Итак, два пункта, которые обсуждению не подлежат, — сказал я. — Слушайте внимательно, уважаемые сиятельства. Горынь я никому не отдам — это раз. На Ясе я женюсь — это два.

— Так, — сказала Гражина Игоревна. — Неужели ты думаешь, что…

— Я думаю предложить вам долю в нефтяном бизнесе. А еще, может быть, в центре паллиативной виртуальной медицины — но это надо советоваться с некоторыми выдающимися джентльменами. А если вам очень-очень повезет — тогда войдете в попечительский совет учебного заведения, где процент инициаций выше среднего по больнице примерно на порядок…

— Какой больнице? — удивилась ясина бабушка.

— Известно какой, — голос Иеремии Михайловича был внезапно веселым. — Психиатрической! Гражинка, что ты сидишь такая вся серьезная? Ути-пути как бровочки нахмурила, такая вся бяка-закаляка, уй-юй-юй!

И ткнул ее пальцем в бок, а она — взвизгнула:

— Дурной!

А он еще раз ткнул ее пальцем в бок.

— Идиот! Хватит уже! — но ее тон явно говорил о том, что не хватит.

— Дай-ка я хорошенько тебя обниму, Гражинка, а то ты такая вся напряженная, такая боевитая… А ну-ка повернись ко мне и поцелуй мужа!

— Охотничий домик, — напомнил я.

— На свадьбе я буду посаженным отцом, внучата! — заявил князь Ярэма, ухватил жену за талию и — вж-ж-ж-ж! — вылетел в окно, выбив стекло.

Из окна показалась бородатая физиономия Отто Шифера с квадратными глазами. Он, похоже, как раз штукатурил фасад, а

заодно — хорошенько грел уши.

— Шайзе, — сказал Шифер. — Я так понимаю, что застеклить витраж тоже придется?

— Придется, — кивнул я. — А еще — придется помалкивать, Отто. Иначе господин некромант вырежет тебе гайяскутус на спине. Ты хочешь себе гайяскутус на спине?

— О-о-о-о, найн, — замотал бородой Шифер. — Пойду, позвоню Густаву, пусть прикупит цветного стекла и штапики…

— Очень мудрое решение, — ободрил его я.

— А что такое гайяскутус? — спросил с видимым интересом Христофор Радзивилл.

— Понятия не имею, — честно признался я.

* * *

Оказывается, дело было не только в другом мире и попаданчестве. Просто — будучи учителем в провинциальном городке там, на Земле, и сконцентрировавшись на преподавании и научной работе, я в принципе не представлял себе возможностей, которые открывались перед человеком по-настоящему богатым. И я снова не о пресловутом золотом унитазе, и даже не о лисьей дохе или трости с набалдашником из слоновой кости.

— Рекрутинговое агентство, — пожала плечами Яся. — Может и не в Мозыре, но в каком-нибудь крупном сервитуте типа Камышинской Вольницы или Сан-Себастьяна оно точно найдется. У тебя теперь очень много денег, и ты можешь поручить профессионалам поиск кадров. Тебе подойдут педагоги из сервитутов, чес-слово. Они привыкли иметь дело с самым разным контингентом, их не напугают ни причуды эльфийской молодежи, ни самоубийственные выходки юных уруков. Рекрутеры отберут тебе самые подходящие резюме, посмотришь…

— Однако! — я притянул к себе девушку и чмокнул ее в макушку. — Что бы я без тебя делал? У меня голова кругом идет порой, я не знаю, за что хвататься!

— А за что хочется больше всего? — стрельнула на меня глазками Вишневецкая.

Надо сказать, что она только что закончила заниматься то ли йогой, то ли еще каким местным пилатесом, и зашла в мой горыньский условный кабинет — комнату, в которой стоял старинный огромный диван и монументальный письменный стол — отвлечь меня от чтения бесконечного количества бумаг, которые сопровождают всякое новое начинание что в сфере

образования, что — в области бизнеса. Я с трудом пробирался сквозь канцеляризма и столбцы цифр, когда вошла Яся — в леггинсах, спортивном топике и со свернутым ковриком в руках.

После тренировки она раскраснелась, дышала часто, грудь под топиком вздымалась, эти самые бесовы леггинсы подчеркивали все, что только можно подчеркнуть, а тонкая талия и плоский животик так и…

— Я вся потная! — возмутилась она, шутливо шлепая меня по рукам

— Ой, ну и что? — фыркнул я.

— Ну и то! Это тебе может нормально, а мне — ненормально, чес-слово! — девушка вывернулась и уже собиралась уходить.

— Ядвига Сигизмундовна, стойте! Я хочу сделать вам очень серьезное предложение! — я догнал ее в два шага и удержал за руку.

Она захлопала глазами и прижала руки к сердцу. Коврик упал на пол.

— Подожди, Пепеляев, что, прямо сейчас?

— А чего тянуть-то? — ухмыльнулся я, и не думая становиться на колено и доставать кольцо. — Будь моей замдиректором!

— Ну ты и гад! — она принялась лупить меня по груди ладошками, а потом форменным образом ухватила за бороду, притянула к себе и поцеловала: — Ладно, да! Да, я согласна быть твоим замдиректором по магической части в горе и здравии, в ремонте и проверке, во время экзаменов и на каникулах, пока аудит из Народного Просвещения не разлучит нас!

— Вот уж дудки им! — я подхватил ее на руки и понес в сторону ванной. — Не для того я все это затеял, чтобы всякие Просвещения нас разлучали! Мы построим такую школу, какую только захотим, здесь — в Горыни! И будем плевать на Народное Просвещение с такой высоты, с какой только захотим.

Порядочно разгоряченный ощущением самого желанного в мире девичьего тела на руках, я пинком открыл дверь ванной и, оглядев обстановку внутри, разочарованно сказал:

— Однако!

Вместо огромной старинной медной ванны, горячей воды и уединения с Ядвигой я обнаружил там армагеддон, голые стены, кучу плиточного клея, штабели стройматериалов, клубы пыли и пару работяг характерного деловито-коренастого вида.

— Хуябенд, — вежливо поздоровался гном в аккуратной спецовке, с пышной окладистой бородой. — Я — Густав, и я кладу тут плитку. А это Юрген, он мешает раствор и ведет другие подготовительные работы.

Из радиоприемника, подвешенного под потолком на куске проволоки, звучали какие-то детские веселые песенки на шпракхе, своими маршевыми мотивами живо напомнившие мне творчество группы «Рамштайн».

— Молодцом, Густав! — выдавил из себя я. — Молодцом!

Яся хохотала как ненормальная и дрыгала ножками у меня на руках. А я думал о том, что, видимо, пора возвращаться в земщину. В конце концов, у меня конец четверти на носу, выходные заканчиваются и с ребятами нужно потренировать выступление, защиту научной работы.

— Давай поедем на моей машине, — предложила Вишневецкая. — И тогда — успеем заскочить к тебе, я схожу в душ и…

— И? — заинтересовался я.

— И ты, наконец, сможешь определиться, за что хочешь хвататься в первую очередь! — закончила она и подмигнула.

Нет, ну что за девушка, а? Я же от нее просто с ума схожу, честно!

— Слушай, Ясь, по поводу второго предложения… — начал я.

— Сначала — байдарки, помнишь? — Вишневецкая погрозила мне пальцем.

Конечно, она поняла, что речь идет о женитьбе! И кто меня за язык тянул тогда, с этим «ремонт, поход» и все такое…

— Так это когда еще будет… — вздох сам собой вырвался из моей груди.

— Так в мае! Всего каких-то пара месяцев! — она потянулась ко мне губами, я — потянулся в ответ, и некоторое время мы целовались прямо в коридорчике, ничуть не переживая, что из-за полуоткрытой двери за нами могут подсматривать два гнома.

Кхазады в этом плане народ простой. «Что естественно, то не сверхъестественно» — так говорила мадам Шифериха…

* * *

У самой машины нас догнал Иеремия Михайлович. Вид он имел весьма солидный: приоделся в теплый кафтан с меховой опушкой и золотыми узорами, волосы свои седые расчесал, даже застегнулся на все пуговицы. И сапоги у него были что надо — с золотыми пряжками! И где только отрыл? Или это Гражина Игоревна с собой мужнин парадный гардероб привезла? В любом случае — я таким собранным его ни разу за время нашего знакомства не видел!

— Внуча, нам с твоим женихом поговорить надо, — сказал

он, и поманил меня пальцем.

Я кивнул Ядвиге, чтобы не волновалась. и мы с Вишневецким отошли под сень заснеженных сосен.

— Пепеляев, ты на меня зла не держи, — проговорил он, сделав неопределенный жест рукой.

— Если бы я на вас держал зло, или вы — на меня, то тут бы горело мертвое, — развел я руками. — Стихийное бедствие случилось бы похуже, чем эти ваши некромантские танцы с бубном. Я никогда не был настолько наивным, чтобы полагать, будто мне Горынь с неба упала.

— То есть — ты знал? — прищурился старик.

— Я знал, что вы подарили мне ее не за красивые глазки. Потому что глазки у меня самые обычные — это раз, и потому что за драку с Кшиштофом рыцарского звания было бы более чем достаточно — это два. На свете полно безземельных рыцарей! А когда узнал про сокровища подземелья — все стало совсем понятно. Не верю я в рояли в кустах.

— Во что, прости? — переспросил князь Ярэма.

— Бесплатный сыр только в мышеловке, — сказал я. — Но это ровным счетом ничего не значит, если в мышеловку вместо мышки попадается дракон.

— То есть — вражды между нами нет? — он не мог не уточнить.

— Я озвучил условия: Горынь — моя, Яся — тоже. Больше мне ничего не нужно.

— Я бы выкупил у тебя кое-что из вещичек, которые ты достал из подвала, — внезапно предложил князь. — Ты все равно не знаешь им цены, а я бы предложил что-нибудь стоящее.

— Летний лагерь? — вдруг я поймал кураж. — Вам ведь это ничего не стоит, в масштабах Збаражской юридики! Бунгало, летняя кухня, душ и все такое на тысячу ребят. К июню. И забирайте все цацки, какие только захотите. Кроме тех, что забрали себе мои нулевки.

— И многое забрали? — запереживал он. — Да, неважно, если что — с ними сторгуюсь. А что касается лагеря, то… Ты самый странный дракон из всех, с кем мне приходилось иметь дело! В основном они о власти, золоте, балансе речи ведут…

— У КАЖДОГО СВОИ ПРОБЛЕМЫ! — радостно откликнулся Пепел.

— И давно это у тебя? — поинтересовался Вишневецкий. — Ну, я имею в виду… Кто и когда тебя инициировал?

— Малюта, летом, — пожал плечами я. — Я в больничке лежал, только вернулся с войны. Вот и…

— Ага! Я думал, Скуратов-Бельский давно подох… —

задумичво проговорил Иеремия Михайлович. — Значит это ты по местным хтоням шорох наводил! А я на эту бабайскую шушеру грешил, у них здорово получается всякую дичь творить, после которой эфир неделями ходуном ходит! Нет, ты представь себе: этот ненормальный урук как-то заставил трахаться трех хозяев Хтони! Теперь об этом анекдоты рассказывают!

— Я уже слыхал эту историю, да, — кивнул я. — Не мой метод. Это, в конце концов, как-то неинтеллигентно…

— Должен сказать — ты неплохо держишься, для нулевки. Все, кто держал столько времени дракона под контролем, были мощными магами, чаще всего — огненными…

— Как Ян Жижка, — кивнул я.

— Как Ян Жижка, — подтвердил князь. — Я знаешь почему не очень-то препятствую вашим отношениям с Ядвигой? Потому что через год или два они закончатся. Мезальянсу придет конец. Это сейчас ей весело: это ведь так волнующе — княжна и дракон, да? Но когда ты превратишься в монстра и проявишь свою сущность… Яся — хорошая девочка, она не станет терпеть рядом с собой настоящее чудовище.

— Замечательно, — сказал я. — Это всё?

— Это всё. Если что — я не Яся. Даже если вы расстанетесь, ты можешь на меня рассчитывать. Знаешь почему?

— Потому что вы тоже — настоящее чудовище, — кивнул я. — То есть мы все-таки можем считаться союзниками?

— Я думаю — да. Почему бы и нет? Мне не помешает в союзниках крылатая ящерица, которая плюется огнем, — ухмыльнулся Вишневецкий

— А мне — сумасшедший старик, который ходит по потолку, — вернул ухмылку я. — А про летний лагерь — это я вполне серьезно.

— Конечно — серьезно. Дракону нужны драконята, кто бы сомневался… Вы с Малютой очень похожи, кто-нибудь тебе об этом говорил? — и он показал мне большой палец, совсем не по-стариковски.

Однако, последнее, что я ожидал услышать сегодня — это сравнение себя с легендарным опричником и личным палачом Иоанна Грозного. Особенно — в комплиментарном тоне! Да, да, эти старики пытались употребить меня, и, по-хорошему, мне следовало держаться от них подальше, но, по крайней мере, эти злодеи были мне уже хорошо знакомы. Да и имея в виду, что Вишневецкие вскоре станут моей родней (что бы там не пел Иеремия Михайлович о мезальянсе) — других союзников искать было просто глупо.

— Поехали, Георгий! — помахала из машины Яся. — Деда,

мы торопимся!

Определенно — если и было у нас что-то общее со старым магом, так это любовь к одной белокурой княжне. Он, как и я, совершенно не мог с ней спорить!

— Эх, молодежь… — притворно прокряхтел Вишневецкий, а потом вприпрыжку побежал в через лес в сторону охотничьего домика Ходкевичей. — Гражинка! Гражинка, ты где? Я сейчас тебе такое расскажу — упадешь!

* * *

Глава 22
Синергия

правки будут вноситься еще дня два. скачивание открою сразу, но предупреждаю — текст будет слегка меняться, лучше подождать. ничего критичного по сюжету, но тем не менее. может быть эту главу по итогу разобью на две.

Юра Ляшков взял на себя самую тяжелую работу: он с каменным выражением лица рассказывал об оценках, которые выдают его сверстники романтическим отношениям между учащимися старших классах, о раннем начале интимной жизни и разнице в подходах к этому вопросу у парней и девушек. Он оставил Демочкиной вопросы попроще: про драки, деньги, умственные способности и внешний вид. С его стороны это было благородно!

«Обкатку» защита работы проходила на общешкольном «Едином дне информирования» — это что-то вроде привычных всем информационных часов, когда обсуждаются актуальные новости и веяния. Тематику таких мероприятия спускали вниз по бюрократической лестнице — из самой Москвы, где располагалось Земское Управление Народного Просвещения — что-то вроде нашего Министерства образования, в земские губернии по всему Государству Российскому, независимо — являлись ли они частью каких-нибудь самоуправляемых единиц типа нашего Великого Княжества, или нет. «Государственные символы Государства Российского», «Наш Государь Иоанн Иоаннович — основные вехи биографии», «Сохранение исторической памяти — дело всех и каждого». Или «Моральные скрепы народов богохранимого Отечества».

Вот в эти самые «моральные скрепы» мы и вписались. Конечно, Ингрида Клаусовна сразу много хмурилась, когда увидела опросник, но потом, после того как мы провели все подсчеты и сделали выводы — обрадовалась. И даже пригласила отца Клауса из нашего собора на «Единый день информирования» — и тут до меня дошло!

Отец Клаус — это отец нашей директрисы! Она — поповская дочка! Ну надо же! С этими кхазадами очень сложно запутаться в плане возраста: с тридцати и до семидесяти они выглядят примерно одинаково, а потом довольно быстро старятся, превращаясь в настоящих стариков и старух. Потому-то я и не проводил никогда параллелей между этими двумя гномами! И вообще — Клаус — довольно распространенное имя среди

кхазадов. Они очень уважали святого Николая, или, если угодно — санта Клауса, и часто нарекали в честь него своих детишек.

В общем — церковь в лице сего достойного пастыря нашу работу одобрила.

— Это очень достойное дело — показывать нашим молодым юношам и девушкам, что хорошим быть хорошо, что моральных, честных, скромных душ вокруг гораздо больше чем агрессивных, развратных и надменных, — кивал отец Клаус.

Но это одобрение имело для меня меньшее значение, чем лица старшеклассников, которые смотрели на экран как завороженные, слушали Ляшкова и Демочкину, переглядывались… Когда ребята закончили, в зале — а точнее, в холле третьего этажа, который у нас использовали вместо отсутствующего актового зала — повисла тишина. А потом Вадим — тот самый хулиганистый парень из десятого класса, громко сказал:

— Капец! А я думал — это я один такой лох! А оказывается — все такие!

Раздались облегченные смешки, а потом все зааплодировали. Демочкина стояла и смущалась, а Ляшков — он раскланялся.

Когда дети разошлись, Ингида Клаусовна подошла ко мне и сказала:

— В Гомель поедете с Еленой Владимировной и ее девочками. Они там тоже провели исследование, пусть и не такое претенциозное как ваше. Хорошее исследование — в области эльфийских гидронимов на Полесье. Девочки реально старались. Поддержите там друг друга, ага? В вас-то я уверена: проиграете или победите, все будет нормально. А вот Владимировна… Она у нас такая впечатлительная! Это ее первая научная школьная конференция, а, как водится, мы за детей всегда волнуемся больше, чем за себя… В общем — надеюсь на вас.

— Галадримское наследие? — я сделал вид, что пропустил ее месседж о склонности молоденькой училки эльфийского к истерикам. — Надо будет взять у нее почитать… Ну да — Ясельда-Асальда, Ореса — Аресса и так далее… Можно интересно поиграться со словами…

— Вы меня услышали? — строго посмотрела на меня, приподняв очки, директриса.

И как это у нее получается? Рост, может быть, метр пятьдесят или метр шестьдесят, а все равно — смотрит сверху вниз! На меня! Вот это — начальник!

— Услышал! Довезу до Гомеля и верну обратно в целости и сохранности! И в столовку заведу поесть! — щелкнул каблуками я.

— В какую столовку? — удивилась кхазадка.

— Известно в какую — в студенческую! Там дешево и порции большие.

— Так это… Хватит тут мне ваших барских замашек, Георгий Серафимович! Ведите себя скромнее! — нахмурила она брови. — Отвезу, отведу… Получите у Верочки командировочные, сядете в поезд и доедете! И чеки на билеты и на обед в столовой — в школу привезите. Из внебюджета компенсируем. Нечего!

Я только ухмыльнулся: она молодец! Но и я — молодец! Львиная доля ее внебюджетных средств — это как раз финансовая помощь после инициаций. А остальная часть — не менее львиная — это пожертвования на благотворительный счет от никому не известных спонсоров. Не так чтобы много. но как раз хватало для того, чтобы все эти довольно многочисленные Пеговы, Невские, и прочие могли пользоваться не хлопающими входными дверьми — с доводчиками, нормальной туалетной бумагой — в достатке, и отличным спортивным инвентарем. Например, лыж в нашей школе всегда хватало на всех, и лыжные ботинки имелись абсолютно всей размерной линейки. Фантастика!

Не школа — а мечта. Но для Атоса это слишком много, а для графа де Ла Фер — слишком мало. Еще одна четверть — и все, с земским образованием мне придется попрощаться. Конечно — кошки на душе скребут. Привык я к этим крашеным половой краской лестничным ступеням, к надписи «Добро пожаловать» над крыльцом, к педсоветам, пятиминуткам и актовому залу в холле третьего этажа. И к детям! Детей оставить будет особенно тяжело.

Но — нужно называть вещи своими именами: если я хочу принести больше пользы — я должен употребить свои способности с максимальной эффективностью. Именно это я сделать и намеревался. Дать шанс как можно большему числу детей… И каждого из них — Ляшкова, Светикову, Кузьменка, всех — я с удовольствием приму у себя в Горыни. Их, и многих других — тоже.

* * *

Я как раз спускался по лестнице, когда телефон завибрировал. Звонила Пруткова!

— Однако, здравствуйте! — ответил я.

— Однако, место под офис я нашла, — явно передразнила меня она. — Где там твой зам по производству и главный безопасник?

— Зам по производству звонит мне прямо сейчас, — я убрал телефон от уха и глянул на экран с удивлением. — Давай-те ка вот что, Наталья Кузьминична… Подъезжайте в «Джильи», это перекресток Земской и Бакланова, а я туда ваших будущих сокомандников приведу в течение получаса. Правда, зам по безопасности и понятия не имеет, что я его собираюсь привлечь, но… Это пустяки, дело житейское. Договоримся!

— Ну-ну… — Пруткова отключила связь.

Я мигом свайпнул по экрану и ответил:

— Пепеляев, слушаю.

— Вартанян на связи, — ответил глубокий голос с едва заметным кавказским акцентом. — Договор имею, надо подписать — и я в вашем распоряжении. Я уже тут, на вокзале вышел, такси вызвал, куда ехать — командуйте…

— Вас все устраивает по условиям? — уточнил я.

Ну не мог я относится к большому профессионалу, который делом доказал свои способности, да и вообще — человеку, который гораздо старше меня, просто как к кабальному холопу! Да он и сам так к себе не относился, это было очевидно. В его тоне не было ни капли подобострастия.

— Почему не устраивает? Конечно устраивает… Адын пункт смущает: начальник — женщина, — усмехнулся Вартанян.

«Дженчина» — примерно так он произнес последнее слово.

— Познакомитесь с ней — перестанете смущаться, я вас уверяю… Значит, что касается такси. Скажите — «Джильи», перекресток Бакланова и Земской. Занимайте любой свободный столик, я скоро буду. Думаю, вы меня узнаете.

— Уверен — вы как все Пепеляевы. Высокий, с рэзкими движениями, очень уверенным взглядом и с бородой — рыжей! — я через телефонную трубку слышал его усмешку.

«Риджей» — вот так оно прозвучало. Мне почему-то казалось, что мы с ним споемся.

— Все так, все так, ориентируйтесь на эти приметы и не ошибетесь.

Его звали неожиданно по-славянски, Богданом. Но вот отчество — оно было чисто тамошним, эриваньским. Богдан Тигранович Вартанян — бывает и такое! Так или иначе — двое из трех ценных специалистов были у меня в кармане. Оставалось уговорить третьего. Я совершенно точно знал: делая дела в Вышемире нельзя обойтись без коренного вышемирца. Без того, кто имеет большой вес и знает здесь каждую собаку.

И при этом — не спелся с нынешней властью. Все-таки Зборовский взял круто, и надежды того же Холода уравновесить его пыл людьми несколько другого склада не оправдались. Эти

самые люди оказались не у дел. И одного из них я собирался прибрать к рукам прямо сейчас, потому что для личности такого масштаба магазинчик с туристско-рыболовно-охотничьими приблудами — это совсем не подходящий уровень.

Я взбежал по ступенькам крылечка с чувством некоторой ностальгии: именно здесь состоялось мое знакомство с криминальной изнанкой Вышемира сразу после попадания в этот странный мир.

— Доброго и приятного дня! — начал я с порога. Покупателей у Рыбака не было, он раскладывал на витрине мультитулы и ножи — стройными рядами. — Имею предложение, от которого будет сложно отказаться!

— Что — собираешь дружину в поход за зипунами? — усмехнулся владелец магазинчика.

— Почти. Собираюсь начать добычу и переработку нефти и газа на Вышемирском месторождении. Собираю команду. Исполнительный директор есть, замдиректора по производству есть, нужен начальник службы безопасности — и можно начинать…

— Это как? — поднял бровь Рыбак. — Ты же этот… Аристократ теперь. Тебе нельзя иметь бизнес в земщине!

— Однако, потому я и пришел к тебе, — развел руками я. — Толковые, амбициозные и честные люди в наше время — настоящий дефицит. Рыболовный магазинчик — не предел мечтаний, верно?

— Может быть, может быть… Мне нужны серьезные аргументы, — он смотрел на меня выжидающе.

Я подошел к самой кассе, осмотрелся, увидел в картонной коробочке выброшенные покупателями чеки и карандаш — рядом с большим калькулятором. И быстро написал несколько цифр на чеке.

— Например, подъемные для главного безопасника. И право набирать людей по своему усмотрению. Под личную ответственность! Я должен быть уверен — ни Холод, ни залетные братки из сервитута, ни даже многоуважаемый сударь Криштопов не смогут сунуть носа на нашу территорию.

— Внушительно… — он кивнул, глядя на цифру. — Это подъемные?

— Это подъемные. Ежемесячную зарплату обсудишь с директором и ее замом.

— Ее?

— О, да, — усмехнулся я. — Если принципиальное согласие от вас получено — пойдемте. У нас встреча в «Джильи».

— Черт с вами, пойдемте! Покупателей сегодня хрен да ни

хрена… — Рыбак осмотрел магазин, перевернул табличку на двери стороной «ZAKRYTO», выпустил меня на улицу и закрыл дверь на ключ.

Дойти от магазина Рыбака до «Джильи» — минуты три, не больше. Уютная кофейня, вся в зелено-деревянных тонах. Тут играла музыка, похожая на джаз, люди говорили шепотом, симпатичные и вежливые барристы работали быстро, улыбались — открыто, готовили — вкусно.

Ярко-алая прическа Прутковой обнаружилась в углу. С ней за столом сидел импозантный полный мужчина средних лет — брюнет с седыми висками и впечатляющих размеров носом. Вартанян! Они что-то увлеченно обсуждали, эриванец активно жестикулировал, бывшая опричница качала головой и щурилась. Спелись!

Мы прошли к ним, маневрируя между столами и стульями, Пруткова отсалютовала нам незажженной сигаретой:

— Мое почтение! Пруткова моя фамилия, Наталья Кузьминична. Вроде как буду руководить всей этой нефтяной богадельней…

— Барев дзес аргели! Я — Богдан Тигранович Вартанян, — он по очереди поздоровался с нами за руку. Снова — без низкопоклонства и подобострастия, совсем не так, как, по моим представлениям мог бы вести себя кабальный холоп или крепостной, если угодно. — Единственный нефтяник в этом достойном обществе.

— Сергей Сергеевич Рыбак, — сказал Рыбак. — Полковник земских войск, в запасе. Предприниматель.

— Георгий Серафимович Пепеляев-Горинович, в некотором роде аристократ, рыцарь, землевладелец, хозяин Горыни и окрестных земель. Школьный учитель, — без нужды представился я. — Присядем?

Мы присели, я достал бумаги от Зборовского на долгосрочную аренду территории и недр, правда — пока без подписи, а еще — данные геологоразведки прошлых лет.

— Вот такие дела, — сказал я. — Ознакомьтесь. С этим мы будем иметь дело.

— Мы? — спросил Вартанян. — Бешеный интерес имею: как не имея права владения собственностью в земщине, и имея необходимость передать его третьим лицам, вы собираетесь осуществлять контроль над этими третьими лицами, э? Вы — нулевка. Не менталист, не некромант, не светлый маг. Как вы обеспечите лояльность?

— ДАВАЙ ИМ ПОКАЖЕМ? — предложил Пепел.

— *Я думаю — это хорошая идея,* — прошелестел Гоша. —

Только чтобы никто другой не видел.

— Вопрос непраздный, — кивнул я. — Что ж… У меня есть средства для убеждения.

Мы сидели в углу, я — спиной к залу, лицом к собеседникам. Мои полыхающие огнем глаза и ладони, покрывшиеся зеленой чешуей, и вытянувшиеся из пальцев острые, громадные когти могли увидеть только эти трое: Пруткова, Рыбак и Вартанян.

— ТАК УЖ ПОЛУЧИЛОСЬ, ЧТО Я, ОДНАКО, ДРАКОН, — пояснили мы.

— Вопросов больше нэ имею, — поднял ладони вверх Вартанян. — Дракон — это значит умеет хранить и преумножать ценное имущество, да?

— Ять, Пепел… — задумчиво проговорил Рыбак. — А мы тут думали-гадали, где ты взял огнемет… Ну, тогда. На речке, когда братков уделал. Но, оказывается, он у тебя встроенный, да? Ты ведь весь город мог бы спалить! А… Не мог. Тут же детей, полно, действительно…

— Действительно, — кивнул я. — Дети — цветы жизни. Так или иначе — от каждого из вас мне нужна вассальная присяга. Вы же понимаете. И нефтяная компания будет записана на вас. Я — только инвестор.

— Да-а-а-а, — Пруткова достала зажигалку и едва не закурила, но мигом опомнилась, и спрятала ее в карман. — А если мы его кинем — он нас сожрет.

— Но сначала — зажарит! — почему-то обрадовался Вартанян и потер руки. — Шашлик будет! Короче-е-е, хозяин, я в деле! Покупай меня у Афанасия Афанасьевича, хоть сегодня, и я список дам — еще восемьдесят семь человек точно покупай, с семьями. Остальных тут найдем. Наработаемся!

* * *

Знаете, как это бывает в системе образования? Конференция начинается в два часа, но прийти стоит к часу, поэтому в Гомель, до которого пятьдесят минут езды, стоит приехать к двенадцати, а значит из Вышемира нужно выехать в десять, а раз в десять поезда нет и он в девять-двадцать, то с полдевятого бедные дети кучкуются на вокзале. Потому что — мало ли!

Благо, своих я проинструктировал, они были обученными, так что когда я вошел в зал ожидания с билетами в руках, Юра Ляшков уже подкреплялся бутербродами из тормозка, и угощал подопечных Елены Владимировны: двух худеньких девятиклассниц. Они смотрели на него как на небожителя, он

чувствовал себя как минимум античным героем. Демочкиной не наблюдалось, Елены Владимировны тоже.

— Серафимыч! — обрадовался Юра. — А мы тут вот…

— Вижу, что тут вот! А Дёмочкина где?

— Небось, к самому поезду прибежит… Вечно она… — у Ляшкова по лицу пробежала тень.

Пользуясь тем, что девятиклассницы были увлечены поглощением юркиных бутербродов и рассматриванием глянцевого журнала, я спросил:

— Что-то у тебя с ней не так?

— А… Не! — он смущено почесал затылок. — Спасибо вам, Георгий Серафимыч, что ну… Привлекли ее. Я к ней присмотрелся, и понял — не, не мое. Если бы вот так со стороны продолжал любоваться — до сих пор сох бы, наверное. А так — разобрался. Настырная и это… Ну, лучше всех все знает. Никогда не признается, что не права, хотя сама даже Жюля Верна не читала!

— А ты читал? — удивился я.

— Читал! — сделал вид оскорбленной невинности Ляшков. — И «Дети лорда Гленарвана», и «Пятисотлетний капитан»!

Вот и угадывай: это он мне втереть очки пытается, или местный галльский Жюль Верн реально такие книжки понаписывал!

— Но вы ей не говорите. Она девчонка что надо, просто ей нужен рядом какой-нибудь размазня, чтобы все время поддакивал, — шмыгнул носом парень. — А я — не такой. Меня иногда прям бесит.

— Что ж, — я пожал плечами. — Так или иначе — вопрос решился в твою пользу, да?

— Ага. А еще работа эта… Тоже — спасибо. Помогло разобраться. Раз у всех такие проблемы как у меня — то и переживать нечего, верно? Остальные же как-то справляются!

— Или нет, — улыбнулся я. — Или — не справляются и ломают дверцы в туалетах.

— Я все починил! — возмутился он. — Еще в начале четверти… О, а вот и Демочкина.

Мне очень нравилось, что он не нервничал. Его, похоже, не особенно волновало будущее выступление перед большой аудиторией и защита работы. Может — вырастет из него настоящий журналюга, или — маститый лектор, или просто — хороший мужик, который за словом в карман не лезет и не боится высказать свое мнение. Это тоже — очень и очень немало.

А вот Демочкина — она вся почти извелась. Она даже шла к нам вприпрыжку, а глаза у нее блестели.

— Юрка-а-а-а! — она взяла — и обняла Ляшкова.

Судя по его ошарашенным глазам, такое с ними было впервые. Эх, молодежь… Пушкина надо читать, он все еще в начале девятнадцатого века по этому поводу сказал… Следом за Демочкиной прицокала Елена Владимировна: как всегда со вкусом одетая, отлично накрашенная, с этой своей челочкой, в очочках и зимних сапожках — на каблуках. Ну просто типичный типаж симпатичной молоденькой учительши, от которой сохнут старшеклассники. Да и коллеги, наверное, тоже. Все, кроме меня. Не приспособлен я сохнуть по двум женщинам сразу — это раз, и не привлекают меня совсем молоденькие — это два. В конце концов, я взрослый мужик, мне по-настоящему тридцать пять лет! Ядвиге — двадцать четыре, она здешнего Гоши на годик-другой младше, а эта — после педколледжа только! Сколько ей — восемнадцать, девятнадцать? Подумать страшно: там, на Земле, такие пигалицы нарожались после двухтысячного года! Да это вообще детский садик какой-то!

В общем, с Еленой Владимировной я поздоровался официально. Потому что понятия не имел, как себя вести в ее обществе. Как со своим парнем — не мог, потому как она ни разу не парень, как с симпатичной девушкой — тоже не мог, потому как самому противно потом будет.

Благо — голос из динамика вскоре объявил прибытие поезда на Гомель, и тут же сразу выяснились две вещи: сапожки на каблуках слабо подходят для того, чтобы взбираться на довольно крутые ступени пригородной электрички… Еще одна вещь тоже не предвещала ничего хорошего: Демочкина тормознула меня в тамбуре, пока остальные искали место в вагоне.

— Георгий Серафимович, я хотела вам сказать большое спасибо, — вздохнула она. — Мне вообще не важно — победим мы или никакого места не займем. Благодаря работе над исследованием я по-новому на Юрку взглянула… Он такой классный! Я рядом с ним вообще ничего не боюсь. И вообще — из других парней и слова не вытянешь, а мы с ним спорим так, что искры из глаз, мне та-а-ак нравится! Ой, простите — может я не к месту…

— Ляшков — хороший парень, — сказал я в воздух.

— Вот, место нашли! — замахал хороший парень из вагона.

И я выдохнул с облегчением. Одно дело — дать совет парню. Другое — что-то там рассказывать о жизни шестнадцатилетней девочке-девушке. Понятия не имею, как это делается. Были бы дочки — может быть научился бы.

Благо — по дороге в Гомель все были заняты делом: читали в тысячный раз работы, готовились отвечать на каверзные вопросы

жюри и оппонентов… Елена Владимировна тоже переживала — как бы не больше своих учениц.

— Ой, Георгий Серафимович, а вы знаете — я ведь так и не послушала ваше исследование! Все в восторге — от выступления ваших ребят, а у меня форточка была, я домой ездила…

— Вот на конференции и ознакомитесь, — ободряюще кивнул я.

И уставился в окно. Я столько раз ездил этим маршрутом — Вышемир-Гомель — на Земле, что сейчас с большим интересом разглядывал заснеженные деревеньки, леса и поля, и выискивал малейшие сходства и различия.

* * *

Конференция проходила в Гомельском Великокняжеском университете имени Франциска Скорины — известного просветителя, гуманиста и популяризатора академической магии. Корпуса аналога моей земной альма матер располагались на улице Земской — она тут в каждом городе была, вроде как у нас Советская, — улице Завиши Чарного и на улице Собакевича. Секции распределились по факультетам. Гуманитарно-филологическая, в которой, что логично, мы оказались вместе с девчатами Елены Владмировны, проводилась на улице Завиши Чарного, в четвертом корпусе — месте дислокации исторического, юридического и филологического факультетов. У нас было не так — но кого это интересует!

Ребята выступали в огромной аудитории-амфитеатре, перед настоящими докторами наук: языковедами, историками, юристами, социологами и философами. Страшное дело!

Педагогов сразу же определили на галерку — дабы советами и шиканьем своим не смущали юные умы. Ну и не науськивали участников друг на друга, не подсказывали каверзные вопросы. Спрашивать имело право только жюри и школьники-участники. Я слушал с интересом, и с все возрастающим приятным чувством предвкушения: может быть, наша работа и не была самой масштабной или солидной, но уж точно — интереснее и провокационнее темы не нашлось! Да и в Ляшкове с Демочкиной я ни капельки не сомневался: ребята что надо!

Для приличия, после выступления девчонок с их славянско-эльфийскими гидронимами, я показал Елене Владмировне большой палец:

— Очень достойно! Хорошо смотрелись, и работа стоящая!

Оно и вправду было так, просто — ничего нового. Хорошо

известные факты, собранные по кусочкам из разных источников. Но у учительши аж глаза засияли! Это что — я для нее настолько авторитет? Она одними губами прошептала:

— Спасибо, Георгий Серафимович!

Но я уже отвлекся от нее: выстали ребята из Ветковского района про какой-то странный обряд «Пахаванне стралы» — «Похороны стрелы», если по-русски. А после них должны были выйти мои! История с этим обрядом, наверное, стоила внимания, но я малость занервничал: учительская болезнь, за учеников мы переживаем больше чем за себя…

Однако — зря. Ляшков и Демочкина включили презентацию, и звонкий голос десятиклассницы заполнил собой зал:

— Часто в жизни нам приходится сталкиваться со стереотипами — привычными моделями отношения или поведения, направленными на какую-либо социальную группу. Одной из самых частых объектов для стереотипного мышления является такая группа как молодежь. «Вот нынче молодежь пошла! Ни стыда, ни совести, одни гулянки на уме!» — можно услышать на лавочке у любого подъезда. Старшее поколение — бабушки и дедушки, и люди в самом расцвете сил — мамы и папы, нередко имеют весьма смутное представление о том, чем живут их молодые соотечественники, их дети и внуки…

Научил я их держать аудиторию, даже педагоги на последних рядах перестали шушукаться и глянули на экран и смотрели на диаграммы как завороженные. Да, вопросы и ответы про престиж хорошей успеваемости и карманные деньги вызвали интерес, но когда Юра стал рассказывать про романтику и интим — сначала поднялся гул, даже среди членов комиссии, а потом воцарилась мертвая тишина. «Тема номер раз» — актуальна во все времена, в любом возрасте.

— Как можно увидеть на диаграмме, мнения разделились весьма симметрично: 35% считает, что большая часть современных десятиклассников ни с кем не встречается, еще 32% думает, что для нынешних выпускников характерны длительные постоянные отношения, — Ляшков академическим жестом поправил очки. — Беспокойство вызывают 38%, считающих своих сверстников непостоянными и ветренными. Так ли это — можно судить по следующему вопросу: *' Состояли ли вы в отношениях с девушкой (парнем) в последние два года?'* Только 6% опрошенных признались, что не стремятся к постоянству, для остальных характерно или отсутствие романтических отношений, или стремление встречаться с одним человеком.

— А такое можно…? — прошептала Елена Владимировна, глядя на меня очумелыми глазами.

Я пожал плечами в ответ. На самом деле ее эмоциональная реакция была для меня довольно странной… Хотя — мало ли, что там ее зацепило? Ляшков меж тем, взявший на себя самый тяжкий блок вопросов, продолжал жечь:

— Если верит данным опроса, подавляющее большинство юношей — около восьмидесяти процентов к десятому классу не имело интимных отношений, еще семнадцать- имели такой опыт (включая интимные ласки) с одним партером. Также и семьдесят процентов девушек-выпускниц вообще не имели интимного опыта, еще тридцать — только с одним человеком… Ни одна девушка не призналась, что имеет большой интимный опыт с разными партнерами!

— Врут! — выкрикнул кто-то.

Ляшков не сплоховал:

— Даже если все отвечающие врали, то это означает, по крайней мере, тот факт, что в молодежной среде непостоянство и беспорядочный образ жизни не в моде и вызывают чувство стыда! — парировал он и продолжил. — И тем более странным выглядит вот эта диаграмма — значительная часть опрошенных юношей и девушек считает, что у почти всей женской части выпускных классов имеется богатый интимный опыт! Снова мы имеем дело с пессимистичной оценкой молодежи самой себя, с высказыванием точки зрения, навязанной извне, основанной на фильмах, сплетнях и домыслах. Факты говорят о том, что большая часть юношей и девушек или не имели такого опыта, или придерживаются традиционной моногамии в вопросах интимной жизни, и это не может не радовать!

В общем — мои ребятишки поймали кураж. Они лихо отбивались от вопросов, которые вопреки всем правилам стали накидывать и педагоги. Было видно, что подобного рода исследования тут в новинку, да и результатов таких никто не ожидал… Все увлеченно смотрели на помост, кафедру и мультимедийный экран, все взгляды сконцентрировались на моих учениках.

А я смотрел на столешницу парты, за которой сидел. Из нее прямо на глазах, как в таймлапсе, прорастали крохотные зеленые побеги, распускались листочки, открывались бутончики и расцветали цветы. Вся лакированная деревяшка покрылась вязью тоненьких корешков, в аудитории запахло ароматами роз и фиалок.

— Регламент, дамы и господа, регламент! Заканчиваем с вопросами! Продолжим после перерыва! — громогласно заявил председатель жюри, и я был ему очень благодарен — пусть это и смазало окончание выступления Ляшко и Демочкиной.

Все ломанулись на выход — обсуждать выступления и строить предположения о призовых местах. Даже мои ребята — и те вышли. В аудитории остались только я, жюри и — Елена Владимировна.

— Господа, вам стоит вызвать опричников, — сказал я. — И министерского мага.

— Что, простите? — стали оборачиваться светила гомельской гуманитарной науки.

Я смотрел на учительницу эльфийского, свою коллегу. Девушку, девочку восемнадцати или девятнадцати лет отроду, и пытался вспомнить — какая верхняя планка инициации первого порядка сейчас считалась общепризнанной? Семнадцать лет? Или все-таки девятнадцать — в виде исключения?

Ее волосы сверкали изумрудно-зеленым цветом, на плечах и ладонях расцветали цветы, и целый сонм внезапно пробудившихся от зимнего сна, невесть откуда взявшихся ярких бабочек порхал вокруг нее. Глаза Елены Владимировны горели теплым, желтым светом.

— Что со мной, Георгий Серафимович? — ее голос звучал так, как шумит майская роща под порывами первого теплого южного ветра

— Инициация первого порядка. По всей видимости — вы теперь природный маг, коллега, с чем я вас и поздравляю.

— Но я ведь только слушала ваших ребят, и подумала, что не одна такая, и… Что теперь со мной будет?

— Все с вами будет нормально, — жюри уже выбегало из аудитории, кто-то вызывал аварийные службы, в корпусе звенела пожарная сигнализация. — Я прослежу.

— Я вам верю, Георгий Серафимович! — кивнула она, а потом встала из-за парты, подошла к большому, до самого потолка окну, и стала глядеть на улицу.

Там, из главного входа, уже выбегали студенты и преподаватели, выли сирены, подъезжали машины скорой помощи, милиции, пожарных… А здесь, в аудитории, на подоконниках распускались тюльпаны.

* * *

4 том истории Георгия Пепеляева закончен, впереди — еще один, но не прям сразу. О планах и т.д. — читайте завтра в блоге. Помните: лучший подарок автору — подписка на эту страницу. Так вы точно будете в курсе всех обновлений, а я буду смотреть на растущее число читателей и думать, что не

такой-то я и пропащий человек)))

Nota bene

Книга предоставлена Цокольным этажом, где можно скачать и другие книги.

Сайт заблокирован в России, поэтому доступ к сайту через VPN. Можете воспользоваться Censor Tracker или Антизапретом.

У нас есть Telegram-бот, о котором подробнее можно узнать на сайте в Ответах.

* * *

Если вам понравилась книга, наградите автора лайком и донатом:

Как приручить дракона – 4